ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Gutenberg

ИОГАНН ГУТЕНБЕРГ

ЧЕЛОВЕК, ИЗМЕНИВШИЙ ХОД ИСТОРИИ

ДЖОН МЭН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1450 году все книги в Европе переписывались от руки, а их количество не превышало нескольких тысяч. К 1500 году их уже печатали, а количество возросло до миллионов экземпляров. Изобретение книгопечатания с использованием подвижных литер Иоганном Гутенбергом произвело настоящую революцию. Именно благодаря Гутенбергу увидела свет величайшая жемчужина в мире искусства и технологий – Библия.

Сама жизнь Иоганна Гутенберга была полна парадоксов. Это история почти не признанного гения.

Обо всем этом и многом другом расскажет эта книга.

- Джон Мэн
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
    -
    - Для справки
  - Глава 8
  - Глава 9
    -
    - Постскриптум
  - Глава 10
  - Приложение I
  - Приложение II
  - Библиография
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Джон Мэн
Иоганн Гутенберг

Введение
Третья революция

Иоганн Гутенберг.

Если представить историю развития человеческого общения за последние 5 тысяч лет в виде графика, то можно увидеть, что путь от нечленораздельного рычания до электронной почты не является плавной линией. На ней отчетливо выделяются четыре поворотных момента. Каждый из них соответствует изменению, при котором общение резко перешло на новый уровень (начиная со скорости и заканчивая распространенностью). Первый этап – возникновение письменности, благодаря чему появилась возможность создания больших устойчивых обществ, элиту

которых составляли священнослужители. Второй поворотный момент – создание алфавита (в результате сегодня письменность доступна детям с четырехлетнего возраста). Третий этап – изобретение книгопечатания методом подвижных литер. Четвертый поворотный момент – появление Интернета, который, похоже, превращает нас в единый всемирный организм.

Данная книга посвящена третьему поворотному моменту. Около 600 лет назад метод подвижных литер быстро распространился по всей Европе, а затем и по планете. Книгопечатание настолько радикально изменило мир, что теперь представить без него жизнь невозможно. Хотя делать что-то подобное нет смысла: книгопечатание все равно изобрели бы, поскольку все необходимые для этого составляющие были в Европе еще в XV веке, причем не только в Германии и не только в родном городе Гутенберга. Тем не менее именно Гутенберг сумел найти тот импульс, который соединил все предпосылки в единое изобретение.

> Можно выделить четыре этапа развития человеческого общения: возникновение письменности; создание алфавита; изобретение книгопечатания методом подвижных литер; Интернет.

В результате мир узнал совершенно новый тип общения. Внезапно, по историческим меркам в мгновение ока, писари стали не нужны. Если еще за год до гениального изобретения на создание одного экземпляра книги требовалось 1–2 месяца, то благодаря Гутенбергу изготавливать 500 экземпляров стало возможным за неделю (именно таким был средний тираж в первое время). Доставка по-прежнему была либо пешей, либо на лошадях, но это роли уже не играло. Ведь удачная книга, напечатанная большим по тем временам тиражом, – это как камень, брошенный в воду: слово расходится, как волны по воде, и воспринимается сотнями, тысячами, миллионами человек.

Книга – это феномен, затрагивающий практически все аспекты жизни. К примеру, если бы все происходящие в стране события и принимавшиеся в связи с этим законы, обязательные для исполнения гражданами, документировались более подробно, сегодня у нас было бы прекрасное учебное пособие по организации мятежей. Благодаря существованию книг ученые могут сравнивать результаты исследований и, опираясь на сделанные до них открытия, совершать новые, что способствует более быстрому и лучшему пониманию устройства Вселенной. Изобретение Гутенберга – тот фундамент, на котором основаны современная история, естественные науки, популярная

литература, возникли нации и государства, да и вообще многое из того, что мы называем современным.

* * *

Чтобы получить хоть небольшое представление о том, какое значение имеет изобретение Гутенберга, давайте заглянем на международную книжную ярмарку во Франкфурте, где свою продукцию представляют издатели из Великобритании, США и других стран мира. Каждый из них старается выделиться на фоне других и вызвать интерес к своему стенду, о чем свидетельствуют 400 тысяч названий книг – и это только те, которые выпущены за время, прошедшее с предыдущей ярмарки. (У начинающих издателей может вызвать недоумение обилие на книжной ярмарке колбасных изделий, кофе и пива. Писатели ведь должны контролировать свои желания и не отклоняться от намеченного пути.)

> Книга – это феномен, затрагивающий практически все аспекты жизни.

Перед нами Ник Вебб, в прошлом генеральный директор издательства, а ныне автор, получивший наибольшую известность за написанную им биографию Дугласа Адамса[1] «Жаль, что тебя нет с нами» (*Wish You Were Here, Headline, 2003*), которому не в новинку присутствие на выставке, главным образом в ее международном отделе.

Назовем только некоторые издания. «Украшение садовой тачки» (*Wheelbarrow Decoration*), «Видения у смертного одра» (*Deathbed Visions*), «Реализация внутреннего „я“» (*Realising the Inner Self*), книги о динозаврах (все еще), «Профессиональные заболевания поваров» (*Vocational Diseases of Professional Cooks*), «Семиотика моделей сапог» (*The Semiotics of Sneaker Design*), романы, количество которых не позволяет привести все названия (не менее 20 тысяч из них совершенно новые), серии книжек с симпатичными героями-зверьками, книжки-раскладушки, наборы карточек, книжки с музыкальными чипами, опять эти динозавры, «Литые модели образца 1945—1948 годов» (*Die – Cast Models from 1945 to 1948*), «Группа „The Corrs“» (*The Corrs*) (на 12 языках), «Как стать миллионером и остаться приятным человеком» (*How to be a Millionaire and Remain a Nice Person*), «Как стать миллионером, будучи законченным негодяем» (*How to be a Millionaire by Being a Complete Bastard*), «Наследие Биро» (*The Legacy of the Biro*), еще

романы, многие из которых написаны милыми подростками, живущими на батончиках *Mars*, а потому пригодны разве что для их собственного продвижения, «Стратегии борьбы с преступностью в современном торговом центре» (*Crime Control Strategies in the Modern Mall*), «Искусство украшения афганских грузовиков» (*The Art of the Afghani Truck*), «Искусство украшения афганских грузовиков», часть 2 (*The Art of the Afghani Truck Vol. 2*), «Золотой период: Парменид – заново открывая гения» (*The Golden Period, Parmenides – the Rediscovered Genius*), «Был ли Бог ножкой стула?» (*Was God a Chair – Leg?*), «Времена до Сократа, не включая Парменида» (*The Pre – Socratics Excluding Parmenides*), а вот еще романы, уже более маститых писателей, находящихся на вершине творческой славы: «Салаты из съедобных цветов» (*Salads with Edible Flowers*), «Порно» (*Porn*) – не существует ни одной темы (какой бы узкоспециальной, бессмысленной, недальновидной или смущающей она ни являлась), которой не была бы посвящена хоть одна книга. О да, некоторые из них, несомненно, являют собой видоизмененное воплощение творческого гения человечества, ставящего целью духовное обогащение как читателя, так и культуры. Но, видит бог, все оставшиеся книги вы можете собрать в кучу, которая будет представлять собой высоченную гору отбросов.

И это только за год! Причем я говорю исключительно об англоязычных изданиях, которые находятся только в одном из 10 залов Франкфуртской книжной ярмарки. Кстати, помимо этой ярмарки, в мире ежегодно проводится еще около десятка различных книжных выставок. При работе над своей предыдущей книгой о более раннем изобретении, алфавите, мне пришлось изучить такой объем печатных материалов, вес которых равен печатной продукции, издаваемой за целый год. В 1455 году все книги, изданные в Европе, можно было увезти в одном фургоне, а уже через 50 лет количество названий книг составляло десятки тысяч, число томов выросло от единиц экземпляров до миллионов. Сегодня с печатных станков сходит по 10 миллиардов экземпляров книг в год. Это почти 50 миллионов тонн бумаги. Добавьте сюда еще 8–9 тысяч экземпляров ежедневных газет плюс воскресные выпуски и журналы – и цифра увеличится до 130 миллионов тонн.

Это довольно высокая гора. Ее высота составила бы 700 метров – в четыре с лишним раза выше пирамиды Хеопса. Умножьте это число на полтысячелетия книгопечатания, прошедшего со времен Гутенберга, – и получите огромную гору печатных материалов. Поскольку значительная часть роста

объемов пришлась на минувшее столетие, высоту пиков вполне можно уменьшить, но даже в этом случае мы получим сотни пирамид, высота каждой из которых в два раза превышает уже упомянутую пирамиду Хеопса. Причем процесс продолжается. Несмотря на то что несколько лет назад было модно предсказывать конец книгопечатания, электронные публикации никак не повлияли на реальное положение дел. А впереди – еще более высокие горы бумажных книг.

Для исследователей, университетов, музеев, организаторов выставок и конференций изучение истории книгопечатания успело стать бизнесом. В 2000 году отмечалось 600 лет с предположительной даты рождения Гутенберга, что и послужило основанием для проведения международного фестиваля. В Британской библиотеке Гутенберг был признан человеком тысячелетия, как и в родном городе Майнце. Так, Луисвилл, штат Кентукки, не имеющий никакого отношения к истории книгопечатания, настоял на проведении собственной выставки Гутенберга только потому, что, как оказалось, этот город является побратимом Майнца. Японский Университет Кэйо взялся собрать все сохранившиеся примеры из величайшего труда Гутенберга – отпечатанной им Библии – в оцифрованном виде (первые результаты уже выставлены в Британской библиотеке и представляют собой отдельные буквы, проработанные до мельчайших деталей). Каждый год общество Гутенберга в Майнце выпускает подборку научных докладов, в которых подробно рассматриваются его жизнь и изобретение.

> Общество Гутенберга в Майнце каждый год выпускает подборку научных докладов с подробным анализом его жизни и изобретения.

Тем не менее в основе всей этой так называемой гутенбергианы лежат загадки, ожидающие своего исследователя, и истории, ожидающие своего рассказчика, – отчасти потому, что Библия Гутенберга, как и все революционные книги, действует на наше историческое зрение подобно лучу яркого света, ослепляя и не позволяя видеть самое начало. С нашей точки зрения, Библия Гутенберга – яркое начало, но, помимо этого, она является результатом двух десятилетий интенсивных исследований и разработок. Ослепленные этим ярким светом, мы не можем увидеть сам момент создания и дать ответ на некоторые основополагающие вопросы. **Почему именно Гутенберг? Почему именно на рейнских землях? И почему в середине XV века?** Чтобы дойти до сути вопроса, нужно понять, какова доля личного гения Гутенберга в этом изобретении.

Чтобы разобраться в подобных вопросах, придется погрузиться в непривычный нам мир и вернуться в далекое прошлое по мостику, которым является изобретение Гутенберга.

В те времена Европа была не так плотно населена, как сейчас. Города, соединенные немощеными дорогами, были тогда не больше сегодняшних деревень. В западной части Германии можно было за полдня пешком или на лошади добраться от одного города до другого через леса, где обитали волки и злые духи. Если бы вы по глупости или несчастью оказались в сельской местности ночью, то не смогли бы увидеть и проблеск света – только затянутое облаками небо да слабое мерцание звезд. Большие здания: соборы, крепости, монастыри – являли собой настоящее чудо для простых людей, жизнь которых зависела лишь от смены времен года, состояния здоровья, климатических условий да политики правителей. Даже образованное население имело весьма смутное представление о событиях, которые в итоге задали направление развития целых поколений на несколько эпох вперед. Экспериментальная наука была чем-то из области невозможного, христианский Бог – живой сущностью, бессмертная душа – такой-же реальностью, как и тело, а грех – заразой, подобной чуме. В поисках духовного спасения десятки тысяч паломников посещали сотни близлежащих святых мест, вместо того чтобы предпринять опасное путешествие длиною в год к настоящей Святой земле. За небольшую плату можно было купить индульгенцию, освобождавшую человека от бремени греха, правда, только на какое-то время. Такие условия и отношения оставались неизменными в течение очень долгого времени, представляя собой тот набор незаметных на первый взгляд мелочей, которые сформировали немецкоязычный мир, Священную Римскую империю, от которой Германия освободится только 400 лет спустя.

Печатная Библия Гутенберга – результат двух десятилетий интенсивных исследований и разработок.

* * *

Поиски ответа на эти вопросы привели меня к удивительным выводам.

Если книгопечатание – это одна из основ современного общества, тогда Гутенберг, по моим предположениям, должен был являться бескорыстным гением, полностью посвятившим себя совершенствованию мира и стремившимся упростить

возможность получения новых знаний.

Ничего подобного! Истина, как это мне представляется теперь, в точности противоположна моим догадкам. Целью Гутенберга, скорее всего, было извлечение прибыли на еще не освоенном рынке. А эта задача могла быть достигнута, только если бы он сделал что-то действительно революционное, объединив расколовшийся христианский мир. Однако ирония судьбы заключается в том, что Гутенберг добился цели, прямо противоположной той, к достижению которой стремился. Проявив поразительную сообразительность и настойчивость, он достиг успеха, но потерял почти все, с огромным трудом избежав бедности и забвения.

> Гутенберг достиг успеха в книгопечатании, но потерял почти все, с огромным трудом избежав бедности и забвения.

Напечатав величайшее из христианских изданий, мастер создал предпосылки для революции – Реформации, которая навсегда расколола христианский мир.

Его история – это история почти непризнанного гения. Если бы письменных документов того времени было чуть меньше, мы не относились бы к Гутенбергу как к первопечатнику Библии столь благоговейно. Нам остались бы только результаты его работы: идея, изменившая весь мир, и одна из самых удивительных книг, жемчужина в мире искусства и технологий, появившаяся в полностью законченном виде. Совершенство ее во много раз превосходит назначение, по которому она используется. Это напоминает нам о том, что дело, начатое Гутенбергом, содержит в себе элементы возвышенного и среди гор печатных материалов действительно есть произведения на вес золота.

> Печатная Библия Гутенберга – жемчужина в мире искусства и технологий.

Глава 1
Потускневший золотой город

В XV веке добираться до Майнца лучше всего было по Рейну. Давайте представим, что мы плывем вверх по течению, как и семья Гутенбергов, которая часто ездила в город из своего имения, находившегося в 10 километрах севернее. Паромщик и его команда из восьмерых гребцов стараются идти близко к берегу, поскольку ближе к середине реки течение сильнее. Впереди, там, где Майн впадает в Рейн, есть илистая отмель, поэтому судно поворачивает, чтобы пересечь реку. И вот перед нами открывается город со множеством башен и крыш, обнесенный стеной. Мы проплываем мимо трех огромных водяных мельниц, колеса которых медленно вращаются под действием потока воды, и подходим к пристани, где пришвартовано с десяток судов. Остальные суда стоят в заводи, ожидая погрузки. Двумя плавучими кранами разгружают тюки ткани, раскачивая их, как на качелях, и оставляют на прибрежной полосе, простирающейся на 100 метров в виде пологого склона, постепенно поднимающегося к городской стене, которая укреплена четырьмя башнями и почти соприкасается с задними стенами домов и бастионов. Через городские ворота ломовые лошади с трудом везут груженые телеги. За стеной видны силуэты деревянных крыш и ряд шпилей. Если посчитать, их окажется 40 штук. От них и исходит тот звук, который слышен громче и четче остальных, – звон колоколов. Над всем этим возвышается мощная башня из темно-красного песчаника – шпиль собора Святого Мартина, достопримечательность центра. Местные жители до сих пор гордятся римским названием города – *Aurea Maguntia* (Золотой Майнц).

> Майнц в XV веке – город со множеством башен и шпилей, обнесенный стеной.

Золотой Майнц с оживленными верфями, глинистой прибрежной зоной и водяными мельницами. Изображение датируется 1565 годом, спустя почти 100 лет после смерти Гутенберга. Однако с тех пор вид города радикально не изменился.

По мере приближения очарование этой картины незаметно отходит на второй план и в нос буквально ударяет резкий запах. На прибрежной полосе царит полный хаос: здесь множество лошадей, утопающих в грязи. Пересекая ее, вы постепенно пробираетесь к главным воротам – «Железной башне». Свое название ворота получили в честь мастеров по металлу, которые предлагают здесь свой товар уже почти 200 лет. Затем вы проходите через внешние и внутренние ворота мимо стражи. Внутри – шум и неразбериха. Босые крестьяне на все лады предлагают чесаный лен, рыботорговцы – свежий улов, протискивающиеся сквозь толпу торговцы тканями – товар из Голландии и Бургундии. На дороге лошади никак не могут разминуться с коровами, овец и свиней гонят по улице между телегами и людьми. Канализация представляет собой сточные канавы, идущие вдоль главных улиц и слегка прикрытые досками. Настоящих вымощенных камнем дорог в Майнце не будет еще целых 100 лет. Все дороги – сплошное месиво из грязи и навоза. Прибывшему сюда впервые все это покажется хаосом – но только не горожанам, которые прекрасно знают и соблюдают определенную иерархию. Вам может посчастливиться увидеть правителя, архиепископа и его свиту, всячески демонстрирующую власть и щеголяющую в дорогих одеяниях. Во всей этой суете вы можете не заметить выходящую из каменного дома жену купца в роскошных мехах, но вы непременно увидите ремесленников, которые вносят огромный вклад в деловую жизнь города и делают

его улицы красивым зрелищем.

Каждое ремесло имеет свой производственный участок, а его члены объединены в гильдии. В те времена в Майнце было 34 гильдии, причем представители большинства из них выполняли работу, результаты которой можно было ощутить сразу же. Вот сладковатый запах древесины, острый запах опилок и древесной стружки, аромат свежеиспеченного хлеба, поток горячего воздуха из печи гончара. Каменщики и кровельщики стучат молотками, дубильщики и кожевенники обрабатывают, скребут и режут кожу. Одни профессии покажутся вам вполне знакомыми: портные, плотники, скорняки, кузнецы, садоводы, другие вряд ли можно встретить в наши дни: бондари, солемеры, сновальщики, хирурги-цирюльники (в то время это была одна профессия). Далее расположились мастера по металлу, шорники, художники, виноделы, продавцы вин, канатчики, сундучники, щитники, ткачи льна, садовники, башмачники и сапожники – все это обычные для любого средневекового города профессии. Работники речного порта (лоцманы и рыбаки) относились к другим гильдиям. Но здесь, в Майнце, интересы рыбаков в верховье не совпадают с интересами рыбаков в низовье, да и у сопровождающих товар в верховье и в низовье интересы разные. Все гордятся своими умениями, подтверждая их фамильными гербами, украшают ими одежду, товары и здания, словно племенными тотемами. Вновь прибывшие скоро научатся отличать оленя, символ мясников из Верхнего проезда, от вола, символ их коллег и конкурентов из Нижнего проезда.

> В XV веке в Майнце было 34 гильдии: каменщики, кровельщики, дубильщики, кожевенники, портные, плотники, скорняки, кузнецы и т. д.

Пробираясь через эту грязную толчею по улицам, которые и по сей день носят те же названия, вы пересекаете рыночную площадь, проходите мимо 48 лавок, имеющих разрешение на торговлю тканями, и мимо собора, где только началось строительство двухэтажного монастыря. Справа, за монетным двором, находится ратуша с зубчатым фронтоном. Проходим по узкой улице между ней и прямоугольным фасадом здания оптового рынка, где речные торговцы предлагают свои товары, мимо мальчишек, развозящих на тележках рыбу, мимо представителей городской власти, проверяющих бочку с салом, затем, минуя несколько переулков, приближаемся к простой крепкой церкви с невысокой трехэтажной башней, которая в скором времени будет увенчана шпилем и станет одной из достопримечательностей города. Церковь названа в честь святого

Христофора – покровителя путешественников, который, согласно легенде, перенес младенца Христа через реку.

Буквально в двух шагах отсюда, где Кристофштрассе (улица Христофора) пересекается с улицей Сапожников, находится один из самых солидных домов высшего класса Майнца. Он состоит из двух соединенных под углом трехэтажных корпусов. Дом укреплен элементами крепости, что неудивительно, учитывая историю гражданских волнений в Майнце. В стенах на первом этаже прорезаны маленькие окошки, сквозь которые в кладовые проникает тусклый свет. Выше находятся жилые помещения.

Церковь Святого Христофора – одно из немногих зданий, дошедших с 1400 года, находится в руинах. Ее стены, выполненные в романском стиле, поддерживаются поросшими сорняками подпорками из бетона, сооруженными в 1960-е годы. Итак, мы пришли к дому Гутенберга.

Настоящий дом Гутенберга после многочисленных реконструкций сровняли с землей. Его неравноценной заменой стала специализирующаяся на лечебных чаях аптека семьи Манн. В наполненных различными ароматами комнатах призраки пока не встречались.

> Горожане гордятся своими умениями, подтверждая их фамильными гербами и украшая ими одежду, товары и здания, словно племенными тотемами.

* * *

С 1400 до 1500 год это здание было известно как дом Гутенберга, но не из-за того, что здесь жила семья изобретателя. Гутенберг – это название дома, а не фамилия, по крайней мере, пока еще не фамилия. В то время фамилии (в нашем нынешнем значении) были редки. Если человек из высшего общества, не аристократ, был известен еще под каким-либо именем, кроме данного при крещении, это почти всегда было название его дома или имения, поэтому к имени добавлялась приставка фон (*von* – от этого) или цу (*zu* – к тому). Города, деревни, районы и большие дома – все они выступали в качестве отличительного признака, который прикреплялся к имени их владельца, например Анна из Зеленых Резных Фронтонов или Тоуд из Жабьего дома. Жестких правил при этом не было. Если семья переезжала или покупала другой дом, название прежнего имения переходило к ним на некоторое время либо сразу менялось на новое. Поэтому у разных семей могла быть одна фамилия; при этом семьи часто меняли

фамилии или добавляли новые, которые накапливались поколение за поколением. Из-за такой системы генеалогические изыскания в средневековой Германии представляют собой сложнейшую задачу.

> Названия городов, деревень, районов и больших домов выступали в качестве отличительного признака и прикреплялись к имени их владельца.

Нам же повезло вдвойне, поскольку название дома не только указывает на человека, но и возвращает нас к современным для него событиям. Первоначально дом Гутенберга назывался Юденберг, то есть Еврейский Холм – название с важным для нас подтекстом. Евреи, рассеянные римлянами по всей Европе и Ближнему Востоку, при Карле Великом достигли процветания. Еще 600 лет назад они начали налаживать торговые связи, которые впоследствии оказались столь необходимыми для новой империи. К 1000 году евреев, разбросанных по 50 городам Северной Европы, было уже около 20 тысяч. Их стали называть ашкеназами в честь сына Ноя, Гомера, язык которого традиционно отождествлялся с немецким. У них не было своего места обитания в феодальной Европе ни в качестве слуг, ни в качестве господ. Поэтому с постепенным переходом экономики Европы от феодального уклада к городскому их роль в качестве торговцев и банкиров приобретала все большую важность. Тем не менее евреи жили в постоянном страхе. В 1096 году с ростом ксенофобии, ознаменовавшей Первый крестовый поход, они стали удобной мишенью. После этого погромы происходили через каждые 50–100 лет. С одной стороны, евреев уважали как людей, следовавших Ветхому Завету, и Церковь официально относилась к ним терпимо «на основании помилования, которое даровало им христианское благочиние» (папа Иннокентий III, 1199), а с другой – их могли запросто презирать как убийц Христа, ростовщиков, работорговцев и потенциальных предателей, вожделевших чистой и невинной крови христианских младенцев. Одно из поверий, официально опровергнутое, но широко распространенное с XIII века, заключалось в том, что у евреев был обычай получения «тела Христова» – специфическое название освященного хлеба, использовавшегося при причащении. Согласно папскому указу 1215 года, хлеб Господа неведомым образом пересуществляется в плоть Христа, когда его вкушают согласно обряду, совершенному Иисусом на Тайной вечере. Заполучив тело Христа во время раздачи хлеба, иудеи затем, как поговаривали, оскверняли его. Вот на основании этого бредового убеждения, которое сродни убеждению, что ведьмы могут навести порчу с помощью кукол,

евреев стали называть «мучителями Христа», в их отношении учинили антисемитские погромы, сопровождавшиеся убийствами.

> Первоначально дом Гутенберга назывался Юденберг, то есть Еврейский Холм – название с важным для нас подтекстом.

Майнц был столицей европейского еврейства. Более 300 лет в нем существовала своя еврейская академия. Город почитался как дом Гершома бен Иехуды по прозвищу Меор хагола (Светоч Диаспоры), в XI веке впервые привезшего копии Талмуда в Западную Европу и помогавшего евреям приспособиться к особенностям европейской жизни. В городе, разумеется, случались погромы. Так, в 1096 году 1300 евреев были убиты, а сотни других или изгнаны, или вынуждены принять христианство, причем погромы по схожему сценарию повторились и в 1146, и в 1282 годах. И каждый раз влиятельных евреев приглашали обратно. Семьи при этом преобразовывались, перестраивалась и община. В середине XIV века еврейская община Майнца была самой крупной в Европе: она насчитывала около 6 тысяч человек.

В результате погрома 1282 года было оставлено 54 еврейских имения; их забрали себе обеспеченные люди и местная власть. Похоже, что дом семьи Гутенберг достался казначеям архиепископа, Филиппу и Эберхарду, которые стали называть себя в соответствии со своим новоприобретенным имуществом де Гуденберг. Позже имение стало собственностью прапрадедушки изобретателя.

Звали этого предка Фрило. У него было два дома, один из которых имел редкое название – Генсфляйш (нем. – гусиная кожа). Фрило оставил историкам две небольшие загадки. Одна из них относится к его гербу, который использовался двумя семейными линиями: его собственной и линией семьи его второй жены, урожденной Зоргенлох, вероятно, по названию деревни в 16 километрах к юго-западу от Майнца, которая теперь называется Зёргенлох. На гербе мы видим сгорбленного человека в колпаке, за спиной у которого какая-то ноша. Он опирается на палку и протягивает миску. На нем странный колпак с кисточкой или с колокольчиком. Впервые документально зафиксированный в конце XIV века, этот герб встречается в нескольких вариантах: один из них, обнаруженный в 1997 году при реставрации собора, был высечен в камне в качестве опознавательного знака здания. В наиболее распространенном варианте герб представляет собой изображение человека в странной позе, сильно ссутулившегося и несущего на спине что-то громоздкое или кого-то, прикрытого

тканью. Эта историческая странность настолько озадачила исследователей, что стала своего рода бесформенной кляксой, в которой они усмотрели невероятную многозначительность. Кто это: нищенствующий монах, умалишенный, паломник, коробейник или нищий? Что он прикрывает плащом – горб или товар? Может, этот странный колпак был еврейским головным убором – подобным тем, что изображали на евреях средневековые христианские живописцы? И по какой причине аристократическая семья захотела отождествить себя с таким образом?

Майнц был столицей европейского еврейства. Более 300 лет в нем существовала своя еврейская академия.

По одной из версий, эта фигура изначально не была столь своеобразной. Дом Гутенберга, как вы помните, находился в непосредственной близости от церкви Святого Христофора, строительство которой заканчивалось примерно во время приезда Фрило. Приблизительно в 1380 году эта церковь вдохновила некоего австрийского пастуха по имени Генрих, известного как Генрих Заботящийся, на строительство ночлежного дома, чтобы помочь путешественникам, пересекавшим труднопреодолимый перевал Арльберг на границе Швейцарии и Австрии. Местный правитель, Леопольд III из династии Габсбургов, поддержал замысел, который, должно быть, показался ему неплохим вариантом – наладить сообщение между своими западными австрийскими владениями и швейцарскими. Новое братство Святого Христофора собрало средства через свои общины во многих частях Германии, в том числе и в Майнце. Есть ли лучший способ для набирающей влияние семьи продемонстрировать свою щедрость и статус, объединившись с покровителем поместной церкви? Несколько членов семьи Генсфляйш так и сделали, пообещав ежегодно выплачивать небольшую сумму и совершить единовременную выплату в 1 гульден (заработная плата мастера-ремесленника почти за две недели) после их смерти, о чем свидетельствует запись в реестре братства. Рядом с каждой записью присутствует тот самый герб семьи Генсфляйш со странной фигуркой. Это путешественник в плаще и колпаке, идущий навстречу ветру. За спиной у него небольшой мешок с пожитками – их не очень много, поскольку это бедняк. На нем чулки-шоссы до колена и простая обувь. Бедняк протягивает миску, прося либо еды, либо милостыни. У него нет ни горба, ни тяжелого скрытого груза. Он кажется вполне физически здоровым, веселым человеком, шагающим навстречу ветру с палкой в руке.

На гербе предка Гутенберга изображен сгорбленный человек в колпаке с ношей за спиной. Он опирается на палку и протягивает миску.

Сохранившиеся копии щита, найденные в архивах города Санкт-Пёльтен, предполагают следующее развитие событий: замысел герба возник, когда семья переехала жить в дом, расположенный непосредственно рядом с церковью Святого Христофора. Фигура задумана как изображение святого Христофора, несущего младенца Христа. Но художник почему-то передумал, поскольку был из семьи второй жены Фрило – Зоргенлох. В переводе с немецкого слово *Sorgenloch* означает «уйма забот», но глагол *sorgen* несет еще и такой смысл, как «заботиться о», так же как и «быть обремененным заботами», что соответствует английскому *care* (заботиться). Возможно, здесь мы имеем дело с изображением, которое несет следующие значения: святой Христофор, видоизмененный до собирательного образа святого в заостренном колпаке простолюдина, по сей день встречающегося на празднествах в Майнце, и святой, помогающий людям в несении тягот мира сего. Кстати, все эти гипотезы не подкреплены доказательствами, но они все же менее сумасбродны да и более привлекательны, чем некоторые другие теории. Мне бы хотелось верить, что подобным образом Генсфляйш (и Зоргенлох) решили заявить о своей

приверженности таким христианским добродетелям, как смирение и сила духа.

Но есть и еще одна загадка, оставленная Фрило: почему он не добавил «Гутенберг» к набору своих фамилий? Возможно, потому, что его семья была высокого мнения о своем положении в обществе, поскольку ей принадлежало несколько владений, да и герб их на тот момент прочно укоренился в обществе Майнца. Но мне кажется, что это лишь частичный ответ. В конце концов, следуя обычаю, было бы вполне естественным называть себя по имени нового семейного дома – ведь это вполне могла быть и середина XIV века. Однако в этот период произошло нечто настолько ужасное, что мысли обо всем остальном просто отошли на задний план.

Герб, используемый Фрило, – настоящая загадка для историков.

* * *

Чтобы объяснить, что случилось, давайте отвлечемся и рассмотрим ситуацию с сурками в Монголии. Из этих симпатичных существ, часто встречающихся на равнинах Центральной Азии, выходит отличное жаркое, но все-таки лучше держаться от них подальше, поскольку сурки очень привлекают блох, которые могут быть носителями опасной бациллы, убивающей как блох, так и сурков. При определенных обстоятельствах, когда сурков мало, блохи могут переходить и на животных других видов: кроликов, крыс и, в конце концов, на людей. Попав в кровь, бацилла вызывает реакцию, которая обычно (хотя и не всегда) является смертельной. Она поражает легкие (90 процентов со смертельным исходом), кровь (100 процентов со смертельным исходом) или, чаще всего, лимфатические узлы, которые, будучи не в состоянии вывести токсины, раздуваются, превращаясь в твердые темные, размером с орех опухоли – бубоны, откуда, собственно, и пошло название «бубонная чума», более известная как «черная смерть».

В 1340-х годах численность сурков в Монголии стала снижаться. Бациллы *Pasteurella Pestis* (чумная палочка) стали искать других хозяев и нашли их в виде тех, кто без труда перемещался по дорогам, созданным монголами за предшествовавшие 150 лет в ходе молниеносных завоевательных кампаний. Через несколько лет после этого блохи, зараженные *Pasteurella Pestis,* добрались до Крыма. Находившиеся там монголы

осаждали древний порт Феодосию, переименованный в Кафу активно торговавшими там итальянскими купцами из Генуи. Заразившиеся чумой монголы ушли, но не просто ушли, а с прощальным выстрелом. В декабре 1347 года они с помощью катапульт через стены забросили в город тела умерших от чумы монголов, чтобы заразить итальянцев. Следующий корабль, направлявшийся к Средиземному морю, перенес чуму с корабельными крысами, вещами, заселенными блохами, и с инфицированными членами команды. Из Италии и Южной Франции чума распространялась на север со средней скоростью 15 километров в неделю. Это была величайшая катастрофа за всю историю Европы. За три года умерло около 25 миллионов человек, а возможно, и больше. Папское расследование привело цифру в 40 миллионов. Это треть населения Европы. В некоторых областях число погибших превысило 60 процентов от числа местных жителей. Ужасающие последствия страшной болезни повергли в ужас опустошенные города, надолго оставив свой след в культуре и умах людей.

> Причиной чумы, которая впоследствии пришла в Европу, стали монгольские сурки, очень привлекающие блох – носителей опасной бациллы.

Что касается причин, тогда о них ничего не было известно и это сеяло среди людей настоящий ужас. Последствия эпидемии чумы сравнимы с холокостом, бомбардировками Хиросимы и Нагасаки и СПИДом, но ни одна из названных катастроф не сопоставима с чумой по масштабам. Именно отсутствие объяснений вносит сумятицу в умы людей. Им проще справиться со страхом и страданиями, когда они понимают (или думают, что понимают), что происходит. Коммунисты в нацистских концентрационных лагерях, а также свидетели Иего вы сохранили свое здравомыслие в сумасшедшем мире, будучи уверенными в том, что они являлись лишь действующими лицами в драматической пьесе, написанной либо законами истории, либо законом Бога. Христианская Европа видела только мир, перевернувшийся с ног на голову. Библейский Бог обещал как спасение в следующей жизни, так и поддержку в этой. Но в тот момент он, казалось, вдруг стал бессильным или даже враждебным к людям. Незнание послужило причиной настоящей истерии, когда люди отчаянно стремились найти объяснение происходившему. Бог, должно быть, гневается на людей из-за совершенных ими грехов и само собой разумеется, что он вынужден назначить наказание, поэтому, если люди сами себя накажут, Бог, возможно, смилостивится. По всей Европе группы

сумасшедших фанатиков шли маршем по городам, избивая себя ремнями с железными наконечниками и крича о милости Бога, а зрители в это время стенали, обмакивая одежду в кровь, чтобы обеспечить себе исцеление.

> Чума – величайшая катастрофа за всю историю Европы.

А кто или что являлось причиной гнева Божьего? Ответ был очевиден – евреи. В Женеве они подвергались пыткам до тех пор, пока не признавались в том, что отравляли колодцы. Для разума, исковерканного невежеством и страхом, все это звучало вполне правдоподобно. В сознании людей евреи представляли собой мучителей Христа и убийц младенцев. По всей Германии распространился слух о том, что евреи, кроме того, были и отравителями колодцев. Здесь тоже понадобился козел отпущения, чтобы успокоить разгневанного Бога. Месть была скорой. В 1348 году в День святого Валентина, как зафиксировал летописец Якоб Твингер фон Кёнигсхофен, евреев сожгли в Страсбурге на кладбище, где был установлен деревянный эшафот. Все, что задолжали евреям, посчитали выплаченным. Все принадлежавшие им денежные средства перешли в руки городского совета и были розданы ремесленникам. Причем в том же году евреев сжигали и в Страсбурге, и во всех городах вдоль Рейна. В каждом следующем городе жажда новой крови подпитывала безумие истязателей и их банды направлялись в еврейские кварталы, чтобы «искоренить зло». В Антверпене и Брюсселе уничтожена вся еврейская община. В Эрфурте убито 3 тысячи человек. В Вормсе и Франкфурте евреи, находившиеся перед лицом неминуемой смерти, прибегли к традициям Масады и совершили массовое самоубийство.

В 1348—1349 годах чума поразила Майнц. Погибло около 10 тысяч человек – почти половина жителей города. Оставшиеся в живых начали искать виновных. Ими, как всегда, оказались евреи. Но в этот раз, наверное, впервые за много лет, они дали приблизившейся толпе отпор. Оборонявшиеся убили 200 человек и смогли отстоять свои дома. Но все было напрасно: в День святого Варфоломея, 24 августа, 100 евреев были сожжены за пределами церкви Святого Квентина.

Творившееся безумие переполнило чашу терпения Церкви и правителей-временщиков. Флагелланты присвоили себе роль священников, утверждая, что у них прямая связь с Богом. Но если убьют всех евреев, кто будет финансировать предприятия и оплачивать военные расходы? Папа напомнил о традиции терпимости и запретил флагеллантство. Короли и князья

последовали его примеру. Флагелланты исчезли, как говорили очевидцы, «будто призраки в ночи или словно привидения», а оставшиеся в живых евреи вернулись к прежнему укладу жизни.

> Тяжелые последствия страшной болезни повергли в ужас опустошенные города, надолго оставив след в культуре и умах людей.

В Майнце, как и везде, не так-то легко было уйти от этих страшных событий, поскольку в последующие десятилетия чума возвращалась еще два раза, напоминая людям об их беспомощности перед Божьей карой. Население города уменьшилось с 20 до 6 тысяч человек, количество гильдий снизилось с 50 до 34, а с «золотого» Майнца заметно осыпалась позолота. Воспоминания об этой ужасной эпидемии продолжали жить в городских историях, песнях, танцах, живописи и скульптуре. От изображений, навевавших душевное спокойствие, художники перешли к изображению червей и гниения. Майнц, так же как сотни городов и деревень по всей Европе, располагал своей «Пляской смерти» (термин спорного происхождения, в письменном виде впервые встречающийся в 1376 году), напоминающей участникам об исходе судьбы, который придет ко всем – как к знатным, так и к беднякам. «Вперед – и вы увидите себя в нас, – распевают скелеты на фреске XIV века „Пляска смерти“ в Церкви Невинных в Париже, – мертвыми, нагими, сгнившими и зловонными. Такими вы станете… Власть, почитание, богатство – ничто, в час смерти учитываются только добрые дела». Смерть, великий уравнитель, начала этот танец, собирая людей с площадей, домов и ведя их на кладбище. Там, под хриплые мелодии, скелеты – помощники смерти – призывали папу, короля, королеву и кардинала на ритуальное окончание, после чего обычные горожане и крестьяне, передразнивая их и совершая различные телодвижения с коровьим колокольчиком, привязанным между ногами, и пивной кружкой, передаваемой по кругу, укладывали сильных мира сего лежать до Судного дня, в который их призовут встать. После этого люди, шатаясь, расходились по домам, чтобы прийти в себя после похмелья.

> Воспоминания об ужасной эпидемии продолжали жить в городских историях, песнях, танцах, живописи и скульптуре.

И вот в такое мрачное время – страшная чума, зверские акты антисемитизма – семья Генсфляйш все-таки решилась связать себя с Еврейским Холмом. Возможно, живя поблизости от церкви

Святого Христофора, они понимали, что новая фамилия Гутенберг – это, пожалуй, не самый удачный выбор на данный момент и лучше какое-то время подождать, пока воспоминания не начнут стираться из людской памяти.

* * *

Отец изобретателя, Фриле Генсфляйш цур Ляден, взявший в качестве фамилии название дома, находившегося в собственности другой семьи, был зажиточным человеком. Он унаследовал ферму, часть дома Гутенберга и доходы с процентов по кредиту, ссуженному городом Майнцем городу Вецлару в 1382 году. Положение было еще сильнее упрочнено браком с женщиной, которая тоже имела собственность, – Эльзой Вирих. Именно благодаря ей семья владела сельской усадьбой в Эльтвилле, расположенном в 10 километрах вниз по реке. Не будучи ни богатой, ни аристократичной, эта семья являлась тем не менее достаточно выдающейся и занимала определенное место среди достойных семей города (их было приблизительно 100), которые называли себя «гешлехтер» (нем. – фамилии) или «альтен» (нем. – древние). Будучи патрицием, Фриле унаследовал должность компаньона монетного двора, что звучит довольно солидно, поскольку данное предприятие находилось под управлением архиепископа. На самом деле это примерно то же, что являться членом эксклюзивного клуба, главное условие вступления в который – быть чистокровным патрицием в трех поколениях. Фриле также унаследовал право продавать ткани, которые покупали торговцы одеждой, проходившие на судах вверх и вниз по Рейну. Это право являло собой торговую монополию высшего сословия, полученную в обмен на предоставление защиты от рейнских «баронов-разбойников». Только после смерти Фриле в 1419 году наследники решили, что пришло время присоединить к фамилии название дома и официально именовали его Фриле Генсфляйш цур Ляден цум Гутенберг.

> Хоть семья будущего изобретателя не была ни богатой, ни аристократичной, она занимала определенное место среди достойных семей города.

Сколько лет в то время было его сыну Иоганну – Гутенбергу, как мы теперь его называем, – точно не известно. Единственное, что не вызывает сомнений, так это то, что, как следует из сохранившегося завещания отца, Иоганн стал совершеннолетним к 1420 году, а значит, родился где-то между 1394 и 1404 годами.

Единственная причина, по которой «красивый» 1400 год считается годом его рождения (и по которой именно с этого момента начинается данная книга), – это своего рода пиар, предпринятый в свое время городской верхушкой Майнца.

Дело в том, что, поскольку к 1440 году важность изобретения Гутенберга стала уже очевидной, празднование начала книгопечатания сделали регулярным событием каждого столетия. В 1540 году Виттенберг взял на себя инициативу празднования книгопечатания, затем через 100 лет ее подхватили Лейпциг, Бреслау и Страсбург. В 1740 году к ним присоединились Дрезден, Бамберг, Галле и Франкфурт. Майнц постепенно отстранился от изобретения. О том, что потеряли его жители, им напомнили французы, после того как в 1792 году армия Наполеона захватила Майнц. Революционеры знали цену книгопечатанию.

> К 1440 году важность изобретения Гутенберга стала уже очевидной, и празднование начала книгопечатания сделали регулярным событием каждого столетия.

Француз с немецкими корнями со славным именем Анахарсис Клоотс произнес страстную речь перед Национальным собранием, превознося Гутенберга как благодетеля человечества, чей прах должен быть немедленно перемещен туда, где находится прах великих и лучших, – в Пантеон Парижа. «Изобретение Гутенберга, – воскликнул он, – станет инструментом, с помощью которого мы полностью изменим будущее!» Клоотс был казнен на гильотине два года спустя, но его послание было услышано. Французская власть в городе Майнце (фр. – Майенс), а теперь это бастион восточной границы Франции, израсходовала 2 миллиона франков на снос старых зданий, чтобы установить памятник Гутенбергу, и переименовала площадь в Гутенбергплац (площадь Гутенберга). Наконец, когда прошло более 300 лет после смерти Гутенберга, он стал любимым сыном города Майнца и устремил вдаль свой задумчивый взор.

Тем не менее праздник был посвящен не самому Гутенбергу, а именно его изобретению. Так продолжалось и после поражения Франции в 1815 году. В 1840 году немцы, пытавшиеся склеить нацию из средневековых осколков, нашли в книгопечатании подходящий символ немецкого предпринимательства и изобретательности. В 89 городах, от Ахена до Цюриха, немецкоговорящие жители праздновали открытие, посвящая этому событию стихи, проводя конкурсы и концерты. Двухдневный фестиваль в Майнце долгое время оставался в тени. Дело в том, что родному городу Гутенберга было необходимо что-то особенное, уникальное.

> В 1840 году немцы, пытаясь склеить нацию из средневековых осколков, нашли в книгопечатании подходящий символ немецкого предпринимательства и изобретательности.

В 1890-х годах члены городского совета решили, что город будет праздновать день рождения Гутенберга. И неважно, что никто не знал, когда он родился: неопределенность открывает новые возможности. Это может быть любой год, какой они выберут. А какой год может быть лучше, чем год на рубеже веков? Париж планировал заработать на праздновании столетия с помощью большого международного фестиваля. Обсуждалось множество идей, предлагались различные планы. Мэр взял дело в свои руки. Он написал ведущему ученому – исследователю жизни Гутенберга, Карлу Дзяцко из Гёттингена, и попросил у него совета. Ответ содежал точную рекомендацию: поскольку никто конкретно не знал, когда именно родился Гутенберг, но все соглашались, что где-то на рубеже веков, то, по мнению Дзяцко, в качестве 500-летнего юбилея Гутенберга можно было выбрать красивую круглую цифру, а именно 1900 год. А в какой день? Опять же, поскольку выбрать можно любой день, Майнц остановился на наиболее подходящем – дне именин Иоганна, празднике святого Иоанна Крестителя, который отмечается 24 июня. Более того, оправданно для такого события организовать фестиваль масштаба не менее международного. И, наконец, все должно вращаться вокруг нового общества, созданного на имени Гутенберга.

Для муниципальных властей это было просто бальзамом. На встрече журналистов и писателей Майнца 20 апреля 1896 года мэр рассказал о своей идее, а местная газета *Mainzer Anzeiger* поддержала его: «Все согласны с тем, что Майнц – это не только оправданное, но и обязательное место для проведения фестиваля». Вот так пиар помог сделать исторический выбор. Благодаря этому весь мир знает о Майнце, в котором находится музей Гутенберга – главный центр исследования его жизни и странствований. Таким образом, для многих наш герой пришел в этот мир 24 июня 1400 года.

* * *

Иоганн (или Йоханнес – существуют разные варианты написания) родился в Майнце, в семье с высоким положением, был крещен, по неподтвержденным сведениям, в церкви Святого

Христофора. Никакой информации о начальном образовании Гутенберга нет, но навыки, приобретенные им впоследствии, позволяют предположить, что его престарелый отец и мать с коммерческой жилкой сделали все, чтобы дать сыну хорошее начальное образование в одной из немногочисленных школ Майнца. Это могла быть и школа при церкви (например, Святого Христофора), или школа, которую содержали жители города, – там ученики обучались письму, сочетая прописные и строчные буквы, что приветствовалось Церковью и государственной бюрократией. Он мог изучить систему счисления, принятую на арабском Востоке, но все еще не получившую одобрения у традиционалистов. В любом случае Гутенберг изучил бы латынь – язык ученых и церковников на континенте, где все говорили на диалектах и не было единых «государственных» языков. Если бы он пошел в школу братьев-кармелитов, расположенную в непосредственной близости от церкви Святого Христофора, с ним занимались бы священники, получившие образование в Авиньоне и Оксфорде. Приверженцы христианской бедности и интеллектуальной строгости, они обучали своих учеников до тех пор, пока те не начинали разговаривать друг с другом на латыни. Можно предположить, что первые 10 лет жизни маленького Иоганна, или Хенхена (маленького Ганса), как его называли, были радостными и беззаботными.

> Можно смело предположить, что родители дали Гутенбергу хорошее начальное образование в одной из немногочисленных школ Майнца.

Тем не менее есть факты, которые говорят об обратном. Его мать, Эльза Вирих, происходила из семьи, утратившей свое влияние. Прадед перешел на сторону, впоследствии проигравшую в небольшой гражданской войне начала XIV столетия, и в конце концов женился на дочери итальянского меняльщика денег. Их сын, отец Эльзы, был хозяином магазина. Фриле Генсфляйш женился на женщине, которая была ниже его по социальному статусу. Почему он это сделал, мы так и не узнаем. Возможно, это был брак по любви. Если так, то это был не первый союз по любви, имевший социальные последствия. У их детей – Иоганна, его старшего брата Фриле и сестры – было недостаточно знатности происхождения, чтобы наследовать должность отца – компаньон монетного двора. Легкого пути к достижению влияния на высшее общество у Хенхена не будет. Тем временем у высшего общества Майнца были свои проблемы. У города возникли серьезные трудности, на которые посторонний человек не обратил бы особого внимания. Архиепископ Йоганн из Нассау

(деревня, расположенная в 48 километрах к северо-западу), постоянно совершавший поездки между своим имением в Эльтвилле и резиденцией рядом с собором в Майнце, казался образцом стабильности. Через своих людей (канцлера и мэра) он контролировал «старейших» – патрициев – на их наследственных должностях в мэрии, на монетном дворе, торговой бирже и в суде. Доходы и соборные средства архиепископа были обеспечены его землями, платежами за мессы, отслуженные над усопшими, а также доходами от продажи документов, освобождавших покупателей от их грехов (бизнес, о котором мы поговорим подробнее чуть позже).

> Скорее всего, первые 10 лет жизни маленького Иоганна были радостными и беззаботными.

Однако видевшие систему изнутри знали, что этот показной контроль был обманом. Члены гильдии пили вино в излюбленных тавернах за свою крепнущую власть. С тех пор как в XII веке архиепископ позволил владельцам собственности входить в городской совет, более 40 мест в нем перешли от знати к людям невысокого происхождения. В середине XIII века все члены совета стали назначаться архиепископом. В 1332 году, после того как начались взаимные нападки, архиепископ отступил, а патриции и члены гильдий разделили совет между собой. Столетие спустя, еще при жизни Гутенберга, последние получили полный контроль в совете. Между тем взаимные обиды нарастали, слегка ослабевая только после регулярно пересматривавшихся соглашений, в которых горожане клялись в верности, обещая хранить мир, не носить оружие, избегать вражды и так далее. Однако эти договоренности не могли разрешить накопившихся проблем.

> Патриции отказывались платить налоги и открыли для себя положительные стороны капитализма в виде периодических выплат, аннуитета.

Одна из причин таких напряженных отношений – расточительность патрициев. Они отказывались платить налоги и открыли для себя положительные стороны капитализма в виде периодических выплат, аннуитета. Это была замечательная идея: вы платите паушальную сумму городу, а город погашает 5 процентов от данной суммы каждый год в течение 20 лет, а затем продолжает платить вам, если вы доживете, или вашим наследникам, если не доживете. По сути, погашение данного кредита стало бесконечной выплатой этих 5 процентов. Иоганн и сам был бенефициаром, поскольку имел два аннуитета, дававших

ему в общей сложности 23 гульдена (рейнский эквивалент итальянской золотой монеты – флорина).

В краткосрочной перспективе схема выглядела неплохо. Все, что было необходимо городу, – приток первоначальных платежей. При этом в долгосрочной перспективе члены городского совета должны были зарабатывать больше, чем выплачивали по процентам, как это делают современные страховые компании. Но такая схема не работала. Тогда еще не существовало фондового рынка, на котором можно играть, а городу нужны были активы для ремонта зданий и содержания мэрии, писарей, юристов и охраны. Поэтому единственный способ, которым они могли поддерживать уровень платежей, – получение большего объема депозитов. Фактически они создавали финансовую пирамиду, существование которой обеспечивалось притоком все большего и большего капитала. К началу XV века выплата по долгу съедала уже до 40 процентов доходов от земельной ренты и налогов, причем увеличивался долг невероятно быстро. Вскоре сумма, необходимая для взноса, превысила денежные возможности городского совета, которому приходилось выплачивать на аннуитеты уже 100 процентов своего дохода; соответственно, самого дохода при этом не оставалось. Таким образом подобная система быстро двигалась к банкротству. Представители гильдий, которые не управляли ею и не получали от нее никакой выгоды, все более открыто выступали против такого положения вещей.

> Фактически в городе была создана финансовая пирамида, существование которой обеспечивалось притоком все большего и большего капитала.

Летом 1411 года страсти вспыхнули с новой силой. На совете 16 самых влиятельных представителей гильдий выступили против кандидата в мэры, относящегося к патрициям, и предупредили своих коллег-патрициев, что они должны пойти на уступки, а иначе… Но пойти на уступки означало революцию, так как при этом патриции лишались своих привилегий, должны были начать платить налоги и отказаться от своих выгодных аннуитетов. Патриции знали, что нужно делать, поскольку тактика была отработана еще их дедами во время гражданской войны 1332 года. Самые богатые попросту уехали из города в свои усадьбы и оставались там до тех пор, пока жители города не почувствовали отсутствие денег и не разрешили им вернуться обратно. Летом 1411 года 117 патрициев сбежали; большинство с семьями. Среди них был и Фриле Генсфляйш с женой Эльзой, двумя сыновьями и дочерью. Семья поспешно спустилась по реке в Эльтвилле, где крепость архиепископа и его свита обеспечивали защиту тем,

кому посчастливилось обладать собственностью. Там и в других отдаленных областях зажиточные люди переживали кризис в ожидании лучших времен.

Однако лучше времена так и не наступили. Хотя после вмешательства архиепископа семьи и вернулись, город оставался поделенным между враждовавшими членами гильдий и патрициями. В 1413 году Фриле вновь вывез семью в безопасное место, но на этот раз на более продолжительный срок. В 1415 году вмешался сам король Германии и решение проблем Майнца перешло с местного уровня на общенациональный.

> Летом 1411 года 117 патрициев сбежали. Среди них был и Фриле Генсфляйш с женой Эльзой, двумя сыновьями и дочерью.

* * *

Тем не менее слово «общенациональный» – это современная интерпретация. На самом деле у немцев был король, но то, чем он правил или пытался править, не являлось нацией в современном смысле этого слова. И действительно, немцы говорили на одном языке и у них была единая культура, но как у государства у Германии не было центра, а границы были нечеткими. По традиции немцы считали себя единым народом, жившим между реками Рейн и Эльба. В 1400 году в состав Германии входили земли не только сегодняшней Австрии, но и площади на востоке, все больше расширявшиеся по мере того, как немцы колонизировали Венгрию, Польшу, запад России, страны Балтии и чешскоязычные области Богемии. Первый немецкий университет был основан в чешскоязычной Праге в 1348 году.

В государстве отсутствовал центр, из которого осуществлялось бы управление герцогствами, княжествами, маркграфствами, графствами и церковными владениями (часть из них – с епископами, которые также были и князьями, а часть – с епископами, которые находились под властью князей). Каждый местный правитель мог надеяться на то, что он полностью захватит власть и не будет никому подчиняться. Как сказал герцог Рудольф IV из династии Габсбургов, «я и сам намерен стать в своих землях и папой, и архиепископом, и епископом, и архидьяконом, и дьяконом». В 1366 году аббат Мангольд Райхенаусский арестовал пятерых рыбаков за браконьерство на Боденском озере, собственными руками выдавил им глаза и отправил восвояси в Констанц, не опасаясь того, что ему

отомстят.

> В государстве отсутствовал центр управления герцогствами, княжествами, марк-графствами, графствами и церковными владениями.

Города, подобные Майнцу, были словно разменные монеты: правители обменивали, продавали, отдавали или брали их в залог. Но в 1400 году, когда в Германии было уже более 30 городов с населением, превышавшим 2 тысячи человек, это стало сложно. А поскольку воспротивились и сами горожане, преобразовавшие свои общины в предприятия, стали зарождаться классовые противоречия.

Началась неразбериха: представьте себе эдакий балканский конфликт, только раз в десять мощнее. В 1400 году около 400 мануфактур, каждая из которых преследовала свои собственные экономические и династические интересы, образовали своего рода политический конгломерат, подобный питательной среде на предметном стекле микроскопа, позволяющего наблюдать за непрерывным перемещением клеток, их ростом, объединением и разделением. Цели участников далеко не всегда были ясны, поэтому об управлении ими не могло быть и речи.

Однако всегда находились те, кто был полон решимости взять бразды правления в свои руки. Крупные землевладельцы, прежде всего Виттельсбахи, Люксембурги и Габсбурги, использовали все средства для укрепления своей власти: от мирной торговли и браков до грабежей с применением силы, убийств и войн. При этом рубежи владений не были постоянными, особенно когда речь шла об окраинах, поскольку на границе находились французы, швейцарцы и итальянцы. Габсбурги правили большей частью современной Австрии, но они также получали новые земли путем завоевывания, наследования и вступления в брачные союзы. Их владения были разбросаны по Центральной Европе от Истрии до Северной Голландии.

Папа и король Германии пытались прийти к согласию и единству. Их цели были различны: один собирался создать новый мир во всей Европе, другой – урегулировать политическую ситуацию в разношерстной Германии. На самом деле не было никакого различия: папа преследовал политические интересы, а для реализации интересов короля требовалось участие Церкви. Чтобы распутать этот клубок, потребуется еще 600 лет войн и появление еще одного бога – Мамоны, с храмами, построенными в его честь в Брюсселе.

> Папа преследовал политические интересы, а для

реализации целей короля Германии требовалось участие Церкви.

Христианское единство, существовавшее во времена Римской империи, практически исчезло, поскольку Константинополь, в котором были приняты основы реформы христианства и положено начало Римской католической церкви, теперь стал противником Рима. Рим и Константинополь – две столицы западного и восточного крыла империи – считали себя настоящими проповедниками христианской истины. Греция и Турция, а также большая часть Восточной Европы находились под влиянием Константинополя, а Италия и Северная Европа – под влиянием Рима. Римское христианство сохранило европейскую цивилизацию еще на 1000 лет после падения Римской империи. Сотни церковных братств учредили школы, построили соборы – ничто не могло сравниться с такой поражающей воображение преданностью и верой в Бога, и готические соборы, возведенные в Северной Европе, являются лучшим тому доказательством. В 1400 году науки и истории в их современном понимании не существовало – источники были так же редки, как цветы в пустыне, которые если и можно было найти, то только в результате путешествия длиною в жизнь. Единственно истинной была правда, исходившая от Церкви, контролировавшая своеобразные СМИ тех времен, представленные писарями, проповедниками и художниками. Церковь стала невообразима богата и в то же время порочна, что неизбежно при наличии денег и привилегий.

Церковь стала невообразимо богата и в то же время порочна, что неизбежно при наличии денег и привилегий.

В центре появилась коррупция, и в связи с ее громадным размахом на местах начались волнения. В 1300 году папа, француз по происхождению, был настолько обеспокоен ситуацией и жестокими методами правления в Италии, что переместил папский двор в Авиньон, в течение 76 лет находившийся под защитой Франции. После того как следующий папа, итальянец, вернувшись в Рим, через какое-то время умер, между группировкой, поддерживавшей французов, и группировкой, поддерживавшей итальянцев, начались разногласия в вопросе поиска преемника. В результате неудачных выборов победили два противника: папа и антипапа – один в Авиньоне, другой в Риме. Обоих призвали уйти в отставку, чтобы была возможность избрать нового папу, на что был получен отказ. Несмотря на это,

компромиссный кандидат все равно был избран. Между 1409 и 1417 годами, когда Иоганн Гутенберг был подростком, правили не менее трех пап одновременно. Этот затянувшийся фарс, известный в истории как Великий раскол, навсегда подорвал папские претензии на духовное и политическое превосходство, укрепив борьбу за независимость мысли и действий среди своих разномастных и обиженных подданных.

Тем не менее католическая духовная власть осталась единственной объединяющей силой к северу от Альп. После того как в 800 году Карл Великий короновал себя в Риме, он стал идеалом прочного политического и духовного единства. Эта идея распространялась к востоку вместе с обломками самой империи, возникшей под эгидой Германии в XIII веке и известной как Священная Римская империя (которую более поздний лидер назовет первым рейхом, чтобы иметь возможность претендовать на третий). Ни один король Германии не чувствовал себя настоящим правителем до тех пор, пока его не короновал папа, провозглашая императором.

> Ни один король Германии не чувствовал себя настоящим правителем до тех пор, пока его не короновал папа, провозглашая императором.

Папское благословение, полученное в Риме, стало особо радостной новостью для 400 территориально-государственных образований империи. Чтобы оказывать влияние, императору нужны были деньги и солдаты, желательно из имперских имений, а не из своих личных владений. Если он оказывался успешным игроком, то мог рассчитывать на увеличение своих доходов при значительной помощи Церкви, от сбора дани, денежных поступлений от еврейской общины и даже от целых городов. Но император не смог бы достичь слишком многого без поддержки со стороны наиболее влиятельных лиц. Поэтому в 1356 году король Германии и знатные князья составили контракт, в котором определили порядок получения упомянутых средств (этот контракт вошел в историю под названием «Золотой телец»). В соответствии с ним процедура выбора короля легла на плечи наиболее влиятельных людей: короля, трех архиепископов и трех дворян. С этого момента они выступали в качестве избирателей, именуемых «большой тройкой»: Люксембурги, Виттельсбахи и Габсбурги, – и каждый из них выдвигал своего кандидата на имперский трон (фигурально выражаясь, поскольку фактически он не был по-настоящему имперским до рукоположения папы). Конечно, никто не хотел терять свое влияние. Поэтому пост короля не был слишком привлекательным для тех, кто стремился

к власти. Королю никогда не хватало денег, и у него не было единого центра управления империей. Его истинная опора – местное население, поскольку имперские владения были незначительны и так и норовили ускользнуть из-под ног после каждого брачного союза, мирного или военного передела территорий. В федерации осторожных аристократов королю, не имевшему ни денег, ни внушительных по размеру земель, было трудно консолидировать власть.

В федерации осторожных аристократов королю без денег и внушительных по размеру земель было трудно консолидировать власть.

В 1415 году у короля Сигизмунда появилась возможность это сделать и консолидация земель стала его первостепенной задачей. На момент избрания в 1411 году ему было уже 47 лет и он жил насыщенной и полной опасностей жизнью, типичной для непредсказуемой средневековой Германии. Будучи сыном императора, он родился в знатной семье и имел хорошие связи. Супруг королевы Венгрии, сводный брат короля Германии, являвшийся одновременно и королем Богемии, и зятем королевы Польши (так уж получилось, что она была сестрой его жены), Сигизмунд мечтал стать императором и возродить былую славу времен Карла Великого. Являясь добропорядочным христианином, он пытался совершить крестовый поход против турок, но ему пришлось спасаться бегством вместе со своей женой. Попытавшись захватить Богемию, он арестовал своего сводного брата, затем арестовали его самого. После освобождения Сигизмунд пошел войной на Неаполь и через какое-то время был провозглашен немецким королем, так как его главный соперник умер спустя три месяца после занятия престола. Таким он предстал тогда: страстно желавшим обрести стабильность и сделать все, что в его силах, для христианского мира, подготовив таким образом почву для своей папской коронации. Благодаря ему 29 кардиналов, 33 архиепископа, 150 епископов и 70 тысяч их придворных, слуг и помощников присутствовали на Констанцком соборе, споря о том, как лучше всего преодолеть последствия Великого раскола. Вполне естественно, что Сигизмунд стремился найти любой дополнительный способ для укрепления своей власти, поэтому он обратил свой взор на непокорный город Майнц.

* * *

Майнц, доминировавший в районе Рейна, стал центром избирательной системы. Архиепископ Майнца управлял самой крупной из 10 территориально-государственных образований империи, находившихся под властью Церкви. Именно он учредил королевскую клятву при коронации, благодаря чему стал немецким аналогом архиепископа Кентерберийского. Но его статус был специфичным для немецких земель. Он был и архиепископом, которому подчинялись 13 епископов, и князем, обладавшим достаточной властью, чтобы поднять как налоги, так и армию, – при желании (но лишь теоретически). На практике это было не так просто, поскольку ему приходилось иметь дело с конфликтовавшими группами патрициев и представителей гильдий, каждый из которых преследовал собственные интересы и хотел внести свою лепту в управление городом. Именно эти споры и послужили основанием для вмешательства Сигизмунда, который, в свою очередь, составил план действий, преследовавший лишь его собственные интересы – и как короля, и как выдвиженца Люксембургов. Действующий архиепископ-князь, Иоганн из Нассау, в предшествующем году голосовал на выборах против него, поэтому Сигизмунду нужно было вывести архиепископа из игры путем поддержания городского совета.

> Архиепископ Майнца управлял самым крупным из 10 территориально-государственных образований империи под властью Церкви.

Все переговоры велись вокруг денег. Архиепископ контролировал монетный двор, который находился на центральной площади Майнца недалеко от собора. Совет хотел, чтобы город получил право на чеканку своих собственных монет. В 1419 году Сигизмунд дал на это согласие, рассчитывая на то, что новая имперская монета, отчеканенная в Майнце, укрепит его влияние во всей рейнской земле. Но этого не произошло, поскольку архиепископ не позволил имперской монете снизить размер его доходов, но в какое-то время казалось, что Майнц объединится с Франкфуртом и будет образован единый центр чеканки монет под названием апфель-гульден (нем. – яблочные золотые) – так их называли из-за сходства по форме с яблоком.

На фоне этих событий молодой Иоганн Гутенберг занимается учебой, вероятно, в одном из пяти университетов, основанных на немецкоязычных землях с середины XIV века. Возможно, он выбрал Эрфуртский университет (образованный в 1379 году), весьма популярный у студентов из Майнца, среди которых были, в частности, два двоюродных брата Иоганна.

Молодой Иоганн Гутенберг учился, вероятно, в одном из пяти университетов на немецкоязычных землях.

Некий «Иоганн из Альтавиля» (старое латинизированное название Эльтвилле) был зарегистрирован в университете в 1418 году и закончил его два года спустя. Если это был тот самый Иоганн, о котором мы ведем речь, он нашел неплохое место для того, чтобы почувствовать пульс времени.

Клерикалы на Констанцком соборе говорили об окончании Великого раскола, о роли короля Сигизмунда как руководителя собрания, а также о продолжавшихся беспорядках в Богемии. Эти волнения начались за 10 лет до восстания последователей Яна Гуса. Их причиной стал один из тех тайных вопросов, который непосвященным может показаться совершенно эксцентричным. Речь идет об основном элементе таинства евхаристии, то есть причащения, в ходе которого христиане выполняют данную им на Тайной вечере заповедь Христа, заключающуюся в том, чтобы пить вино и вкушать хлеб. Согласно римской традиции, при этом можно пользоваться и одним лишь хлебом, если, например, нет вина (что достаточно часто бывает у миссионеров, скажем, в Исландии). Нет, не так, утверждал еретик Гус. Нужно обязательно использовать и то, и другое. Причащение необходимо раздавать *sub utraque specie*, то есть «в обоих видах», откуда и произошло еще одно название последователей Гуса – ультраквисты. Когда один из пап обратился к Сигизмунду, королю Германии, за помощью, тот ухватился за просьбу, используя ее лишь как предлог для расширения сферы своего влияния. Сигизмунд предложил свою помощь, но только при условии, что папа согласится еще на один собор, на этот раз в немецком городе Констанце, где Сигизмунд наиболее зрелищно выступил с публичным изложением своих целей. Король прибыл в город в канун Рождества 1414 года и провел свою свиту прямо в собор, в то время когда местные жители собирались на всенощную. Заполнив первые ряды своими сторонниками, Сигизмунд надел рясу священника, чтобы иметь возможность самому проводить службу. Вся эта постановка произвела желаемый эффект, на который он и рассчитывал: здесь, на виду у всего мира, находился король Германии в роли священнослужителя и проводил римскую литургию.

Причиной волнений стал вопрос, который непосвященным покажется эксцентричным. Речь идет о причащении, в ходе которого христиане выполняют данную им на Тайной вечере заповедь Христа – пить вино и вкушать хлеб.

Под руководством Сигизмунда собор принял решение придать Гуса смертной казни через сожжение, а гуситов в массовом порядке отлучить от церкви. Помимо этого, они избрали нового папу (Мартина V) и запланировали даты следующих соборов. Но это не решило ни одну из проблем, поскольку отношения между папой Мартином и собором оставались натянутыми, а разъяренные гуситы объявили войну, фактически национальное восстание. Немецкий бургомистр в Праге был выброшен из окна ратуши на радость ликующей толпе. (Похоже, это превратилось в традицию – выбрасывать влиятельных людей из окон. Одно из таких убийств послужило началом Тридцатилетней войны в 1618 году, а второе ознаменовало собой приход к власти коммунистов в 1948 году.)

Все эти события были хорошо известны в Эрфурте. Когда на должности, занятые местными, гуситы решили назначить немцев, здесь преподавали профессора, изгнанные из Праги. Гутенберг, если он действительно там находился, имел возможность общаться с теми, кто предсказывал наступление тяжелых времен для гуситов и был одержим идеей преследования как Сигизмунда, так и папы. Он, наверное, выслушивал жалобы чехов и немцев, которые выступали против коррупции Церкви, продававшей индульгенции за деньги. Гутенбергу, вероятнее всего, были знакомы имена тех, кто выступал в поддержку предоставления простым людям возможности читать Библию на своем родном языке (в соответствии с идеей, провозглашенной Джоном Уиклифом из Англии), на латыни или даже на чешском (в результате событий, связанных с Яном Гусом). Из брошюр, напечатанных методом ксилографии, он мог узнать о казавшейся бесконечной войне между Францией и Англией, которую сейчас мы называем Столетней войной. Он приобрел бы некоторые книги, скорее всего, купил бы и переписанный за некоторую плату местными писарями популярный учебник по грамматике латинского языка «Грамматическое руководство» (*Ars Grammatica)*, создатель которого – ученый Элий Донат, живший в IV веке.

> Гутенбергу, вероятно, были знакомы имена выступавших в поддержку предоставления простым людям возможности читать Библию на родном языке.

В 1420 году Иоганн вернулся в Майнц, где только что умер архиепископ Иоганн из Нассау, проживший достаточно долгую жизнь и успевший увидеть завершение своего амбициозного проекта по строительству двухэтажных монастырей. Местный гений из Майнца изобразил архиепископа в виде статуи из камня,

которая к моменту приезда Иоганна уже находилась в соборе (вы можете увидеть ее и в наши дни: это третья колонна справа от алтаря). И монастыри, и статуя свидетельствуют о богатстве Церкви тех дней, чего нельзя сказать о городе. У Иоганна было мало оснований для оптимизма. Он не имел своей собственности, не унаследовал состояние, а его аннуитеты оказались в опасности. Его старший брат, Фриле, жил со своей семьей в доме Гутенбергов, а мать, Эльза, переехала в более скромное жилье, хотя и не продала свой дом в Эльтвилле. Поскольку мать занималась торговлей, Гутенберга исключили из рядов патрициев, а стало быть, и из того направления в бизнесе, которое обеспечило бы ему безбедную жизнь.

> В 1420 году у Гутенберга не было собственности, он не унаследовал состояние, а его аннуитеты оказались в опасности.

* * *

Это направление – чеканка монет. Отец Гутенберга как совладелец монетного двора был тесно связан с данным видом деятельности. Дядя, тезка Иоганна, тоже его совладелец. И он, в свою очередь, был знаком с сыновьями как минимум еще двоих совладельцев, Хайнца Райзе и Иоганна Кумоффа, которые жили в доме Гутенбергов в более ранние годы. Дядя Иоганна наверняка знал, как чеканятся монеты, поскольку, вероятно, наблюдал за этим процессом на монетном дворе, находившемся на рыночной площади в двух минутах ходьбы от их дома.

«Штамповка» в данном случае – это главное слово, поскольку, строго говоря, при чеканке били не по самой монете. Монеты отливались в металлическую форму, состоявшую из одной или двух матриц с рельефной поверхностью; матрица изготавливалась с помощью пунсона, и именно по пунсону с рельефным рисунком производился удар. Любой человек с хоть каким-то опытом в изготовлении ювелирных украшений или книжных переплетов тотчас же узнает пунсон для чеканки монет: ручка, напоминающая рукоятку долота, стальной стержень длиной в несколько сантиметров, на торце которого пунсонист выгравировал изображение. Этот стержень с выгравированным в стали изображением устанавливался на заготовку из более мягкого металла, затем по стержню ударяли молотком, в результате чего оставалось зеркальное изображение рисунка, выгравированного на торце; примерно так клеймят рогатый скот

или ставят печать. Когда изображения на двух матрицах (представлявших собой две стороны монеты) были готовы, их прикладывали друг к другу, получая таким образом литьевую форму. В нее заливали расплавленное серебро или золото – и получалась монета.

> К XV веку профессия пунсониста считалась уже древним искусством.

Ключевой элемент во всей этой технологии – пунсон. К XV веку профессия пунсониста считалась уже древним искусством, при котором подмастерье сначала обучался технике закалки стали, то есть ее нагреванию и последующему охлаждению до приобретения прочности, граничившей с хрупкостью. Затем его учили выбирать один-единственный из множества различных гравировочных инструментов, имевших на конце крохотное углубление или острие, заточенное под углом, а также с его помощью срезать едва видимые глазу частички стали с торца пунсона. Казалось бы, невероятно, как можно резать сталь сталью таким образом, но, если частички достаточно малы, они без труда отделяются до тех пор, пока не появится микроскопическая скульптура, буква, изображение, цифра или фигура в виде рельефа, четко выделяющегося на фоне основы. Точность высококвалифицированного пунсониста была просто поразительной, а эмоции от результата выполненной работы такие же, как если бы была создана скульптура.

Послушайте, что говорит один из современных пунсонистов Фред Смейерс, голландский дизайнер, имеющий опыт работы в типографии и весьма лирично описывающий свое ремесло в книге «Контрпунсон» (*Counterpunch*).

Чтобы работать было удобно, следует остро заточить гравировочный инструмент. Для проверки остроты его заточки поставьте гравер вертикально на ноготь большого пальца. Даже без давления вы почувствуете, что он немного углубляется в ноготь, поскольку тот, конечно же, очень мягок. Если вам без труда удается срезать тонкую стружку с ногтя пальца, то ваш гравировочный инструмент достаточно острый. Если мы расположим его на торце пунсона под определенным углом, режущая кромка инструмента углубится в его незакаленную сталь. Это происходит так же легко, как и при помещении гравировочного инструмента на ноготь пальца. Прилагая небольшое усилие (его даже усилием назвать нельзя), перемещаем инструмент вверх, срезая при этом микроскопическую стальную стружку. Твердо держа руку, можно

срезать и более длинную стружку, в том числе длиной в 3 миллиметра. Сталь при этом перестает быть похожей на сталь. Она и выглядит, да и по ощущениям больше напоминает холодное сливочное масло: та же легкость, та же сила давления, те же приятные ощущения, с которыми вы отрезаете большие или меньшие кусочки с помощью ножа. Тем более приятно испытывать это при работе с материалом, который и прочен, и имеет мелкую структуру, – со сталью.

Ударная обработка металлов – основа технологии изготовления штампов. На гравюре XVIII века видно, что со времен Гутенберга технология изменилась не сильно.

Это действительно искусство в миниатюре, сравнимое с нанесением китайскими гениями текста на зерна риса. Стальная стружка, срезаемая таким методом, имеет толщину не более 0,01 миллиметра – это ширина точки на матричном принтере с

разрешением 6,25 миллиона точек на квадратный дюйм. Для сравнения: в первых матричных принтерах разрешение составляло от 90 до 120 тысяч точек на квадратный дюйм.

В современных лазерных принтерах разрешение составляет 750 тысяч точек на квадратный дюйм (измеряется в размерах гранул тонера, а не в точках, как раньше, но терминология осталась прежней). Теперь вспомним, что эти крохотные частички стали имели толщину не более 0,01 миллиметра; они могут быть еще меньше и составлять 0,1 от этой величины, то есть иметь толщину всего в 1 микрон (0,001 миллиметра, или 0,025 дюйма). В результате приходим к поразительному выводу: Иоганн Гутенберг с самого раннего детства находился среди людей, которые могли выгравировать букву на стали, размер которой был как минимум в шесть, а может быть, и в 60 раз меньше разрешения современного лазерного принтера, – и это как раз в то время, когда король Сигизмунд предоставил Майнцу право чеканить имперские монеты, что повлекло за собой рост спроса на разработку новых изображений и новых пунсонов.

А сам ли Гутенберг проделывал всю эту работу? Неизвестно. Свидетельства за то десятилетие как в поддержку, так и в опровержение данной гипотезы отсутствуют. Единственное, что мы можем сказать с уверенностью, так это то, что Гутенберг был знаком с теми, кто умел это делать, причем именно тогда, когда, похоже, спрос на это ремесло резко возрос.

Гутенберг с раннего детства находился среди людей, которые могли выгравировать букву на стали.

* * *

Майнц неумолимо приближался к банкротству после ряда финансовых кризисов, из которых город то и дело приходилось выводить на протяжении еще 26 лет. Причем аналогичная картина периодически повторялась: городской совет, в котором преобладали члены гильдий, пытался повысить налоги, после чего патриции скрывались в сельской местности, аннуитеты урезались, выплаты в счет погашения долгов уменьшались, кредиторы не давали займов, архиепископ спасал город, не забывая при этом сохранить за собой многовековые привилегии. В 1430 году архиепископ стал посредником в заключении мира; при этом были сформулированы запутанные положения закона о количестве заместителей мэров и казначеев, а также о том, у кого должны быть дубликаты ключей от городской казны. Майнц даже

обещал иммигрантам освобождение от налогов сроком на 10 лет. Ни один из этих шагов не пошел на пользу. В 1438 году долг города составил 373 тысячи гульденов – сумма, достаточная для того, чтобы скупить все дома в городе. Напряженность нарастала и впоследствии, к концу жизни Гутенберга, привела к началу войны.

Старший брат Иоганна, Фриле, вернулся со своей семьей, чтобы выплатить налоги и со временем войти в новое руководство в качестве одного из трех заместителей мэра города. Но сам Иоганн, похоже, был одним из тех, кто без энтузиазма воспринял новый общественный порядок, поскольку, вероятно, не мог себе представить, чем он будет зарабатывать на жизнь. Один из аннуитетов Иоганна уменьшился вполовину, что снизило его доходы с 23 до 10 гульденов – этой суммы было достаточно лишь для того, чтобы сводить концы с концами всего несколько месяцев в году. Гутенберг был бы не против выбить из городского чиновника, некоего Никлауса фон Вёрштадта, обещание выплачивать аннуитеты при любых обстоятельствах; на самом деле тот даже дал ему личные гарантии на случай невозможности платежа.

Представьте себе молодого человека, которого на каждом шагу подстерегают опасности: «черная смерть» на фоне развала общества, угроза гражданского неповиновения, лишение статуса патриция, который мог бы значительно улучшить его жизнь. Гутенбергу было почти 30 лет, он был холост, умен, хорошо образован и (как показала его дальнейшая карьера) целеустремлен. Тем не менее в течение 10 лет, даже если он и зарабатывал деньги на мелкие расходы в качестве пунсониста или чеканщика монет, то не сделал ничего заслуживавшего интерес. Единственное документальное свидетельство о Гутенберге на данном жизненном этапе – записи о едва заметных изменениях в суммах его аннуитетов. К 30 годам он вполне мог почувствовать разочарование.

> К 30 годам Гутенберг был холост, умен, хорошо образован и, как показала его дальнейшая карьера, целеустремлен.

Приблизительно в 1429 году Гутенберг, похоже, принял решение, возможно, под влиянием зашедших в тупик переговоров, окончательно поссоривших представителей гильдий и патрициев. На момент соглашения о примирении наш герой числился как непроживающий, и архиепископ, выступавший посредником в этих переговорах, дал Гутенбергу возможность вернуться. Но тот отказался и исчез из всех письменных

документов Майнца на последующие 20 лет. Похоже, он покинул это место, как бросают плохую работу. Но, каковы бы ни были причины, Гутенберг, скорее всего, отправился попытать счастья в более стабильном и благополучном городе.

Гутенберг, скорее всего, отправился попытать счастья в более стабильном и благополучном городе.

Глава 2
Страсбургская авантюра

В начале 1434 года Гутенберг поселился в Страсбурге, который находился в двух днях пути вверх по реке от Майнца и был намного привлекательнее родного города будущего изобретателя. В Страсбурге были те же проблемы, что и в Майнце, там тоже творились беспорядки, но местный архиепископ не имел права выбора, и представителям гильдий было легче завоевать власть. Это был очаровательный, привлекательный и роскошный город-государство, через который протекала река Илль. Она омывала центральный остров Страсбурга, благодаря чему 25 тысяч его обитателей имели выход к Рейну, в который Илль впадает в нескольких километрах к востоку. Страсбургский собор, шедевр готической архитектуры, строительство которого к тому времени длилось в течение вот уже 150 лет, только что обрел свое окно-розу, до сих пор считающееся одним из шедевров западного искусства. Первая из двух его башен, исчезая в ажурных узорах, почти достигла своей наивысшей точки – 142 метров в высоту. Каменные купеческие дома теснились в узких улочках и на берегах реки, где два крана обслуживали небольшие грузовые баржи. Этот город, должно быть, казался Гутенбергу подходящим местом для реализации его таинственных замыслов.

> В начале 1434 года Гутенберг поселился в Страсбурге благодаря семейным связям.

Страсбург стал благодатной почвой для дела всей его жизни. События следующих 10 лет вряд ли как-либо повлияли на формирование характера Гутенберга – все же ему было уже за тридцать, – но они отточили его мастерство, укрепили амбиции и раскрыли в нем те черты, которые не проявлялись раньше. Все это особенности характера человека, находящегося в состоянии стресса, – но не разрушительного, не подконтрольного, а выбранного по собственной воле, знакомого художникам, предпринимателям и даже альпинистам. Похоже, Гутенбергу это нравилось. Он был человеком, одержимым идеей, обладал техническими навыками, деловой хваткой и огромной выдержкой, что помогло ему воплотить свои замыслы в жизнь.

* * *

Гутенберг, вероятно, поселился в Страсбурге благодаря семейным связям. Его брат Фриле получал ежегодную ренту в размере 26 страсбургских динаров (динар – местный эквивалент гульдена) и должен был регулярно приезжать в Страсбург, чтобы получить эти деньги. Летом 1433 года умерла мать Гутенберга. У нее было два дома. Ее трое детей разделили между собой наследство: Эльза взяла дом в Майнце, а Фриле – в Эльтвилле, выкупив долю Иоганна, передав ему страсбургскую ренту и свою долю майнцской ренты. Теоретически с такими доходами Гутенберг мог вообще не появляться в Майнце, а постоянно работать в Страсбурге. Но на практике все было не так просто, потому что, говоря о майнцских делах, Гутенберг находился довольно далеко и, если бы он не появлялся в городе, управляющие Майнца приберегли бы деньги для решения финансовых проблем города.

У Гутенберга в то время уже были планы, для осуществления которых ему нужны были все деньги, которые он только мог раздобыть. Об этом стало известно из копии документа, продиктованного Иоганном 14 марта 1434 года, где он вкратце рассказал о случае, о котором, должно быть, гудел весь Страсбург. Один из трех бургомистров Майнца, Никлаус из Вёрштадта (так называлась его родная деревня, расположенная в 12 километрах к юго-западу от Майнца), прибыл в Страсбург. Никлаус был крепкий орешек: он возглавлял представителей гильдий пятью годами ранее, когда они прекратили переговоры с патрициями, а теперь нес бремя управления городом, постоянно пребывающим на грани банкротства, которое в основном навлекали те люди, которых Гутенберг считал своими друзьями или союзниками. Подобно счетоводам многих современных компаний, близких к банкротству, Никлаус платил только тем, кто обладал определенным влиянием или оказывал давление, а Гутенберг в течение нескольких предыдущих лет в их число не входил. Никлаус, вероятно, прибыл в Страсбург для обсуждения антипатрицианской стратегии со своими коллегами по гильдии, и у него не было причин опасаться, что поблизости может находиться кто-то из его обиженных клиентов. Гутенберг, поддерживаемый теперь своими друзьями различных званий, узнал о визите Никлауса и решил воспользоваться случаем – предъявить подписанный бургомистрами Майнца документ, в котором они давали обещание лично отвечать за выплату ренты.

> Гутенберг был человеком, одержимым идеей, обладал техническими навыками, деловой хваткой и огромной выдержкой.

Как подсчитывалась недостающая сумма, неясно – возможно, как совокупность его собственных рент и тех, которые достались ему в наследство от матери и в результате договоренностей с Фриле, – но она составила 310 гульденов. Этого было достаточно для того, чтобы купить солидный особняк или оплатить годовой оклад десятерым работникам. В те времена недвижимость и рабочая сила были относительно более дешевыми, чем сейчас, и, кроме того, современная экономика настолько сложна, что подобрать эквивалент достаточно трудно. Поэтому проще использовать прежние понятия, когда гульден стоил примерно 100 фунтов. Выражаясь современным языком, речь идет о сумме, равной пятилетней заработной плате, наличными и без каких-либо налогов.

> Гутенберг предъявил подписанный бургомистрами Майнца документ, в котором они давали обещание лично отвечать за выплату ренты.

Гутенберг мог доказать свою правоту, к тому же он знал местных полицейских, поэтому начал действовать. Вместе с несколькими разбойниками он появился перед удивленным Никлаусом с требованием выплатить ему деньги. Гутенберг заявил, что, как бургомистр, Никлаус лично несет ответственность за долги города. К тому же об этом сказано в документе, подписанном «достопочтенными и благоразумными бургомистрами». Мне кажется, это доставляло ему удовольствие. Вначале притворная покорность, а затем непреклонная решимость: в соответствии с контрактом достопочтенные и благоразумные бургомистры были согласны с тем, что в случае невыполнения обязательств «я могу предъявить им исковое заявление, заключить их в тюрьму и наложить арест на их имущество». Можно лишь представить себе испуганный вид Никлауса, когда тот понял, что Гутенберг не шутит. Никлаус отправился в долговую тюрьму.

> Действия Гутенберга говорят об остром уме, твердом характере и способности в подходящий момент проявить инициативу.

Действия Гутенберга говорят об остром уме, твердом характере и способности в подходящий момент проявить инициативу. Он знал, что в Майнце были проблемы с деньгами и что его старый знакомый и соперник Никлаус имел достаточно полномочий, чтобы отвечать от имени города. Тем не менее в этом не было ничего личного. Никлаус был всего лишь

инструментом для получения денег. Любой намек на личную вендетту мог не понравиться страсбургским чиновникам, которым пришлось бы восполнять ущерб, нанесенный отношениям между двумя городами. Выход был прост. Все, что Никлаус должен был сделать, – пообещать выплатить деньги в течение разумного периода времени, например двух месяцев, и, будучи бургомистром, он мог так сделать. Все об этом знали. Гутенберг наверняка смог убедить чиновников в том, что им не следует волноваться по поводу ухудшения отношений между двумя городами и что те, кто желает увидеть справедливое разрешение конфликта, сумеют получить кое-что из обещанных 310 гульденов. А поскольку все были заинтересованы в благополучном исходе, он мог позволить себе проявить великодушие.

Именно так все и произошло. Никлаус выполнил свое обещание и снова обрел свободу. Гутенберг проявил великодушие и пообещал, что в будущем не будет требовать от Никлауса личной ответственности за какие-либо невыполненные обязательства. Никлаус, в свою очередь, пообещал организовать своевременную выплату городом ренты через двоюродного брата Гутенберга, Орта Гельгусса, который жил в Оппенхайме, расположенном в 10 километрах вверх по реке от Майнца. После этого случая Гутенберг, несомненно, завоевал в Страсбурге репутацию упрямого, решительного, но справедливого человека, с которым следует считаться.

Итак, к согласованной дате – Троице, отмечаемой через семь недель после Пасхи, – у Гутенберга было достаточно денег для того, чтобы начать работу. Он арендовал дом в деревушке рядом с монастырем, названной в честь святого Арбогаста – местного епископа, жившего в V веке в нескольких километрах вверх по реке Илль. Река здесь разделялась на красивые заводи, омывавшие пару островков, а затем снова образовывала единое русло. Тут Гутенберг нанял Лоренца Байльдека и его жену в качестве слуг. Никто не знал, чем именно он собирается заниматься, но люди догадывались, что это было занятие, требовавшее уединения. В городе было много любопытных глаз и болтливых языков. К тому же законы там запрещали использовать кузнечные горны из-за угрозы пожара, в то время как в деревне Гутенберг мог свободно экспериментировать, параллельно организовывая в городе сеть контактов, которые в будущем могли быть ему полезны. Очевидно, он налаживал связи с людьми всех классов – от ремесленников до патрициев и аристократов. В те времена иерархий его самого было сложно отнести к какому-либо определенному классу. В нескольких сохранившихся документах

он упоминается то как ювелир, то как не состоящий в гильдии, то как представитель высших классов Страсбурга.

> Вскоре у Гутенберга было достаточно денег, чтобы начать работу.

Таким образом, мы видим состоятельного человека, имеющего работников, хорошие связи и приличное хозяйство, включающее, помимо прочего, винный погреб с достаточно большими запасами – в июле 1439 года он платил налог более чем с полутора фудеров вина. Фудер – это бочка емкостью 1000 литров. Это довольно большое количество, а поскольку за год вино способно окислиться и превратиться в уксус, можно сделать вывод, что Гутенберг держал запас вина, достаточный для 10—12 человек, каждый из которых выпивал по пол-литра в день (а учитывая то, что вино тогда часто разбавляли, его хватило бы и на большее время).

* * *

Ему было за тридцать, он имел авторитет, был увлечен важным делом, состоятелен и не женат. И разумеется, у Гутенберга была девушка. Звали ее Эннелин. Доказательств тому немного: всего лишь копии двух судебных документов, датированными 1436—1437 годами. Это стало причиной множества споров академиков о том, существовала ли Эннелин на самом деле и женился ли на ней Гутенберг. Но теперь можно восстановить реальную картину, правда, с небольшими пробелами.

Эннелин действительно существовала. Она происходила из семьи патрициев, получившей свое имя от имущества, известного под названием Железная Дверь. Эннелин (или Анналяйн) – это уменьшительная форма имени Анна. Таким образом, полное имя этой девушки – Маленькая Аннушка Железная Дверь. Скорее всего, ее привлекал этот загадочный самодостаточный изобретатель, работавший в деревне всего в 20 минутах ходьбы от города. Если их связывали какие-либо отношения, то, вероятно, они касались лишь сердца, причем скорее сердца Эннелин, чем его, так как ее семья принадлежала к высшему классу, а Гутенберг занимал в обществе более низкое положение. Но он-то наверняка не был ловеласом.

> У Гутенберга была девушка по имени Эннелин, о чем свидетельствуют копии двух судебных документов,

датированных 1436—1437 годами.

История с судебным разбирательством произошла из-за матери Эннелин, Эльвибель. Упоминаний об отце нет. Известно лишь, что достоинство и интересы своей дочери защищала именно мать. Вначале, видимо, она одобряла ее отношения с Гутенбергом, поскольку тот был человеком с хорошей репутацией, большим хозяйством, амбициозными планами, к тому же Гутенберг славился как личность, способная на решительные действия, – ведь именно он поставил на место того выскочку из майнцской гильдии. Гутенберг был весьма неплохой кандидатурой для ее дочери.

Однако Гутенберг не собирался жениться на Эннелин. Он был слишком занят своей работой. Когда Эльвибель, посоветовавшись с друзьями, соседями и родственниками, захотела назначить дату свадьбы, то с ужасом узнала, что никакой женитьбы не будет. Тогда госпожа Железная Дверь превратилась в разгневанную аристократку, возмущенную обидой своей дочери и поставленную в ужасно неловкое положение.

Она жаждала мести. Единственным возможным вариантом для нее было подать на Гутенберга в суд за нарушение обещаний. После недолгих поисков она решила задействовать в качестве свидетеля местного сапожника Клауса Шотта. Как показывают судебные записи, Эльвибель подала иск, а Клаус Шотт оказал ей необходимую поддержку.

Теперь ошеломлен был уже Гутенберг. Он ведь никогда не давал никаких обещаний! «Кто вообще такой этот Шотт? – спросил он у заседателей церковного суда, в котором рассматривался иск, а затем в ярости сам ответил на собственный вопрос: – Жалкий негодяй, зарабатывающий на жизнь обманом и ложью!» Шотт, в свою очередь, был возмущен и потребовал судебного разбирательства – отсюда и второй судебный документ. Суд признал, что тот был публично оскорблен, и потребовал у Гутенберга заплатить 15 гульденов за клевету.

> Гутенберг не собирался жениться на Эннелин, поскольку был слишком занят своей работой. В связи с этим и возникла судебная тяжба, которую затеяла мать девушки.

На этом документальные свидетельства заканчиваются. Неизвестно, доказала ли Эльвибель свою правоту и получила ли какую-либо компенсацию. Вероятно, нет. Как бы там ни было, свадьба не состоялась. Согласно городским хроникам, семь лет спустя мать и дочь по-прежнему жили вместе. Больше о них нет

никаких упоминаний. Каким образом любовники (если они были любовниками) встречались? Была ли Эннелин безрассудным подростком, желавшим сбежать из-под присмотра своей матери? Или же Эльвибель спланировала эти отношения в надежде найти для своей глупой дочери хорошую пару? Вышла ли Эннелин замуж позже или ушла с разбитым сердцем в монастырь? Вряд ли мы об этом когда-нибудь узнаем.

> Доказала ли Эльвибель свою правоту и получила ли какую-либо компенсацию – неизвестно.

Чем же занимался Гутенберг в Святом Арбогасте? Одно известно точно: он хотел заработать денег, много денег. Возможно, в то время на этом его амбиции заканчивались. А может, идея о книгопечатании уже тогда засела в его голове и он работал над задачами и их решениями. Если это так, то Гутенберг должен был обнаружить, что ему нужно гораздо больше денег, чем есть у него в наличии. Для того чтобы достать их, Иоганну был необходим дополнительный план, который позволил бы мгновенно заработать и пустить средства в долгосрочный оборот. План у него был.

Для понимания всего великолепия идей Гутенберга нам следует немного отойти от темы и рассказать об одной религиозной особенности. Для этого перенесемся на 250 километров к северу, в город Ахен, считавшийся столицей государства Кар ла Великого – основателя империи, благодаря которому она получила название Священной Римской империи. Карл Великий был похоронен в Ахенском соборе – величайшем храме тех времен. Здесь в 1000 году германский король Оттон III, мечтавший о воссоединении христианского мира, хотел «наполниться» магией Карла Великого, открыв гробницу своего героя под знаменитой 8-угольной капеллой собора. Согласно легенде, он обнаружил там великого короля восседавшим на троне с короной на голове и со скипетром в руке, как если бы он был жив, лишь с небольшим разложением в области носа. На руках Карла Великого были перчатки, сквозь которые проросли ногти. Оттон переодел тело во все белое, обрезал ногти, прикрепил новый золотой нос и «сделал все, как должно быть», по крайней мере так говорит легенда. Возможно, кое-что из этого было правдой, поскольку Оттон поместил белый мраморный трон Карла Великого в галерее на втором этаже, где он использовался во время коронации германских королей на протяжении следующих 500 лет и где он стоит до сих пор. После правления Оттона в этой гробнице, как и во всех великих гробницах, собралось множество священных реликвий, в аутентичности

которых в те времена никто не сомневался. В 1165 году Карл Великий был канонизирован и его останки, помещенные в золотой гроб, стали почитаться как реликвия.

В 1165 году Карл Великий канонизирован и его останки, помещенные в золотой гроб, стали почитаться как реликвия.

Это собрание реликвий стало объектом одного из величайших паломничеств Средневековья. После многочисленных требований в середине XIV века власти приняли решение выставлять реликвии напоказ раз в семь лет. Впоследствии, в годы паломничества, тысячи людей приходили в собор, чтобы с благоговением взглянуть на пеленки младенца Христа, набедренную повязку распятого Иисуса, одеяния Богородицы и ткань, в которую была завернута отрезанная голова Иоанна Крестителя. В начале XV века паломников стало больше, чем мог принять собор. Власти Ахена снова были вынуждены прислушаться к требованиям масс и дали разрешение выставлять реликвии на деревянном помосте за пределами храма, где священнослужители по очереди показывали их паломникам. Теперь к собору могло приходить еще больше людей. Во время паломничества 1432 года возле него ежедневно толпилось 10 тысяч человек и общая атмосфера была на грани истерии. Во время следующего паломничества была такая сильная давка, что здание обрушилось, убив 17 и ранив 100 человек. Это было кульминацией многонедельного путешествия. Все надеялись на какое-то чудо, ожидая, что их жизнь изменится. В качестве доказательства посещения этого места они покупали металлические медальоны по 7–10 сантиметров длиной с изображением кого-либо из святых, Богородицы с младенцем или двух священников, держащих одеяния Девы Марии.

Считалось, что священные реликвии обладают огромной силой, способны успокоить сердце, душу и тело, поскольку излучают целебные потоки.

Конечно, считалось, что священные реликвии обладают огромной силой, способны успокоить сердце, душу и тело, поскольку излучают целебные потоки, подобные невидимым солнечным лучам. Раньше паломники могли надеяться прикоснуться к святыням и таким образом получить часть их силы.

Теперь это было невозможно, так как из-за большой толпы людей реликвии держали далеко от них. Какое расточительство:

столько целебной силы впустую рассеивается в пространстве, тогда как больным и несчастным приходится мечтать лишь о том, чтобы дотронуться до человека, который действительно касался реликвий Ахена. В начале XV века решение было найдено с помощью техники. Люди начинали использовать для чтения очки. Линзы тогда еще были не из стекла, а из прозрачных кристаллов, в частности из берилла (эти приборы называли *Berylle*, а впоследствии сокращенно *Brille* – современным словом, обозначающим очки). Стеклянные зеркала пользовались популярностью: в Нюрнберге в конце XIV века возникла гильдия зеркальщиков, и состоятельные люди активно покупали небольшие выпуклые зеркала, которые, как казалось, способны запечатлеть весь мир. Подобное зеркало можно увидеть на портрете купца из Брюгге Джованни Арнольфини, нарисованном Яном ван Эйком в 1434 году.

Теперь мы подошли к сути дела. Во время паломничества 1432 года по Ахену пошли слухи о том, что выпуклое зеркало благодаря широкому углу обзора способно поглощать целебное излучение священных реликвий. Внезапно все захотели купить медальон с простым круглым зеркалом диаметром 12 миллиметров, не из стекла, а из отполированного металла, вставленным в свинцовую или медную оправу с грубыми узорами. (Стеклянные зеркала – «бычьи глаза», как их называли, – появились позже и в XVI веке все еще были популярным товаром.) Затем оставалось только найти подходящее место (люди залезали даже на городские стены), где можно держать зеркало в поднятых вверх руках, словно третий глаз, – чем дольше, тем лучше, – чтобы оно смогло пропитаться священными лучами. Так безделушка для туристов превращалась в предмет силы, наполненный лучезарной энергией. После этого люди отправлялись домой с полной уверенностью в том, что у них в кошельке находится настоящая чудотворная вещь. Вернувшись домой до того, как иссякнет волшебная сила медальона, вы можете вправлять конечности и лечить болезни. Зеркало было такой же гарантией успеха, как сейчас фотография папы римского или футболка с изображением рок-звезды.

> Пошли слухи, что выпуклое зеркало благодаря широкому углу обзора способно поглощать целебное излучение священных реликвий.

В 1432 году изготовители печатей и ювелиры Ахена не могли удовлетворить весь спрос. А он действительно был велик: 10 тысяч человек каждый день в течение двух недель. Члены местной гильдии приняли решение на некоторое время

разрешить жителям других городов изготавливать и продавать паломнические медальоны и зеркала. По сути, это было разрешение зарабатывать легкие деньги (как показывают хроники, во время более позднего паломничества, в 1466 году, было продано 130 тысяч медальонов).

Это воодушевило Гутенберга: он собрался изготовить как можно больше зеркал для ахенского паломничества 1439 года. Он планировал изготовить 32 тысячи зеркал и продать каждое по полгульдена. Небольшой кусок металла за 50 фунтов или около того? Кажется, достаточно дорого. Но именно такую цену ставили местные торговцы, и именно столько были готовы платить паломники. Таким образом, ожидаемая прибыль составляла 16 тысяч гульденов при затратах примерно 600 гульденов, то есть более 2500 процентов дохода. Это все равно, что если бы вы вложили 100 тысяч фунтов и получили бы 2,5 миллиона фунтов – либо у Гутенберга было плохо с арифметикой (что маловероятно, учитывая его опыт), либо он был на пути к успеху. Но были две небольшие проблемы: никто до этого не изготавливал зеркала в таких больших количествах и у Гутенберга не было 600 гульденов, которые он мог бы вложить в это дело. У вас может возникнуть вопрос: какое отношение это имеет к книгопечатанию? Во-первых, для разработки совершенно новой технологии требовались деньги, а, во-вторых, между технологией изготовления зеркал и технологией книгопечатания, очевидно, существует некая связь, поскольку в обоих случаях используются прессы. Нет сомнений в том, что Гутенберг работал над созданием печатного пресса, тем не менее то, что он делал это именно на данном этапе, – всего лишь гипотеза. Некоторые историки утверждают, что работа над зеркалами, сознательно или нет, привела его к работе над книгами.

> Гутенберг собрался изготовить как можно больше зеркал для ахенского паломничества 1439 года и заработать на этом.

В 1438 году Гутенберг нашел трех партнеров. Ганс Риффе, Андреас Дритцен и Андреас Гейльман были состоятельными людьми. В их именах не было приставок фон или цур, они не имели большого имущества, но их семьи смогли добиться того, чтобы из ремесленников и торговцев превратиться в людей, занимавших высокое положение в коммерческой сфере или органах местного управления. Риффе, например, был префектом удаленного пригорода Лихтенау, а его братья – настоятелями монастыря Святого Арбогаста, рядом с которым жил Гутенберг. Эти люди занимали высокое положение в обществе и, как можно

было бы предположить, обладали достаточной рассудительностью. Но, подобно многим другим инвесторам, очарованным идеей, в итоге они потеряли свои деньги.

Мы можем это утверждать, поскольку задуманное предприятие потерпело неудачу при обстоятельствах, которые они не могли контролировать. Впереди их ждали волнения, смерть, споры и судебные разбирательства. Именно благодаря показаниям свидетелей и заключению суда нам известно об этом деле хоть что-то. Однако имеющихся сведений недостаточно для того, чтобы объяснить суть проблемы. Дело в том, что поскольку выжившие партнеры, вероятно, все еще были близки к успеху, важнейшим условием которого являлось соблюдение секретности, то на суде, подходя к главной части, они сразу же замолкали. Партнеры могли упоминать о зеркалах, о прессах, но было что-то такое, о чем они не могли говорить. Никто из них даже не предъявил суду связывавший их контракт, опасаясь того, что он выдаст их тайну. Подобно алхимикам, знавшим, что они близки к открытию философского камня, который превратит что угодно в золото, они бормотали что-то невнятное о совместной работе, искусстве и авантюре.

> В 1438 году Гутенберг нашел трех партнеров для реализации задуманного.

Слова «авантюра» и «искусство» стали для исследователей ключом к сокровищу. Сокровище – это, конечно, изобретение метода книгопечатания подвижными литерами. Оно появилось через несколько лет после суда. Мы можем говорить об этом, потому что имеются печатные книги, появившиеся в упомянутый период. Но что за сокровище так старательно охраняли партнеры? Ответ на данный вопрос – Священный Грааль научных исследований работы Гутенберга. Никто пока не нашел его, хотя известные детали позволяют создать множество возможных сценариев.

Не сохранилось фактически никаких подлинных оригиналов документов, свидетельствующих об этом периоде жизни Гутенберга. Письменные свидетельства были частью двух томов судебных хроник, зафиксированных одним и тем же писцом на листах бумаги, размер которых был чуть меньше современных листов бумаги для пишущей машинки. Со дня написания в 1439 году они хранились в страсбургских архивах в течение 300 лет, до тех пор пока не были обнаружены местными исследователями, которые сделали копии и опубликовали их в 1760 году. После этого оригиналы были уничтожены. Один том оказался на одной из 15 повозок, сожженных французскими солдатами 12 ноября

1793 года, после того как город захватила республиканская армия. Второй том сгорел вместе с городской библиотекой в 1870 году. Сохранилась лишь копия, которая является неполной, возможно, потому, что в оригинале отсутствовали некоторые страницы. Однако у нас нет сомнений в том, что 13 из 25 свидетельских показаний и заключение суда соответствуют оригиналу.

> Документы, свидетельствующие о жизни Гутенберга в 1430-е годы, – судебные хроники, зафиксированные одним и тем же писцом на листах бумаги.

Итак, перейдем к свидетельствам. Они так же запутанны, как и материалы многих других судов. Свидетели противоречат друг другу, они забывчивы, предвзяты и на редкость человечны. В сохранившихся отрывках нет связного повествования. Пытаться составить из них историю – все равно что пробовать воспроизвести фильм из нескольких десятков несвязных кадров.

> Судебные показания так же запутанны, как и материалы многих других судов. Свидетели противоречат друг другу, они забывчивы и предвзяты.

Ниже приведены отдельные сцены в том порядке, в котором они обретают смысл среди всех противоречивых свидетельств. Основная часть перефразирована; цитаты аутентичны, насколько это возможно было передать в переводе.

1. Андреас Дритцен просит Гутенберга о присоединении к делу. Гутенберг учит его «полировать камень/камни».

2. Между 1435 и 1438 годами ювелир Ганс Дюнне зарабатывает 100 гульденов «лишь благодаря тому, что занимается штампованием». (Кстати, фраза, которую использует Дюнне, – *zu dem trucken*, или *zum Drucken*, как она выглядела бы сегодня, на современном немецком языке означает «к книгопечатанию». В современном немецком языке существует различие между *drucken* (нем.) – печатать, и *dru.. cken* (нем.) – штамповать, но до того, как книгопечатание получило распространение – это произошло около 1500 года, – подобного умляутного лингвистического различия не существовало. Тогда для этих двух значений использовалось одно и то же слово. Мне кажется, что, если бы в 1438 году книгопечатание уже существовало, Дюнне был бы более осторожен в выборе слов.)

3. В начале 1438 года Гутенберг и Ганс Риффе договорились о том, что Риффе поможет с финансированием производства зеркал для ахенского паломничества, а прибыль будет разделена в

отношении 2 к 1.

4. Андреас Дритцен желает присоединиться к ним на партнерских условиях и предлагает свои услуги. Андреас Гейльман тоже присоединяется к ним. Вчетвером они договариваются о разделении прибыли следующим образом: Гутенберг – 50 процентов; Риффе – 25 процентов; Дритцен – 12,5 процента; Гейльман – 12,5 процента.

5. 22 или 23 марта – за два или три дня до Благовещения (25 марта) – каждый из двух Андреасов заплатил первые 80 гульденов за обучение «новому искусству». Но Андреасу Дритцену уже тогда пришлось взять в долг у двух друзей. К тому времени итоговая сумма составляла примерно 1000 гульденов, из которых 500 гульденов – наличные.

6. Внешне все кажется мирным и спокойным. Андреас Дритцен грузит в тележку бочку бренди, 500-литровую бочку вина, несколько корзин с грушами и везет их в Святой Арбогаст, чтобы заплатить Гутенбергу за его гостеприимство. Работа продолжается.

7. Лето 1438 года. Плохие новости. Возвращается чума, распространяясь из Италии на север, к Ахену, и власти объявляют, что паломничество 1439 года будет перенесено на следующий год – а это значит, что получение прибыли от продажи зеркал тоже откладывается.

8. Два Андреаса наносят Гутенбергу неожиданный визит и узнают, что тот «знает еще об одном тайном искусстве». Они думают, что Гутенберг что-то от них скрывает и планирует использовать их деньги для другого, еще более прибыльного предприятия, прикрываясь первым. «Тайное искусство» повышает привлекательность занятия Гутенберга. Теперь его компаньоны желают узнать больше.

9. Гутенберг настаивает на том, чтобы оформить новое соглашение. Оба Андреаса обещают поэтапно выплатить новую сумму, которая должна фактически удвоить размер предприятия и их личный вклад. Риффе либо не присоединяется к новому соглашению, либо остается на втором плане. Соглашение подписывается сроком на пять лет. Оно содержит пункт, утверждающий, что в случае смерти наследникам будет выплачено 100 гульденов.

10. У Андреаса Дритцена проблемы. Он берет деньги в долг у маклера, рискуя своим имуществом, но все равно не в состоянии заплатить оговоренную сумму.

11. Дритцен взволнован. Он разговаривает с лавочницей Барбель из Цаберна (ныне Саверна, в 40 километрах к северо-западу от Страсбурга), которая либо должна остаться у него, либо

приехать, чтобы выпить. Поздно. Дритцен занимается подсчетами. Она спрашивает:

– Разве мы не собираемся в постель?

(В оригинале ее слова выглядят так: *Wollen wir heute nicht mehr schlafen?* Буквальный перевод: «Разве мы не хотим сегодня больше спать?» В большинстве случаев «мы» заменяется на «вы», что, возможно, имеет смысл, но создает между ними дистанцию. Лично я полагаю, что они были близкими друзьями – но не слишком близкими, так как она обращается к нему вежливо на «вы», тогда как он обращается к ней фамильярно на «ты». Однако подобные тонкости лишь дают повод для игры воображения.)

Дритцен, не отрываясь от своего дела, отвечает:

– Сначала мне нужно это закончить.

Обратите внимание, что он говорит «мне», а не «нам», а это означает, что они этим делом заняты не вместе.

– Боже! – восклицает Барбель. – Зачем тратить столько денег? Наверное, это вам обошлось уже в 10 гульденов.

– Ты дура, если думаешь, что это обошлось мне всего в 10 гульденов!

Представьте, как приподнялись ее брови: сколько же тогда?

Он избегает пристального взгляда женщины, желающей знать о его тайне и деловой репутации. Больше, чем 300… Немного больше… Настолько больше, что на эти деньги можно жить до конца жизни… Ладно, почти 500. Точнее, он уже потратил примерно 350, и еще ему нужно найти 85. Его имущество, его наследство – все это под залогом. Он исчерпал все свои резервы.

– Господи Иисусе! – восклицает Барбель. – А что, если все пойдет не так? Что вы тогда будете делать?

– Все будет хорошо. Через год мы вернем наши деньги и будем блаженствовать.

«Все будет хорошо»… Андреас Дритцен никогда не слышал о превратностях судьбы.

12. Декабрь 1438 года. Андреас берет в долг еще 8 гульденов, отдав под залог кольцо, стоящее 30 гульденов (свидетель Раймбольт небогат: он получил за это кольцо 5 гульденов у еврея-ростовщика в своей родной деревне Егенхайм). Андреас также берет в долг у хозяина Раймбольта. Но до той суммы, которую он должен заплатить Гутенбергу, ему все еще недостает около 80 гульденов.

13. Гутенберга беспокоит то, что его секрет может попасть не в те руки. Он отправляет своего слугу Лоренца Байльдека к двум Андреасам, чтобы «раздобыть все формы» («форма» – это термин, который позже стал использоваться для обозначения печатной формы, но мы не можем наверняка знать, что подразумевал под

этим Гутенберг; по крайней мере пока). Слуга должен принести формы, которые затем будут расплавлены, «чтобы никто не увидел это» (непонятно, что имеется в виду под словом «это»). Задание было выполнено, и Гутенберг с горечью наблюдал, как его работа отправляется в плавильную печь.

Это важный момент, так как до сих пор предполагалось, что Гутенберг лично руководит всей работой в Святом Арбогасте. Оказывается, это не так: «авантюра и искусство» как минимум частично базируются в Страсбурге, иначе ему не нужно было бы посылать Байльдека с поручением.

14. Рождество 1438 года. Андреас Дритцен тяжело заболел. Он лежит в кровати в доме своего друга, свидетеля Мидегарда Стокера. Раскрывая детали партнерства, Андреас говорит: «Я знаю, что скоро умру. Поэтому хочу сказать, что предпочел бы никогда не участвовать в этом деле, поскольку мои братья никогда не достигнут согласия с Гутенбергом».

15. 26 декабря. Андреас Дритцен умирает. Оставшиеся в живых партнеры беспокоятся о том, что закрытие его дел привлечет внимание к прессу и раскроет их тайну.

16. 27 декабря. Андреас Гейльман просит изготовителя пресса Конрада Засбаха разобрать пресс на части, «чтобы никто не смог узнать, что это такое». И опять загадочное «это». Но оказалось, что «эта вещь исчезла». Гутенберг тоже беспокоится. Кажется, что всего лишь расплавить «формы» недостаточно. Он также волнуется о «четырех деталях», которые покойный Андреас оставил «в прессе». Гутенберг снова отправляет Байльдека в город, на этот раз к брату Андреаса Дритцена, Клаусу. Клаус должен вынуть эти детали из пресса и выкрутить «оба винта, чтобы детали распались на части», потому что если кто-нибудь увидит их и пресс, то «сможет догадаться, что это такое». («Это!») После похорон он должен встретиться с Гутенбергом, которому нужно кое о чем с ним поговорить. Клаус Дритцен собирается пойти за деталями, но ему тоже не удается ничего найти. Кажется, что кто-то забрал или спрятал их.

17. Другой брат Андреаса Дритцена, Йорг, хочет, чтобы они с Клаусом унаследовали долю Андреаса в партнерстве. Гутенберг против. Йорг пытается заставить Гутенберга, подав на него в суд. (Покойный Андреас был прав: два оставшихся в живых Дритцена действительно были сутяжниками. Во время суда Лоренц Байльдек подал официальную жалобу на оскорбительные замечания Йорга; а шесть лет спустя братья судились между собой за право владения имуществом Андреаса, которое включало «режущие инструменты» и «пресс».)

18. В декабре 1439 года суд выносит решение в пользу

Гутенберга. Он может выплатить Дритценам небольшую сумму, которая вместе с тем, что не успел выдать Андреас, составляет 100 гульденов, которые должны быть выплачены в случае смерти одного из партнеров. Остальные деньги остаются задействованными в предприятии. Гутенберг может свободно заниматься своим проектом. Тайна остается нераскрытой.

* * *

Что именно это был за проект – книгопечатание, как утверждает небольшой мемориал на речном островке, названном в честь Гутенберга, и о чем заявляют некоторые историки или только шаг к книгопечатанию?

Было бы неплохо узнать, как на самом деле изготавливались зеркала и каким образом эту технологию можно использовать в книгопечатании. У нас нет ответа на этот вопрос, поскольку нет ни одного из зеркал Гутенберга (за исключением нескольких сделанных другими людьми) и ни одного письменного свидетельства. Но масштаб операции может дать нам хоть какое-то понимание ситуации.

> Гутенберг, очевидно, был способен справиться как с технической, так и с коммерческой частью задачи по изготовлению зеркал.

В распоряжении Гутенберга был рынок более чем из 100 тысяч паломников. Конечно, он не мог завоевать весь рынок, но, даже для того чтобы занять десятую его часть, требовалась тонна сплава из свинца и олова. Для этого нужно было купить металл, доставить его и обработать. Гутенберг, очевидно, был способен справиться как с технической, так и с коммерческой частью задачи. Денежный поток, условия партнерства, бюджет и ожидаемая прибыль изложены в контракте, который, как показала судеб ная тяжба с Йоргом, достаточно хорошо согласован, поэтому его можно было отстоять в суде.

Итак, мы располагаем следующими фактами: существовал пресс, возможно, в доме Андреаса Дритцена. В Святом Арбогасте велась какая-то работа по плавке металла. В одном из домов Гейльмана находились «формы» и «четыре детали», соединенные «двумя винтами». Ювелир Ганс Дюнне мог выполнять работу по гравированию. Выглядит так, словно это была основа экспериментальной операции книгопечатания, в которой присутствовали гравировщик (Дюнне), литейщик (Гутенберг), печатные формы и пресс.

Факты, конечно, интересные, но вряд ли люди могут сходить с ума из-за них, опасаясь промышленного шпионажа. Пресс, который, очевидно, играл центральную роль в операции, не должен был являться чем-то выдающимся, так как прессы с древних времен использовались для изготовления вина и экстрактного масла, а позже – для сушки бумаги. Другие материалы и предметы, необходимые для этой гипотетической книгопечатной операции, тоже не должны быть особо выдающимися: резцы, которые применялись для изготовления медалей, монет, оружия и металлических украшений для мебели; пергамент (высушенная кожа животных, использовавшаяся в качестве материала для письма начиная с III века до нашей эры); бумага (более дешевый заменитель пергамента, изготовление которого распространилось из Азии через Испанию за 300 лет до описываемых событий; на тот момент в Германии существовало полдюжины бумажных фабрик); чернила, применявшиеся текстильщиками, художниками и ксилографами. Определенно, предприятие, в котором использовались такие общедоступные предметы, не должно было привлекать внимание местных бизнесменов, требовать больших временных затрат на разработку и соблюдения абсолютной секретности.

> Итак, существовал пресс, в Святом Арбогасте велась какая-то работа по плавке металла. В одном из домов Гейльмана находились «формы» и «четыре детали», соединенные «двумя винтами».

Итак, что же ускользнуло от моего внимания? Я не упомянул о двух важных элементах, которые делают изобретение Гутенберга – не просто книгопечатание, а книгопечатание подвижными литерами – гениальной работой. Первый элемент – это интеллектуальные усилия, второй – техническая реализация. Тогда Гутенберг находился все еще на стадии исследований и разработки – вот почему требовались время, деньги и секретность, – но кто угодно мог понять принцип его идей, увидеть их потенциал и украсть их. Я думаю, что именно комбинация этих двух элементов составляла суть его «авантюры и искусства».

> Гениальным изобретение Гутенберга делают два элемента: интеллектуальные усилия и техническая реализация.

Глава 3
Геркулес, борющийся за единство

Многие изобретения объединяет то, что они рождаются в уме страдающих от нищеты отшельников, которые на чердаках в борьбе воплощают свои замечательные идеи в материальную форму. Однако в случае Гутенберга все было не так. Он был достаточно богат, хорошо работал в команде, и большинство материалов и устройств, необходимых для реализации идеи, существовали до его появления. Да, Гутенберг изобрел книгопечатание подвижными литерами, но наличие определенного свода знаний говорит о том, что у него мог быть источник вдохновения. Если да, то какой?

Поиски обещали быть трудными; они увели меня в темное сердце Европы времен Гутенберга. Это мнимое христианское единство было насквозь пронизано противостоянием и антипатиями: папа против антипапы, германский император против папы, военачальники против императора, католики против гуситов, папа против собора прелатов. Последнее противостояние имело особое значение во времена, когда лидеры Церкви спорили о сущности папской власти. И это не говоря уже о самом большом противостоянии – Рим против Константинополя, – когда византийский император управлял другой частью христианского мира, в которой существовали свои теологические и политические споры. Поскольку Божья воля определенно заключалась в мире и единстве, каждый благонамеренный прелат и принц желали принести покой в этот бурлящий вихрь волнений, но у каждого было свое понимание мира. Эта непримиримость и явилась причиной длительных конфликтов.

> Европа времен Гутенберга – это мнимое христианское единство, насквозь пронизанное противостоянием и антипатиями.

К счастью, в этой истории был человек, который играл особую роль. Он являлся современником Гутенберга. Не будучи прирожденным лидером, он желал христианского единства не меньше любого князя и обладал большой остротой ума, силой характера и интеллектом. Некоторые историки называли его тайной рукой, фокусировавшей лучи, которые зажгли запал, приведший ко взрывному изобретению Гутенберга. И даже если

этот человек не был вдохновителем создателя книгопечатания, его жизнь настолько напоминает жизнь Иоганна Гутенберга, что через нее, как через линзу, можно рассматривать мир великого изобретателя.

* * *

Звали его Николай; он был родом из Кузы. Этот город расположен всего в 80 километрах к западу от Майнца среди наилучших виноградников Германии. Сегодня он объединен с Бернкастелем (Бернкастель-Кус) – городом-побратимом, расположенным на другом берегу реки Мозель. При жизни Николай Кузанский был известным человеком, но потом оказался забытым почти до середины XIX века, пока высокообразованные немецкие философы не начали исследования, продолжающиеся до настоящего времени, и в определенных научных кругах не превратили его в культовую фигуру. В 1920-х годах Эрнст Кассирер писал о Николае Кузанском в своей книге «Индивид и космос в философии Возрождения», посвященной еврейскому филантропу Аби Варбургу, наследнику знаменитой семьи банкиров и основателю Библиотеки Варбурга в Гамбурге. Когда в 1933 году к власти пришел Гитлер, библиотека переехала в Лондон и была переименована в Институт Варбурга. Там хранится множество работ, посвященных Николаю Кузанскому, на английском, французском, немецком и итальянском языках. Но британцы почему-то не являются поклонниками Кузанского, и местная коллекция посвященных ему работ – это лишь капля в море исследований в других странах. Введите «Кузанский» в интернет-поисковике – и вы найдете сообщества, посвященные ему в Америке и Японии. При университете Трира, расположенном недалеко от его родного города, существует большой исследовательский институт, посвященный Николаю Кузанскому и содержащий библиотеку книг и манускриптов, которые остались после его смерти.

> При жизни Николай Кузанский был известным человеком, но потом оказался забытым почти до середины XIX века.

Такой популярностью Николай из Кузы обязан удивительной широте своих интересов и глубине, если не загадочности, своей философии.

Вот пример, подтверждающий эти слова.

Так как абсолютный максимум – это все, что может существовать, он совершенно реален. И так как не может быть ничего большего, по той же самой причине не может быть ничего меньшего, потому что это все, что может существовать. Но минимум – это то, меньше чего ничего не может быть. Поэтому очевидно, что максимум совпадает с минимумом.

Подобные мысли сочетались с идеями, которые кажутся неожиданно современными. Например, Николай Кузанский предполагал, что Земля пребывает в движении и что у Вселенной нет центра, тем самым предвосхищая открытия Коперника и Эйнштейна. Подлежало ли это анафеме, подобно теориям Коперника столетием позже? Совсем нет, так как его идеи основывались на стандартном средневековом представлении о Боге как о бесконечности. Астрономические идеи Кузанского – результат начитанности и глубины мысли, а не наблюдений и экспериментов. Его мышление базировалось на, как он это называл, *docta ignorantia* (лат. – ученое незнание), основанном на представлении о том, что цель знания – постичь, насколько недостаточным является любое учение в ходе поисков Бога. Именно поэтому японцы любят Кузанского и считают его «почетным буддистом». Его теология, изложенная на латыни, представляет собой трансцендентный покров, который может использоваться для бесконечных исследований и обсуждений.

Философия Николая Кузанского напрямую не связана с Гутенбергом, но зато она имела практическое применение в политике. Для Николая, как и для его коллег-теологов, Бог был Бесконечным и Всеобъемлющим Абсолютом, в котором максимум и минимум являлись единым целым. Если Бог, по словам Кузанского, был единством противоположностей, то и его творение должно представлять собой единство. Однако было очевидно, что это не так. Политическое разобщение вызывало у Николая Кузанского отвращение. Всю свою жизнь он был одержим идеей объединения противоположностей, установления единства, которое предзнаменовали еще Древний Рим и империя Карла Великого и которое теперь должно быть реализованным в Германской империи, в папстве и/или во всем христианском мире. Борьба за решение конфликтов между этими элементами стала смыслом его жизни – жизни политика и юриста. В этом отношении Николай Кузанский был весьма приземленным человеком. Он постоянно путешествовал, общался, убеждал, писал – делал все возможное, пытаясь объединить разобщенный христианский мир.

Одним из таких инструментов могло стать и Слово Божье в

печатном виде.

По словам Кузанского, если Бог был единством противоположностей, то и его творение должно представлять собой единство.

* * *

Николай родился в 1401 году, следовательно, они с Гутенбергом были примерно одного возраста. Отец Кузанского не являлся аристократом, тем не менее был весьма состоятельным человеком, владевшим лодочным бизнесом и несколькими домами. Согласно преданию, Николай обучался в школе, основанной в конце XIV века группой мирян – Братством общинной жизни – в Девентере, Нидерланды. Братство состояло из мистиков, посвятивших себя простой общинной жизни и заботе о бедных. Это было «подражанием Христу» (такое название получила книга наиболее известного члена братства – Фомы Кемпийского). Они также поддерживали образование – изготавливали книги, вначале переписывая их вручную, а позже печатая с помощью ксилографии. «Братья пера», как их часто называли, гордились тем, что распространяли Слово «не в устной, но в письменной форме». Мистицизм, образование, письмо и идея о значении воспроизведения информации – таковы были пристрастия, к которым Николай приобщился в юности и которые он сохранял на протяжении всей жизни.

После студенческих лет в Гейдельберге и Падуе, где Николай Кузанский изучал право, математику и астрономию, он вернулся как квалифицированный церковный юрист – специалист по церковному праву в рейнских землях, где в 1427 году стал секретарем архиепископа Трира, а позже, когда распространилась слава о его познаниях в праве, – секретарем папского легата в Германии, кардинала Джордано Орсини. Это было началом его карьеры церковного юриста и государственного деятеля, для поддержки которой он начал собирать так называемые бенефиции, получая право обслуживать приходы при посредничестве уполномоченного священника, а также заведовать их доходами. Формально эта практика противоречила церковному праву, но так как закон мог быть изменен посредством папского распоряжения, «плюрализм», как его называли, стал распространенной аферой среди тех, кто имел влияние и амбиции, но не имел унаследованного имущества. Особо сведущими плюралистами были церковные юристы.

Конец 1420-х годов являлся особо выгодным временем для начала подобной карьеры, так как Церковь и империя были тогда в двойном кризисе.

> Николай Кузанский изучал право, математику и астрономию в Гейдельберге и Падуе, после чего стал квалифицированным церковным юристом.

• Между папой, жаждавшим абсолютной власти, и собором прелатов, который недавно избавился от антипап, спас Церковь от анархии и полагал, что его нынешний протеже, Мартин V, должен относиться к нему с уважением, возникали постоянные разногласия. • В Богемии произошло восстание гуситов, которые находились во всеоружии со времени предательского сожжения их лидера в 1415 году. Богемия быстро становилась горячей точкой. Два вторжения папских войск в эту землю закончились двумя позорными поражениями, последнее из которых состоялось в 1431 году, когда 130-тысячные имперские войска были разбиты фалангами из фермерских повозок, использовавшихся в качестве военных тележек, а представитель папы, кардинал Джулиано Чезарини, был вынужден бежать, спасая свою жизнь.

Одновременно со вторжением имперских войск в Богемию в Базеле открывался очередной собор, одной из целей которого было решение вопроса о гуситском восстании. Папу должен был представлять тот самый кардинал Чезарини, которого немного позже сразили гуситы. В середине февраля 1431 года, за две недели до запланированного открытия собора, папа Мартин V умер. Поскольку в то время для собрания подобных панъевропейских конференций требовалось несколько месяцев, прогресс в этом деле замедлился. Лидеры съезжались с интервалом в несколько недель. К июлю на церемонию открытия собралась лишь дюжина делегатов. Шесть недель спустя впервые после своего бегства появился Чезарини, теперь представляя нового папу, Евгения IV. Поскольку собор должен был продолжаться несколько лет (как оказалось в итоге, целых 18) и установить в Европе длительное перемирие, лидеры позаботились о том, чтобы как-то выделиться. Из Бургундии, Венгрии, Франции, Германии, Италии и Испании съезжались принцы с внушительными свитами. Кастильцы прибыли с 1400 лошадьми и 28 мулами, в сопровождении пажей в серебряных облачениях. После первого публичного заседания, прошедшего в декабре, люди все еще продолжали собираться: епископы, аббаты, приоры и профессора, превращая Базель из захолустья во временную столицу. Спустя еще 18 месяцев, когда наконец прибыл сам

король Сигизмунд, количество делегатов достигло почти 400.

В феврале 1432 года прибыл Николай Кузанский, юрист из Трира. Его официальной целью была подача иска от имени своего нового босса, который после смерти старого архиепископа Трира стал выдвигать претензии на архиепископство. Но у него на уме было кое-что еще.

* * *

На данном этапе существует вероятность – всего лишь вероятность – того, что Николай Кузанский встречался с Гутенбергом. Если это так, то они наверняка обнаружили, что у них много общего. Оба были молодыми людьми из богатых семей, не принадлежавших к дворянству, и обоих раздражала ограничивавшая их классовая структура. Они были родом из одного и того же региона, и Николай несколько раз бывал в Майнце. Он присутствовал на судебном процессе в 1424 году. Возможно, они тогда встречались, эти два 24-летних выпускника университета: церковный юрист, имевший высокие цели, и неугомонный технократ, желавший найти выгодное применение своим навыкам.

> Существует вероятность, что Николай Кузанский встречался с Гутенбергом.

Если они действительно встречались, то затем понадобилось бы какое-то время, чтобы объединить их замыслы. Поэтому, возможно, более поздняя встреча (где-то между 1428 и 1432 годами – после того как Гутенберг покинул Майнц и до того, как Николай прибыл в Базель) дала рождение идее, которая могла возникнуть следующим образом. Николай желал христианского единства; он жил этой мечтой со времен окончания университета. Это единство должно поддерживаться всеми европейскими христианами, повторяющими одни и те же слова, читающими одни и те же тексты, произносящими одни и те же молитвы, поющими одни и те же псалмы; но для этого необходимо единообразие христианских текстов. А что, если Николай Кузанский и Иоганн Гутенберг разделяли идею использования какого-либо, пока никому не известного, способа совершенного копирования текстов?

Время было как раз самое подходящее. Николай, прибывший в Базель для защиты кандидата на должность архиепископа Трира, сможет общаться с людьми, в руках которых находится судьба всей Европы. Согласно достигнутому ими соглашению,

ключом к влиянию должна стать книга.

В течение следующих 300 лет производство книг помогло христианству быстро выйти из тьмы, спустившейся на Европу после падения Рима. Пламя образования, поддерживавшееся на протяжении тысячелетия множеством монастырей, с каждым годом разгоралось все сильнее. Читать религиозные книги стало проще благодаря использованию разных цветов для заглавных букв и разбиению текста на главы. Монахам больше не нужно было громко бормотать во время чтения; теперь люди могли тихо читать сами. С развитием торговых связей и ростом городов образование вышло за стены монастырей, и теперь простые люди начали отправлять своих детей в школу, где те обучались чтению, письму, арифметике и латыни – языку религии, а следовательно, образования. Начиная примерно с 1350 года открываются университеты, которым были необходимы книги. Издания становились более дешевыми, потому что распространялась бумага из измельченного тряпья. В конторах торговцев и в городском управлении работали писцы, а у них были помощники, и все они нуждались в образовании. Учителям, в свою очередь, требовались книги. Таким образом, получался замкнутый круг. Один итальянский предприниматель, Франческо ди Марко Датини из Прато, оставил после своей смерти в 1410 году 140 тысяч писем. Люди, особенно итальянцы, жившие в богатых торговых городах-государствах, уже тогда знали, что происходит своеобразное брожение умов. Ренессанс – один из немногих исторических периодов, который по максимуму реализовал себя без оглядки на прошлое.

Производство книг помогло христианству быстро выйти из тьмы, спустившейся на Европу после падения Рима.

Николай Кузанский, мультикультурный человек эпохи Возрождения из Германии, играл в этом процессе важную роль, причем не только в философии. В 1429 году он привез в Рим рукописи, содержавшие 12 пьес римского комедиографа Плавта, которые после публикации (13 изданий до 1500 года) оказали определенное влияние на европейскую комедию. Николас Юдолл, автор первой английской комедии «Ральф Ройстер Дойстер» (*Ralph Roister Doister,* 1552), многим обязан комедии Плавта «Хвастливый воин» и Николаю Кузанскому, заново ее открывшему. То же самое касается Шекспира («Укрощение строптивой»), Мольера («Скупой») и многих других, даже современного французского драматурга Жана Жироду, который в своем «Амфитрионе-38» (1929) возвращается к теме

«Амфитриона» Плавта.

Люди стали больше писать и читать на своем родном языке. В Германии в начале XV века, во времена юности Гутенберга, массово записывали на родном языке то, что раньше передавалось в устной форме: инструкции, стихи, истории и легенды. Скрипторий – подобный тому, которым владел Дибольд Лаубер в Агно, расположенном в 25 километрах к северу от резиденции Гутенберга в предместье Страсбурга, – был неплохим бизнесом. Там работали писцы, иллюстраторы и переплетчики, изготавливающие книги на заказ для дворян и накапливавшие готовую продукцию. Богатые люди приобретали библиотеки (в то время еще не было публичных библиотек – первая из них открылась во Флоренции в 1441 году).

> С развитием торговых связей и ростом городов образование вышло за стены монастырей.

Развитие техники позволило улучшить качество и расширить ассортимент книг. После 1300 года распространилось ксилографическое печатание отдельных листов, а еще через 100 лет появились оттиски с гравировальной доски. Ксилографы должны были уметь изготавливать зеркальные изображения текста и иллюстраций, чтобы после печати они имели правильный вид. Люди начали украшать стены своих домов гравюрами с изображениями святых. Те, кто были побогаче, хотели, чтобы священники проводили службы в их частных владениях, поэтому церковники нуждались в книгах, которые можно было бы носить с собой в сумке. Вместе с тем зажиточные люди требовали, чтобы книги были красиво оформлены, поэтому писцы превращались в художников, создававших великолепные молитвенники, известные как книги часов, которые устанавливали новые стандарты качества.

Тот, кто желал оказывать влияние на церковные дела, должен был иметь в своем распоряжении требники, индульгенции, Библии, молитвенники, псалтыри и учебники латинской грамматики, от которых зависели церкви, монастыри и школы. С этим, разумеется, могли помочь писцы, но за неделю человек с трудом мог скопировать чуть более двух страниц, плотно заполненных текстом (двум писцам понадобилось пять лет – с 1453 по 1458 год, – чтобы переписать 1272-страничный комментарий к Библии). Что же будет в будущем, когда Европа снова объединится, – можно ли будет удовлетворить Бога, империю и Церковь? Вряд ли. К тому же писцы допускали ошибки (число которых увеличивалось при каждом копировании), искажая истину. Будущее могло быть за ксилографией, а не за

ручным копированием, но ксилографические деревянные блоки изготовить сложнее, чем писать от руки. Кроме того, они изнашиваются и ломаются, и тогда нужно делать новые. Оттиски с гравировальной доски – дело еще более трудоемкое. Поэтому нужен был метод, позволявший изготавливать целые страницы из металла, чтобы затем напечатать тысячи книг без ошибок.

> Развитие техники позволило улучшить качество и расширить ассортимент книг.

Позже, как известно, Гутенбергу пришла в голову идея напечатать Библию. Но вначале он не думал о такой масштабной операции. Существовала другая работа, которая, в случае ее издания, имела бы не меньшую важность и была бы более практичной благодаря небольшому объему.

Лучше всех справиться с задачей объединения христианского мира могла унифицированная церковная служба. Суть противоречий между восточной и западной империями, между Константинополем и Римом, сводилась в основном ко взгляду на сущность Троицы – Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. В православной традиции, начиная с VI века, Святой Дух происходил от Отца через Сына. В римской традиции Дух происходил от Отца и Сына – эта фраза была включена в Символ веры в 1020 году. После его возникновения это различие уже нельзя было устранить. Споры, конечно, касались не только этого, но также власти, влияния и денег, однако слова «и Сына» являлись официальной причиной разногласий между двумя частями христианского мира.

Учитывая последствия вариаций форм богослужений, лидеры Церкви хорошо понимали потребность в единообразии, в частности центрального акта богослужения – мессы. Этот ритуал должен быть одинаковым во всем христианском мире или хотя бы в Европе, чтобы каждый делал одно и то же и слышал одни и те же слова – одни и те же слова на латыни, языке имперской власти, без всякого перевода. В каждой церкви должен быть миссал, чтобы при проведении мессы читались только правильные слова и совершались только правильные действия.

> Писцы допускали ошибки, искажая истину. Будущее могло быть за ксилографией, но деревянные блоки изготовить сложнее, чем писать от руки.

Но существовала проблема ошибок, как случайных, так и намеренных, аналогичных тем, которые лежали в основе событий в Богемии. Местные правители отдавали предпочтение своим

собственным писцам и местным вариантам текстов. А если бы никто не отклонялся от стандарта, разве не стала бы жизнь в мире более счастливой? А какой рынок! В одном лишь Майнце было 350 мужских и женских монастырей. Эта мысль могла активизировать молодые амбициозные деловые умы.

* * *

Никто не знает, чем занимался Гутенберг, когда Николай был в Базеле. Возможно, они находились там вместе, как предполагает один из биографов Гутенберга, Альберт Капр. Если это так, то Гутенберг должен был с интересом следить за успехами Николая.

Николай Кузанский проиграл дело своего босса, в первую очередь из-за того, что папа поддерживал другого кандидата. Примкнув в антипапскому лагерю, он превратился в главного юрисконсульта собора, изложив антипапскую позицию его участников в своей смелой книге «О католической гармонии» (*De Concordantia Catholica*), где он утверждал, что общество должно быть основано на порядке, при котором части подчиняются целому, причем целое в данном случае представляет собой сочетание Церкви и империи, папы и императора, которых объединяет собор. Николай Кузанский пришел к такому заключению после того, как Констанцский собор положил конец Великой схизме, сместив с должности трех пап и назначив четвертого. Если это было правильным решением (а никто не выдвигал против него серьезных возражений), значит, истинный дух Церкви представлял не папа, а собор, и если папа оказывался вероломным, то собор имел право сделать ему замечание, в крайнем случае сместить с должности. Николай представил свою книгу собору в ноябре 1433 года – удачный выбор времени, учитывая, что король Сигизмунд как раз прибыл туда, реализовав свою давнюю мечту стать главой Священной Римской империи.

> Николай Кузанский считал, что общество должно быть основано на порядке, при котором части подчиняются целому, причем целое – это Церковь и империя, папа и император, которых объединяет собор.

Доводы Николая Кузанского основаны на доктрине, которая кажется на удивление современной, словно он предрекал демократию. Он пишет, что власть должна быть результатом согласия тех, кто под ней пребывает. По сути, эта мысль была не нова – она имела прочные корни в древнеримском и

средневековом праве – и у нее не было ничего общего с той демократией, которая известна нам сегодня. Это согласие не было основано на голосовании; оно было выражено неявно, как следствие естественного и Божественного законов. Согласно подобным доводам, так как все люди желали добра, они автоматически соглашались подчиниться лидеру, который его творил. При решении церковных вопросов согласие давали кардиналы от имени всех остальных. Николай суммирует этот принцип в своей известной фразе, которую мог бы использовать какой-нибудь революционный теоретик XVIII века: «То, что касается всех, должно быть подтверждено всеми» (*Quod omnes tangit debet ab omnibus approbari*).

В теории все выглядит хорошо. На практике на Базельском соборе почти с самого начала царили разногласия. Новый папа, Евгений IV, хотел уничтожить гуситов и не желал тратить время на собор, который отказывался выполнять его волю. Он распустил этот собор, несмотря на то что тот начал набирать обороты, и назначил новый на итальянской земле, в Болонье. Руководствуясь доводами Николая, собор отказался самораспуститься, провозгласил, что он выше папы, и в феврале 1433 года фактически пригрозил сместить его с должности, если тот не подчинится. Евгений уступил и отозвал роспуск, что стало победой собора – во многом благодаря Николаю.

> Николай Кузанский пишет, что власть должна быть результатом согласия тех, кто под ней пребывает.

Тем временем собор подошел к вопросу о гуситах. Было принято решение о переговорах. Два гуситских генерала – Прокоп Великий и Ян Рокицана – прибыли в начале 1433 года с 15 офицерами и свитой, состоявшей из 300 человек. И опять Николай взял дело под свой контроль, предложив двум сторонам решение. Разногласия, как вы помните, возникли из-за того, что, по мнению гуситов, таинство причастия должно совершаться с хлебом и вином, тогда как Рим утверждал, что можно обойтись одним лишь хлебом. Что же, сказал Николай, вы можете иметь «два вида» причастия, но при условии, что: а) использующие один вид не будут считаться менее святыми, чем использующие другой вид; б) это положение не должно выступать в качестве аргумента для нарушения единства Церкви. Данное предложение стало основой соглашения, подписанного с умеренными гуситами в следующем году в Праге. Экстремисты отказались принять соглашение, что привело к гражданской войне, но, по сути, к началу 1434 года для Рима и империи богемско-гуситско-утраквистская проблема была решена – опять-таки во многом

благодаря Николаю.

> По мнению гуситов, таинство причастия должно совершаться с хлебом и вином, тогда как Рим утверждал, что можно обойтись одним лишь хлебом.

Наконец, Кузанский обратился к вопросу, который сочетал в себе математику, практичность и религиозные обряды, – к календарю. Он был необходим Церкви для определения даты Пасхи. За 1000 лет до этого Никейский собор, заложивший основные правила христианской обрядности, постановил, что Пасха должна отмечаться в первое воскресенье после полнолуния, следующего за весенним равноденствием. Но календарь того времени содержал две ошибки. Го д (365,25 дня) был на 11 минут и 8 секунд длиннее, что за 1000 лет составило семь дней; поэтому подсчеты лунного цикла тоже были неточными. Философ и ученый Роджер Бэкон указал на упомянутые ошибки за 70 лет до данного собора, но тогда это посчитали слишком сложной проблемой и папские власти проигнорировали его замечание. В своей книге «Об исправлении календаря» (*De Reparatione Calendarii*), представленной собору в 1437 году, Николай Кузанский со знанием дела рассмотрел факты и предложил единственно возможное решение: принять новый лунный цикл, выбросив из календаря неделю – он предложил перенести день Троицы, так как дата этого праздника каждый раз менялась, – и затем, для более точного регулирования, раз в 304 года отменять високосный год. Для этого нужно было достичь согласия не только с греками в Константинополе, исповедовавшими ту же религию, но и с евреями, которым пришлось бы пересмотреть все финансовые соглашения. Это явилось бы началом новой эры, увековечившей собор. Но ничего подобного не произошло. Вопрос был слишком спорным, особенно учитывая тогдашнее положение Церкви. Реформу осуществили лишь 80 лет спустя, когда несоответствия сочли наконец слишком неудобными. Папа Григорий XIII ввел григорианский календарь (как он известен нам теперь), руководствуясь соображениями, предложенными Николаем Кузанским.

В политической и литературной деятельности Николая в начале 1430-х годов доминировала тема христианского единства. Но его заботило еще одно – собственная карьера. Подобно многим другим амбициозным бюрократам, он был предан высоким идеалам отчасти из-за того, что они приближали его к верхушке власти. Но этого ему было недостаточно. Подумайте о происхождении Николая Кузанского и о том, где он находился в 1436 году. Сын богатой, но не дворянской семьи; со светлым

умом и высокой целью, которая привела его к Церкви, но далее – стеклянный потолок, так как происхождение не позволяло ему даже надеяться на то, чтобы подняться к вершинам церковной власти, где правил узкий круг немецких аристократов.

> Папа Григорий XIII ввел григорианский календарь, руководствуясь соображениями, предложенными Николаем Кузанским.

По этой причине Николай Кузанский, ранее защищавший собор, перешел на другую сторону. Это следует из письма, которое он написал в 1442 году кастильскому делегату Родриго Санчесу де Аревало, где Николай утверждает, что истинный символ единства Церкви – папа, а не собор; папа, который был *Sacer Princeps* (лат. – Священным Главой). Он вообще не упоминает о каком-либо соборе, представляющем Церковь. Чем же вызвана эта перемена?

Причин было несколько. Во-первых, у Евгения IV была более масштабная идея, чем что-либо из того, что мог предложить Базельский собор или король Сигизмунд. Его идея состояла в воссоединении восточной и западной Церкви, и с этой целью он выслал приглашение лидерам Православной церкви в Константинополь. Такая же мечта за 400 лет до этого побудила германского короля Оттона I женить своего сына, Оттона II, на византийской принцессе и вдохновила уже их сына, Оттона III, на то, чтобы провозгласить себя главой новой Римской империи и назначить свадьбу с византийской принцессой. Но тогда это ни к чему не привело, потому что Оттон III умер в молодом возрасте и принцесса Зоя вернулась домой незамужней. Теперь, вероятно, мечта должна осуществиться, и сделает это итальянец. Именно об этом думал Евгений, когда в сентябре 1437 года приказал перенести собор в Феррару, что в долине реки По, куда константинопольской делегации добраться было бы проще, чем в трансальпийский Базель.

> Недворянское происхождение не позволяло Николаю Кузанскому подняться к вершинам церковной власти, доступным узкому кругу немецких аристократов.

Папе, который недавно был унижен собором, было непросто реализовать свою идею, но за последние три года настроения изменились. Лидеры начали уезжать, и на соборе царил беспорядок – выдвигались предложения реформ, которые опровергались или поддерживались непристойными криками. Как утверждает Джоахим Стибер, профессор истории из колледжа

Смит, штат Массачусетс, Николаю, очевидно, пришла в голову мысль о том, что если различные мероприятия, предложенные собором в 1433—1436 годах, будут осуществлены, то папство превратится в конституционную монархию, что вряд ли будет выгодным наместнику Бога.

Кроме того, существовало два вопроса, которые затрагивали Кузанского лично. Во-первых, среди предложенных реформ была отмена права папы выдавать бенефиции. Поскольку у Николая было несколько бенефиций, которые зависели от одобрения папы, продолжать поддерживать собор означало лишить себя источника дохода. Во-вторых, существовала проблема его недворянского происхождения. Аристократические лидеры Немецкой церкви никогда не назначили бы его епископом. У Николая Кузанского оставался только один путь – каким-либо образом обойти тех, кто выше его. Для этого ему нужна была папская поддержка. Встав на сторону пропапского меньшинства, которое поддерживало предложение перенести собор в Италию, он помог создать документ, на котором каким-то образом оказалась печать, представлявшая собор в целом. Поскольку непонятно, как Николай это осуществил, многие ученые считают печать поддельной.

С того момента Николай Кузанский стал одним из самых ярых сторонников папы, Геркулесом Лагеря Евгения, как его называл друг, известный ученый и будущий папа Энеа Сильвио Пикколомини.

> Кузанскому необходимо было обойти тех, кто выше его. Для этого ему нужна была папская поддержка.

* * *

Теперь у Николая был необходимый трамплин. Ведь именно он подсказал Евгению спорное решение о назначении следующего собора в Ферраре и об отправке приглашения грекам. Именно он был избран для доставки приглашения византийскому императору и патриарху в Константинополь и сопровождения греческих трирем с епископами, монахами, прелатами, прокураторами, архимандритами и учеными (в общей сложности 700 человек) в Италию. Этой огромной делегации понадобилось четыре месяца, чтобы преодолеть 2250 километров пути в Венецию, где под салюты артиллерии и трубные фанфары их встретил дож с облаченными в багряные шелка венецианскими сенаторами.

В течение следующих шести лет обе стороны со своими большими свитами перемещались из Феррары во Флоренцию, а оттуда – в Рим, чтобы спастись от чумы и разбойников, ведя споры о том, какие слова могут сгладить их старые разногласия. В конце концов греки пожали плечами, признали верховенство папы и согласились с тем, что римляне были правы в вопросе о Святом Духе; они согласились признать единство двух религий и отправились домой…

И сразу же отреклись от всех своих слов. Абсолютно ничего не изменилось.

Но Ферраро-Флорентийский собор определенно помог Евгению и Николаю. Те, кто остался в Базеле, протестовали. Они объявили о смещении Евгения с должности и назначили еще одного антипапу. Однако Евгению было не о чем беспокоиться. У старого собора, подорванного разногласиями и лишившегося многих своих участников из-за вновь разыгравшейся чумы, не было сил продолжать борьбу; немецкие принцы решили не вмешиваться. Николай отстаивал позицию папы во многих городах Италии и Германии, и в конце концов Фридрих III поспособствовал смещению с должности назначенного собором антипапы и заявил, что снова поддерживает Евгения.

> Николай Кузанский стал одним из самых ярых сторонников папы Евгения.

Евгений выразил благодарность своему Геркулесу. Перед самой смертью в 1447 году он вознаградил Николая, посвятив его в сан кардинала; это была тайная церемония, которую одобрил преемник Евгения. Николай Кузанский избавился от проблем, связанных с его недворянским происхождением, и от препятствий, создававшихся аристократическими канона ми и епископами, преграждавшими ему путь. Он вежливо показал нос многим из них. «Кардинал, – писал он возвышенно, говоря о себе в третьем лице, – приказал записать это к славе Господней, чтобы все знали, что для святой Римской церкви не имеет значения ни место рождения, ни происхождение и что она щедро вознаграждает за добродетельные и отважные поступки».

Это был своего рода апофеоз, оправдавший выбор, сделанный им 13 лет назад, и ничто в мире не могло сравниться со столь радостным чувством достижения успеха. Вскоре после этого новый папа, Николай V, назначил Николая Кузанского епископом Бриксена (теперь – Брессаноне) в Тироле. Это было спорное решение, так как немецкие епископы должны были сами выбирать себе преемников и в любом случае нужно было советоваться с немецким королем. Однако, учитывая то, что Николая

поддерживал реабилитированный папа и что Кузанский был немцем, немецкие прелаты и принцы проглотили обиду, но не забыли ее. Остаток жизни Николая Кузанского (до смерти в 1464 году) прошел в политической борьбе с людьми, в класс которых он попал с таким трудом.

Евгений перед самой смертью в 1447 году вознаградил Николая, посвятив его в сан кардинала.

* * *

Тем временем потребность в стандартизированном миссале возрастала. Судя по всему, инициатором идеи выступил Иоганн Дедерот, аббат-бенедиктинец из Бурсфельда, что на реке Везер. Его цель, как он сказал в Базеле, – избавить Церковь от злоупотреблений и централизовать власть. А для этих реформ требовался новый миссал, «ординарий», как называл его Дидерот. Дело Дедерота продолжил его преемник, Иоганн Хаген, основавший в 1446 году союз шести монастырей, Бурсфельдскую конгрегацию, объединившую 88 аббатств и монастырей на севере и западе Германии, включая монастырь Святого Иакова в Майнце (он был расположен за пределами города, к югу, где сейчас находится южная железнодорожная станция). Поскольку Базельский собор приближался к своему бесчестному концу, а борьба между собором и папой закончилась в пользу последнего, Хаген заручился поддержкой нового папы, Николая V. В декабре 1448 года папа отправил испанского кардинала Хуана де Карвахала в Майнц для одобрения нового ординария Хагена.

И кто должен был приехать вместе с де Карвахалом, как не его друг и коллега кардинал Николай Кузанский, который, вероятно, был бы рад узнать, что способ напечатать новый миссал был найден благодаря счастливому, я бы сказал, удивительному совпадению – возвращению Иоганна Гутенберга в Майнц в том же году.

Потребность в стандартизированном миссале возрастала.

Глава 4
Идеи, витающие в воздухе

Учитывая то обстоятельство, что составные части изобретения Гутенберга существовали на протяжении многих столетий, кажется странным, что книгопечатание подвижными литерами не появилось раньше где-нибудь в другом месте. На самом деле оно появилось, но без существенных элементов, добавленных Гутенбергом и позволивших сделать настоящую революцию.

В некотором смысле книгопечатание – такое же древнее, как и письменность, потому что процесс письма представляет собой своего рода книгопечатание. Вы сначала представляете себе символ и затем копируете его с помощью пера, чернил и бумаги. Аналогичный принцип лежит и в основе печатания. Набор букв запечатлен в клавишах или электромагнитных схемах, и вы воспроизводите их, используя шаблоны. Идея настолько очевидна, что люди пришли к ней достаточно рано, как это показывает загадочный предмет, известный как Фестский диск. Этот глиняный диск диаметром 15 сантиметров, обнаруженный на Крите в 1908 году, был создан примерно в 1700 году до нашей эры. Его 241 рисунок, так и оставшийся нерасшифрованным, был запечатлен в глине с помощью металлических печатей. В Древнем Египте писцы применяли деревянные блоки для отпечатывания наиболее распространенных иероглифов на керамике, но ни одна из культур не использовала печати для записи длинных посланий на папирусе, наверное, из-за того, что для этого требовалось слишком много знаков. Проще было написать текст вручную.

> Книгопечатание подвижными литерами появилось до Гутенберга, но лишь существенные элементы, добавленные им, позволили сделать настоящую революцию.

Лишь многими веками позже подобный тип книгопечатания появился на противоположном конце Евразии. Для книгопечатания необходима бумага, изобретенная, согласно китайской легенде, в 105 году императорским советником Цай Лунем, которому, как повествует официальная история, датируемая V веком, «пришла в голову идея изготавливать бумагу из коры деревьев, пеньки, тряпья и рыболовных сетей». Рядом с домом советника находился небольшой пруд, в котором Цай Лунь

смешал материалы с водой и оставил получившуюся массу сохнуть на рыболовных сетях. Пять веков спустя буддийские монахи принесли тайну изготовления бумаги в Корею и Японию, а в VIII веке благодаря китайцам, захваченным в плен в Самарканде, это искусство попало в исламский мир, и, наконец, в XII веке – в Испанию, которая тогда находилась под контролем арабов. Эта бумага, созданная для китайской каллиграфии, была тонкой, мягкой, гибкой, гигроскопичной и напоминала скорее туалетную бумагу, чем бумагу для печатания. Ее можно было использовать лишь с одной стороны, поскольку с обратной проступали надписи. Европейцы посчитали этот материал слишком мягким для их писчих перьев и для повышения твердости начали добавлять в его состав клей животного происхождения, в результате чего получилась прочная непроницаемая поверхность, пригодная для письма и печатания с обеих сторон.

Идея о том, что отдельные изображения, знаки и буквы могут быть запечатлены на бумаге с помощью печати, впервые возникла, скорее всего, в V веке. В VIII веке у китайцев, японцев и корейцев было широко распространено печатание целых книг с использованием деревянных или каменных блоков с вырезанными на них изображениями, что привело к некоторым удивительным событиям. Так, около 770 года японская императрица Шотоку положила конец 8-летней гражданской войне, приказав изготовить миллион печатных молитв, которые должны быть свернуты и вставлены в маленькие пагоды размером с шахматную фигуру. В течение шести лет их изготовлением занималось 157 человек. А в Китае в X веке был напечатан целый буддийский канон из 130 тысяч страниц. Тяжелый труд по вырезанию десятков тысяч страниц, а также печати с отдельными символами привели к следующему шагу – книгопечатанию подвижными литерами.

> Согласно китайской легенде, бумагу изобрел императорский советник Цай Лунь в 105 году.

Это изобретение приписывают некоему Би Шэну, жившему в XI веке. Идея Би Шэна заключалась в следующем: символы вырезались на мокрой глине (в зеркальном виде) и высушивались. Затем он брал нужные символы, вставлял их в рамку, смачивал чернилами и отпечатывал на ткани или бумаге. Возможно, это было не слишком эффективно, поскольку символы, нарисованные на мокрой глине, вряд ли соответствовали высоким стандартам китайской каллиграфии, тем не менее вскоре данный принцип был усовершенствован: каллиграфы рисовали

зеркальные буквы на мягкой бумаге, затем она приклеивалась к деревянным блокам, на которых должны быть вырезаны символы. Далее этот принцип был расширен до изготовления металлических литер: с помощью деревянных блоков делали оттиск на песке, который использовался в качестве литейной формы для бронзы, меди, олова, железа и свинца. В результате получался набор тонких литер; их можно было вставить в форму, с которой затем делали отпечаток. Но, вероятно, ни один механизм не мог справиться с десятками тысяч символов, пока в прошлом веке не появились сложные прессы.

Вероятно, благодаря тому что адаптированный вариант китайского письма содержит меньшее количество символов, корейцы переняли идею использования данной техники и стали первым народом, применившим подвижные металлические литеры, в 1234 году напечатав 50 томов «Обязательных ритуальных текстов прошлого и настоящего». Этот метод применялся, но не был революционным по причине своей чрезмерной трудоемкости. Необходимость найти нужный символ среди более чем 40 тысяч, а затем сделать отпечаток не позволяла ускорить работу. Единственное преимущество данного способа – единообразие, но этого было недостаточно, чтобы заменить традиционную каллиграфию.

Книгопечатание подвижными литерами приписывают некоему Би Шэну, жившему в XI веке.

Основная проблема заключалась в отсутствии системы письменности, которую можно было приспособить к механическому применению. Китайцы, а также японцы и корейцы, заимствовавшие китайскую письменность, не могли изобрести пресс, подобный тому, который создал Гутенберг, потому что их система письменности была слишком сложной.

* * *

Тем не менее Гутенберга могли опередить. Как ни удивительно, но сделать это были способны пресловутые разрушители цивилизаций – монголы. Чингисхан начал завоевание Китая в 1210 году, а его наследники завершили эту миссию 70 годами позже. За это время монголы создали величайшую империю за всю историю, соединив побережье Тихого океана с Восточной Европой с помощью на удивление эффективной конной курьерской системы и купцов, которые благодаря монгольскому покровительству могли без проблем

путешествовать по Великому шелковому пути.

На достаточно ранней стадии экспансии монголы заимствовали два важных элемента, которые могли способствовать развитию книгопечатания.

• От китайцев они переняли ксилографию и бумажные деньги, которые использовались в Китае начиная с X века. Первые монгольские банкноты появились в 1236 году благодаря системе, разработанной внуком Чингисхана, Хубилаем. Марко Поло описал эту систему следующим образом: «Он приказывает им брать кору определенного дерева, шелковицы, листьями которой питается тутовый шелкопряд, – этих деревьев так много, что в некоторых местностях только они и растут. Они берут тонкий белый луб, или подкорье, находящееся между древесиной и толстой внешней корой, и из него изготавливают нечто напоминающее бумажные листы, только черного цвета. Затем эти листы разрезают на части различных размеров». Так создавались деньги, которыми пользовались народы от Кореи до Индии.

• Около 1204 года у одного из подчиненных народов – уйгуров – монголы заимствовали письменность, существенно отличающуюся от китайской, – алфавитную систему.

Таким образом, монголы невольно принимали участие в процессе, начавшемся за 3400 лет до этого, когда древнеегипетское сообщество иммигрантов из Ближнего Востока впервые начало упрощать систему иероглифов и пришло к революционному открытию – алфавиту. Гениальность алфавита (необязательно латинского, а любого), принципа, лежащего в его основе, состоит в том, что в нем используется определенное количество символов – обычно от 25 до 40 – для представления полного диапазона лингвистических звуков (а также, например, беззвучное накопление сил, позволяющих получить небольшое придыхание, в частности перед произнесением латинской буквы *p*). Удивительная эффективность алфавита заключается не в прямом соответствии звуков и символов, как иногда утверждается, а в его совершенности, гибкости, возможности записывать любую речь с помощью простого приспособления – одних и тех же знаков. Подобно языку, алфавит настолько легко запечатлевается в уме ребенка, что вскоре его использование становится автоматическим, подсознательным, не требующим анализа. Поэтому, когда взрослый человек пишет, он думает об использовании алфавита не больше, чем о грамматике во время устной речи.

> Эффективность алфавита заключается в совершенности и гибкости, в возможности записывать любую речь с помощью одних и тех же знаков.

Благодаря сочетанию универсальности и простоты алфавит обладает существенным преимуществом по сравнению с другими системами письменности, предшествовавшими ему или развивавшимися параллельно с ним, такими как месопотамская клинопись, египетские и китайские иероглифы. В этих системах записывались не буквы, а слоги, которых в каждом языке существует несколько тысяч: в этом и заключается сложность. Несмотря на то что слоговые системы потенциально обладали не меньшей эффективностью для передачи информации, чем алфавитная система, они представляли собой сложный интеллектуальный продукт, изобретенный элитой – жрецами и бюрократами, у которых было время на обучение и которые были заинтересованы в сохранении сложности. Кого-то может удивить тот факт, что символы китайского языка обозначают слоги, а не слова, как многие считают. Если бы этот язык являлся исключительно идеографическим, то есть если бы каждый символ обозначал отдельное слово, его было бы невозможно использовать, так как мозг просто не в состоянии уместить десятки тысяч различных начертаний символов, и, даже если бы китайцы обладали сверхчеловеческими способностями, они бы не могли обозначить иностранные слова или новые термины. Но это не отменяет того факта, что китайская система, как и другие древние слоговые системы, является обременительной – красивой, эффективной, не препятствующей литературному творчеству, но все равно довольно обременительной.

> Благодаря сочетанию универсальности и простоты алфавит обладает существенным преимуществом по сравнению с другими системами письменности.

По сравнению с ней алфавит – любой алфавит – это настоящая находка, потому что его простота каждому позволяет научиться читать и писать. Тем не менее достать материалы для письма: обожженную глину, каменные плиты, латунь, медь, бронзу, свинец, керамику, шкуры животных, папирус – было непросто. Но, по крайней мере, благодаря алфавиту обычные люди имели возможность общаться в письменной форме, используя такие простые материалы, как папирус, воск и глиняные таблички. Таким образом это изобретение распространилось из Египта по всему Ближнему Востоку. Согласно скудным свидетельствам, первыми финикийскую

алфавитную письменность заимствовали греческие купцы и ремесленники, а не писцы и поэты, чья работа впоследствии способствовала распространению образования в Западной Европе.

* * *

На востоке алфавит претерпел множество различных преобразований. Семитская ветвь алфавитной системы была заимствована согдийцами, проживавшими на территории современного Узбекистана, чья письменность в течение столетий превратилась в среднеазиатскую лингва-франка или, скорее, *scriptum francum*. Именно эту письменность переняли и адаптировали бюрократы Чингисхана. Более поздняя ее версия использовалась в Монголии до 1945 года и все еще применяется в китайской провинции Внутренняя Монголия.

После первого вторжения монголов в Корею в 1231 году (которое стало началом мирового завоевания, продолжавшегося 20 лет) среди захваченных ими сокровищ вполне могли быть книги, напечатанные с использованием подвижных металлических литер. Таким образом, в середине XIII века в их распоряжении было три важнейших элемента, необходимых для изобретения книгопечатания в западном стиле: бумага, подвижные металлические литеры и алфавитная система. И они как наследники китайской культуры обладали техническими способностями, сумев быстро перенять разрушительное изобретение китайцев – порох, использовавшийся для вторжения в те города, в которые без него им было не попасть.

> В середине XIII века в распоряжении монголов было три важнейших элемента для изобретения книгопечатания в западном стиле: бумага, подвижные металлические литеры и алфавитная система.

Тем не менее монголы так и не сумели воспользоваться существовавшими возможностями. Им мешали не технические, а социальные факторы. В Монголии была нехватка письменной литературы, и единственная цель заимствования уйгурской письменности – ведение записей для управления расширяющейся империей. Хотя Чингисхан и решил отказаться от сложной письменности своего главного врага – китайцев, – китайские традиции показали единственный доступный пример того, как и для кого должны вестись записи: писцами для лидеров. Для книгопечатания не существовало рынка, у лидеров не возникало необходимости донести что-либо до своих подчиненных, и не

было потребности вкладывать деньги в новый вид производства. Потенциал, который, по мнению современных историков, существовал в культуре наследников Чингисхана, так и не продемонстрировал никаких намеков на дальнейший прогресс.

> Монголы так и не сумели воспользоваться возможностями книгопечатания.

* * *

Следующий важный шаг сделала Корея – благодаря гению императора Седжона, который был практически современником Гутенберга. К этому Седжона подтолкнуло несоответствие культуры его общества и культуры Большого брата Кореи – Китая. Корея, подобно Японии, много заимствовала из китайской культуры, в том числе письменность. Но эта письменность не очень хорошо подходила к языку. В 1418 году – когда Гутенберг лишь начинал свое обучение в университете – 22-летний Седжон, представлявший собой редкое сочетание проницательности, преданности, амбициозности и альтруизма, вступил на трон. Посоветовавшись с собственным исследовательским институтом – Палатой Достойных, он реформировал календарь, издал указы по изучению истории, разработал программы обучения для переводчиков и опубликовал результаты, используя последние технологии. Из 308 книг, изданных за время его 32-летнего правления, почти половина была напечатана с использованием подвижных литер.

Седжон также сделал еще один неоспоримый шаг вперед. Недовольный сложностью старой системы письменности, основанной на китайском письме, и ее несоответствием корейскому языку, он решил разработать новую систему и приказал ученым изучить все возможные решения. Специалисты нашли два варианта: уйгурское письмо, которое применяли для записи отлично знакомого корейцам языка – монгольского; и письменность, разработанную тибетским монахом Пагпа для записи различных языков Монгольской империи, в том числе китайского. Это письмо тоже было алфавитным.

Итак, Седжон приступил к делу и разработал собственный алфавит для корейского языка. Результат опубликовали в 1443—1444 годах (примерно в то же время Гутенберг работал над своими загадочными «авантюрой и искусством» в Страсбурге). Алфавит Седжона считался и до сих пор считается выдающимся творением. Как он сам писал во введении к «Правильным звукам

для обучения народа», «среди необразованных людей были многие, которым было что сказать, но они не могли выразить свои чувства. Я опечалился этим и разработал новую письменность из 28 букв. Я хочу, чтоб каждый мог с легкостью ею пользоваться». Для освоения китайского письма требовались годы, но хангыль (кор. – великая письменность), как стало называться это письмо, «мудрый мог выучить до того, как закончится утро… С его помощью можно записать все – даже звук ветра, крик журавля и лай собаки».

> Император Седжон приступил к делу и разработал собственный алфавит для корейского языка.

Тем не менее никакой революции не последовало. Хангыль использовался в нескольких проектах Седжона и в буддийской литературе, но не распространился по стране, потому что корейская элита боялась потерять китайскую письменность – неотъемлемую часть ее элитарности. Даже несомненно выдающегося изобретения самого императора было недостаточно для того, чтобы преодолеть консерватизм и привести к техническим и социальным изменениям. Лишь после 1945 года хангыль начал медленно получать признание – сначала в коммунистической Северной Корее, а затем, в 1990-х годах, в Южной Корее, где Седжон стал национальным кумиром.

* * *

Контакты между Востоком и Западом навели некоторых исследователей на мысль о том, что события в Азии могли каким-то образом повлиять на развитие книгопечатания в Европе. Имевшиеся связи были достаточно развитыми для того, чтобы идея могла распространиться среди разных культур и континентов. Несторианские миссионеры – последователи жившего в V веке еретика Нестория, отказывавшегося называть Деву Марию Богородицей, – вели свою деятельность в Северной Монголии еще до времен Чингисхана; некоторые монахи контактировали с монголами (например, два монаха, совершивших путешествие в Монголию в середине XIII века); к тому же торговые пути простирались через всю Среднюю Азию. Кроме Марко Поло еще несколько путешественников сообщали об использовании в Монгольской империи китайских бумажных денег. Но, очевидно, никто из них не посчитал ксилографию чем-то выдающимся – так или иначе, подобные вещи делались и в Европе – и никто не сообщал о книгопечатании подвижными

деревянными или керамическими литерами. На Западе даже не упоминали об использовании подвижных металлических литер в Корее. К тому времени как Седжон изобрел свой алфавит, даже если бы кто-нибудь из европейцев обратил на это внимание, было бы уже слишком поздно для того, чтобы что-либо изменить.

> События в Азии могли каким-то образом повлиять на развитие книгопечатания в Европе.

Таким образом, восточные культуры обладали предпосылками, которые теоретически могли способствовать изобретению книгопечатания. Однако за описанными выше положительными моментами скрываются некоторые недостатки и отсутствие элементов, необходимых для изобретения, сделанного Гутенбергом:

• слишком сложные системы письменности: для книгопечатания нужна алфавитная основа;
• консервативность укоренившихся систем письма: никто не был заинтересован в переменах, даже если их инициатор – сам император;
• неподходящее качество бумаги: китайская бумага подходила только для каллиграфии и ксилографии;
• отсутствие на Востоке винтовых прессов, так как там не пили вина, не выращивали маслин и использовали другие методы высушивания бумаги;
• большие затраты на книгопечатание: ни в Китае, ни в Корее, ни в Японии не существовало системы, которая могла бы выделить деньги на исследования и разработку.

Вместе с тем в 1440 году в каждом большом европейском городе были все элементы, необходимые для изобретения Гутенберга, в связи с чем может возникнуть вопрос: почему же в таком случае аналогичная идея не пришла в голову кому-нибудь другому? В действительности кое-кто очень близко подошел к подобной идее.

* * *

Это произошло, или почти произошло, в Авиньоне, городе на юге Франции, где с 1309 по 1377 год располагалась папская резиденция. Фактически Авиньон тогда не был французским городом официально – он принадлежал королю Неаполя и был выкуплен папой в 1348 году; лишь в XVIII веке город

присоединился к Франции. Но папы были французами и находились под контролем Франции. Затем на протяжении 30 лет (в период Великой схизмы) большой укрепленный дворец являлся резиденцией антипап, тогда как папы снова правили в Риме. Авиньон возвышался над Роной, через которую в XII веке был переброшен мост. Его огромные арки скрывали в своей тени танцевавших под мостом гуляк. Три арки, простирающиеся через всю реку, сохранились до наших дней.

В этот центр образования и торговли прибыл чешский немец – Прокопий Вальдфогель (Лесная Птица) – это имя вполне подошло бы кому-нибудь из героев «Волшебной флейты». Сбежав из Праги во время гуситских волнений, Вальд фогель поселился в Люцерне, а затем в 1444 году перебрался в Авиньон. Согласно судебным хроникам, он, как и Гутенберг, работал ювелиром. У Вальдфогеля было два стальных алфавита и различные металлические «формы». Он предлагал школьному учителю по имени Манаудус Виталис (или Мано Видаль на французском) обучить его «искусству искусственного письма». В 1446 году некий Георг де ла Жарден принял его на работу, пообещав сохранить искусство в тайне, а еврей, занимавшийся печатью на ткани, договорился с Вальдфогелем об изготовлении наборов еврейских и латинских букв.

Чешский немец Прокопий Вальдфогель, как и Гутенберг, работал ювелиром. У него было два стальных алфавита и различные металлические «формы».

Хотя эти алфавиты необязательно должны были использоваться для книгопечатания – ведь нигде не упоминается о прессах и изготовлении инструментов или литер, – но вся секретность странным образом напоминает работу Гутенберга, вследствие чего возникло множество спекуляций на тему возможных связей между ними. Например, в 1439 году, когда Вальдфогель поселился в Люцерне, у партнеров Гутенберга – братьев Дритценов – тоже были там дела; хроники Авиньона упоминают о серебряных дел мастере Вальтере Рифле, который, вероятно, мог быть родственником партнера Гутенберга Ганса Риффле. Дошли ли до Вальдфогеля слухи о работе Гутенберга в Страсбурге? Использовал ли он его знания для того, чтобы получить небольшую прибыль в Авиньоне? Был ли он близок к чему-либо более существенному? Или же мы находимся на ложном пути (поскольку писцы также называли свою высококачественную каллиграфию искусственной, чтобы привлечь учеников)?

Мы никогда об этом не узнаем. Вальдфогель бесследно исчез,

не оставив после себя ни книги, ни пресса, ни пунсона, ни формы, – лишь намек на то, что Гутенберг не без причин пытался сохранить свою работу в тайне.

* * *

Фактически вплоть до XX века бытовало мнение, что Гутенберга могли опередить в Голландии. Здесь в нескольких богатых городах – Лейдене, Харлеме, Утрехте – велась активная торговля ксилографическими книгами, отпечатанными с деревянных блоков, на которых были вырезаны целые страницы с текстом и различными изображениями. В Харлеме жил производитель ксилографических книг по имени Лоренс Костер. На протяжении 300 лет Костер был для Харлема тем же, чем Гутенберг для Майнца. Согласно местному преданию, Костер – автор изобретения, которое украл Гутенберг.

Происхождение этой истории не совсем понятно. Городские хроники Кёльна за 1499 год говорят о том, что, хотя «искусство» и было изобретено в Майнце, «предварительные испытания проводились в Голландии». На протяжении следующего столетия этот смутный намек укрепился и оброс деталями, а затем был представлен в качестве подлинной истории, в полном виде изложенной в латинском описании Нидерландов – книге «Батавия», написанной в 1568 году государственным чиновником по имени Адриен де Йонге, который латинизировал свое имя как Адриан Юний. Книга издана после его смерти – в 1588 году.

Вплоть до XX века бытовало мнение, что Гутенберга могли опередить в Голландии.

История де Йонге основана на сообщениях «пожилых и уважаемых граждан, занимавших высокие должности и заверивших меня в том, что узнали об этом от своих предшественников». Среди них был наставник де Йонге, утверждавший, что узнал об этом от переплетчика по имени Корнелис, который, по его собственным словам, был учеником Костера.

История выглядит следующим образом. Костер, прогуливаясь по лесу, начал вырезать из березовой коры какие-то буквы. Вернувшись домой, он с их помощью отпечатал несколько строк текста для детей своей дочери. Вследствие дальнейших экспериментов получены буквы из свинца и олова, которые сейчас, к сожалению, утеряны, но «винные кружки, в которые были переплавлены эти литеры, все еще экспонируются» в старом

доме Костера. Таким образом было начато дело, которое привело к созданию книг, одна из которых – «Зеркало нашего спасения» (*Spieghel onzer behoudenisse*). Костер набирал учеников, среди которых был некий Иоганн, о фамилии которого мы скажем ниже. Юниус писал:

Именно он оказался неверным слугой и принес несчастье своему хозяину. Как только этот Иоганн, которого с книгопечатанием связывала клятва, посчитал, что достаточно знает о соединении букв и отливке литер – в этом, по сути, и заключалось все ремесло, – он воспользовался первым же благоприятным случаем, чтобы сбежать. Этот случай произошел в Рождественский сочельник [1441 года]: когда все были в церкви, он похитил литеры, инструменты и все оборудование.

Корнелис, учившийся вместе с ним, потерял рассудок и остался обезумевшим до конца своей жизни. Каждый раз, рассказывая историю о предателе Иоганне, «он проклинал те ночи… когда вынужден был делить с ним кров». Вернувшись в Майнц, Иоганн начал собственное дело, издав свою первую книгу в 1442 году. Об остальном нам уже известно.

В дальнейшем эта история обросла дополнительными подробностями. В начале XVII века Костера изображали уже как успешного типографщика, владевшего прессом, и вплоть до середины XX века учебники и популярные книги по истории утверждали, что он был настоящим изобретателем, а Гутенберг – подлым самозванцем.

Но, как историки вскоре поняли, в этом деле много темных пятен. Фамилия Иоганна приведена как «Фауст», и его, видимо, путали как с главным покровителем Гутенберга – Фустом (о котором мы поговорим далее), так и со средневековым чернокнижником, которого увековечили Марло, Гёте и Гуно. Не упоминается ни о фамилии Генсфляйш, ни о фамилии Гутенберг. Обратите внимание на детали повествования, придуманные для того, чтобы история выглядела более правдоподобной: лес, дети, винные кружки, рождественская кража, происшедшая как раз за 128 лет до того, как Юниус об этом написал, что совпадает с датой, которую в XVI веке было принято считать годом изобретения Гутенберга. В Харлеме действительно жил торговец книгами по имени Корнелис, но он умер в 1522 году. Если он работал у Костера вместе с Иоганном Фаустом в 1441 году, то должен был прожить 100 лет. И, если все инструменты были похищены, как Костер мог продолжать свое дело? И как именно Костер изготавливал свои литеры? Специалисты предполагают,

что он мог отливать их в песке, но эксперименты показывают, что такой метод крайне неэффективен. И, наконец, нас интересуют не резчики по дереву, коим, судя по всему, был Костер, а люди, занимавшиеся обработкой металла.

Согласно голландскому преданию, Лоренс Костер – автор изобретения, которое украл Гутенберг.

А как насчет результатов? Практически нет сомнений в том, что все они появились позже. Практически – потому, что дата издания первых голландских книг, напечатанных с использованием подвижных литер, неизвестна и исследователи все еще размышляют над вопросом о том, мог ли кто-либо в Харлеме в 1430-х годах экспериментировать с песком, глиной и деревом в поисках решения задачи, которую Гутенберг одолел с помощью металла.

В самом Харлеме никто не полагается на новые открытия. Здесь на Рыночной площади стоит памятник Костеру, воздвигнутый в XIX веке, и никто не собирается умалять его достоинства – в конце концов, сам он не был ответствен за утверждения, делавшиеся от его имени. Но сегодня уже никто не верит старым учебникам, которые больше полагались на патриотическое выдавание желаемого за действительное, чем на историческую точность. Как сказал мне главный архивист Харлема, «мы знаем, что он не опередил Гутенберга». Это хорошая история, но не более того – в лучшем случае, еще одно напоминание о заядлом соперничестве за право воплотить в жизнь «искусственное письмо».

В Харлеме на Рыночной площади стоит памятник Костеру как первопечатнику, воздвигнутый в XIX веке.

Глава 5
Тайна раскрыта

Книгопечатание подвижными литерами – результат вдохновения и вместе с тем тяжелого труда.

Может показаться, что идея родилась в результате внезапного прозрения, подобного тому, которое заставило Архимеда выпрыгнуть из ванны с его знаменитым восклицанием «Эврика!». Но идеи редко появляются из ниоткуда. А если и так, как, например, в случае с чертежом геликоптера Леонардо да Винчи, их продолжают считать научной фантастикой до тех пор, пока технический прогресс не убедит нас в обратном. Идеи формируются на основе предыдущих достижений, и для того чтобы принести плоды, им нужна эта самая основа – в данном случае гравирование, литье, металлургия, производство бумаги, вина и масла.

Идея, очевидно, взращивалась медленно. Скорее всего, вначале появилась обобщенная задумка («а что если?»), нечто, о чем можно поговорить со старым другом за бокалом вина. А что если можно было бы каким-то образом избавиться от писцов и ксилографии, чтобы книги могли изготавливаться быстро и чтобы они были доступны всем и в большом количестве – вы только представьте себе, какой статус и какое состояние может обрести тот, кто это придумает! Неизвестно, с чего именно все начиналось; но давайте проведем мысленный эксперимент и попробуем представить себе стадии, через которые должен был пройти Гутенберг, чтобы превратить это «а что если» в идею, а идею – в реальность.

Книгопечатание подвижными литерами – результат вдохновения и вместе с тем тяжелого труда.

По сравнению с изобретателями из других культур у Гутенберга было огромное преимущество – возможность работать всего с парой дюжин, а не с несколькими тысячами символов, а также наличие инструментов, которые повсеместно использовались для гравирования металлов. В некотором смысле путь к решению был перед ним с самого детства. Отдельные буквы можно было встретить на пунсонах для печати на книжных обложках и для чеканки монет. Гутенберг, глядя на горстку пунсонов, наверняка осознавал, что сверху от них можно отрезать примерно сантиметр и соединить несколько пунсонов, получив

таким образом слово, строку и целую страницу из металлических букв, покрыть их краской и сделать оттиск на бумаге, то есть создать книгопечатание подвижными литерами.

Теоретически набор пунсонов мог заменить деревянные блоки, так как металл более стойкий, чем дерево, и отпечаток с него четче. Кроме того, буквы можно переставлять, чтобы изменить текст. Однако при всех этих преимуществах каждая страница требовала бы огромного количества пунсонов.

Представьте себе попытку сделать подобным образом несколько десятков страниц, когда гравировщики должны изготавливать каждую букву. Им пришлось бы работать круглосуточно, и каждый пунсон был бы уникальным, при этом велика вероятность того, что некоторые варианты букв будут отличаться друг от друга. Для изготовления одного пунсона хорошему гравировщику нужен целый день. Лишь для одной страницы, подобной той, которую вы сейчас читаете, понадобилось бы 3 тысячи пунсонов. Десять лет работы одного гравировщика на одну страницу! Это экономически неосуществимая и совершенно непрактичная идея.

Таким образом, задача заключается в другом. Необходимо придумать способ создания копии пунсонов. Гутенбергу нужно было нечто, что позволило бы дешево воспроизводить каждый отдельный пунсон или его часть в любом количестве, оставляя оригинал нетронутым. Следовало клонировать информацию с помощью совершенной копии и не повредить при этом оригинал. Именно копия должна затем сформировать собственно печатную страницу.

> Набор пунсонов мог заменить деревянные блоки, но гравировщикам пришлось бы изготавливать каждую букву и работать круглосуточно.

Итак, вопрос заключался в следующем: как изготовить дешевую копию пунсона? Очевидно, что нужен механический способ, так как ручное гравирование не подходит. Кажется, что в пунсоне с буквой нет ничего сложного, но он состоит из двух элементов: основания и буквы на одной из его граней. Каждая буква индивидуальна, поэтому основания должны быть разной ширины: широкие буквы (например, *m* и *w*) занимают больше места, чем узкие (например, *i* и *l*). Сделать копию буквы несложно – на это способен любой изготовитель монет или медалей, достаточно лишь выгравировать изображение в литейной форме и залить в нее золото, серебро или другой металл. Но как изготовить копии таким образом, чтобы объединить их в форму, которая была бы одновременно достаточно прочной для того,

чтобы ее можно было использовать для печати, и многоразовой?

> Гутенбергу необходимо было придумать способ создания копии пунсонов.

* * *

Этот вопрос приводит нас к ключевым моментам работы Гутенберга, которые, по сути, и воплотили идею книгопечатания подвижными литерами в реальность.

Изображение буквы вырезали на небольшом куске металла. Теперь он содержит необходимую нам информацию. Спустя некоторое время данный элемент станут называть матрицей (от лат. *mater* – мать). Изначально термин «матрица» использовался в биологии для обозначения матки или формирующей части растения. Кстати, слово «матрица» подсказало немецким шрифтолитейщикам, которые все были мужчинами, подходящий термин для пунсона: в XIX веке они изобрели слово «патрица», а комбинация терминов «патрица – матрица» стала частью общепринятой терминологии в Германии, а также в некоторых англоязычных странах.

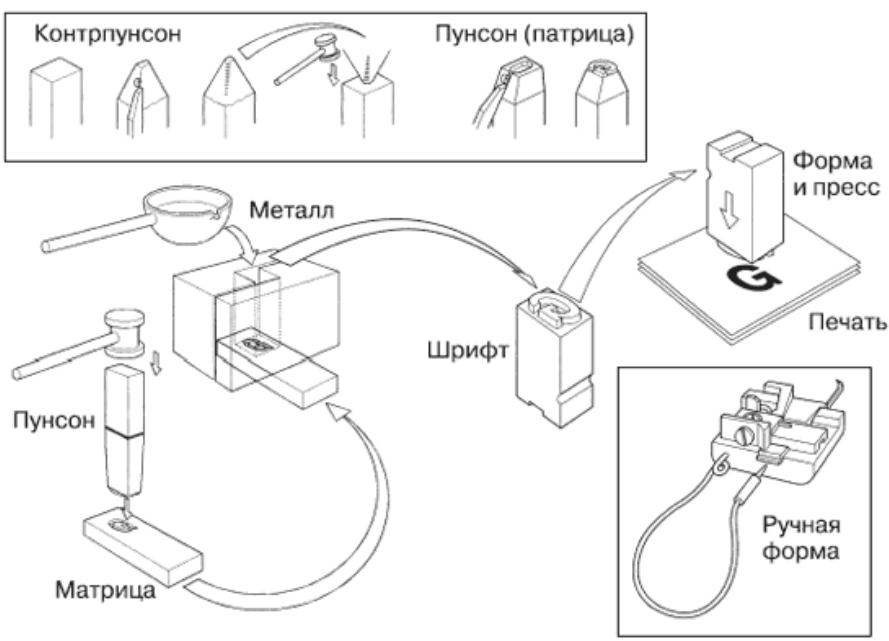
Теперь задача состоит в перенесении информации – выгравированной буквы – на небольшой металлический прямоугольник, чтобы создать рельефное изображение этой буквы и литеру.

И вот мы подошли к сути изобретения Гутенберга, которое состоит из двух частей: собственно изобретения и технологии. Изобретением была ручная литейная форма. Это действительно было нечто новое, нечто настолько простое в использовании, что стало стандартным инструментом шрифтолитейщиков на следующие 500 лет, пока в конце XIX века на смену ему не пришли механические шрифтолитейные аппараты.

> Ручная литейная форма была настолько проста в использовании, что стала стандартным инструментом шрифтолитейщиков на следующие 500 лет.

Возможно, ручная литейная форма проста в применении, но из описания ее работу понять очень сложно. Пытаться подробно рассказать о том, как она работает, – это все равно что при помощи слов стараться научить кого-нибудь завязывать шнурки на ботинках или ездить на велосипеде. В течение более чем 200 лет никто даже не пытался сделать это, но в 1683 году Джозеф Моксон – лондонский книгоиздатель, автор технических

учебников и изготовитель глобусов, которыми так восхищался, в частности, Сэмюэл Пипс, – написал классический учебник «Механические операции в искусстве книгопечатания» (*Mechanick Exercises on the Whole Art of Printing*). Ему понадобилось 13 страниц для того, чтобы описать то, чему любой подмастерье шрифтолитейщика учился быстрее, чем 8-летний ребенок осваивает искусство езды на велосипеде. Сложно поверить в то, что такой небольшой и практичный предмет требует применения столь сложной терминологии. В книге Моксона вы найдете даже больше, чем вам вообще нужно знать о каретке, корпусе, внутреннем калибре, мундштуке, приводке, охватывающем калибре, зазубрине, нижней пластине, выходном патрубке, колошнике, подставке, зарубке, поддоне и пру жине – каждой детали отведен особый раздел с несколькими подразделами. Естественно, Моксон сопроводил свой текст рисунками, но даже они не помогли сделать изложение понятнее. Когда в 1958 году книгу Моксона переиздали, редакторы Герберт Дэвис и Гарри Картер добавили колкое примечание: «Если вы не знакомы с ручной шрифтолитейной формой, даже не пытайтесь понять ее работу с помощью рисунков Моксона». От себя добавлю: описание побережья Норвегии было бы намного более простым, чем описание ручной формы Моксона.



От пунсона до печати

Тем не менее, как каждый день говорит Райнхард Матсельд сотням туристов и школьников в Музее Гутенберга в Майнце, использовать эту ручную форму – сущее удовольствие. Экскурсии Матсельда напоминают волшебное представление, так как он показывает посетителям различные загадочные вещи: собственно ручную форму и реторт с расплавленным металлом – в основном свинцом с добавлением олова (для увеличения текучести и скорости охлаждения) и антимония (чтобы сделать металл более твердым и таким образом обеспечить прочность литеры). Он не позволяет посетителям подходить к расплавленному металлу слишком близко – и не только из-за опасной температуры +327 °C (+621 °F).

Антимоний (сурьма) заслуживает уважения. Этот металл серебристого цвета использовался в античности для изготовления косметики, а также как средство химической очистки. Существовала легенда, что монахи, впечатленные химическими свойствами этого металла, глотали его, чтобы очистить свое тело. К сожалению, антимоний смертельно ядовит, поэтому им удалось очистить разве что только свои души. Вероятно, этот вздор был основан на ошибочной этимологии названия металла: *anti – monos* (лат. – против монахов). В просторечии его называли «ядом монахов». В действительности слово «антимоний» произошло, скорее всего, от арабского *ithmid* в раннем Средневековье.

Эта история напоминает нам о том, что Гутенберг и его последователи проводили опасные эксперименты. Моксон рекомендует шрифтолитейщикам сооружать свои «печи» рядом с окнами, «чтобы испарения антимония (которые на самом деле опасны) причиняли как можно меньший вред тем, кто присутствует при изготовлении металла».

Господин Матсельд практически занимается алхимической магией, за которой нельзя наблюдать с очень близкого расстояния, чтобы не испортить все дело. Все, что вам нужно знать, – это что ручная форма состоит из двух частей, между которыми зажимается матрица выгравированной буквой вверх. Когда матрица крепко удерживается на месте благодаря металлической пружинной скобе, между двумя частями формы остается прямоугольная щель, под которой располагается матрица с выгравированной на ней буквой. Господин Матсельд берет ковш, зачерпывает им расплавленный металл, выливает небольшую часть его в щель, разжимает пружину, раздвигает форму, и оттуда выпадает небольшой серебристый прямо угольник длиной чуть больше 4 сантиметров, уже достаточно остывший для того, чтобы его можно было держать в руках. Это конечный продукт, отпрыск патрицы и матрицы, который мог бы

называться инфантрицей (от лат. – ребенок), если бы кто-нибудь захотел придумать для него название. Это литера, на верхней грани которой находится буква. На всю операцию уходит менее одной минуты.

Гутенберг и его последователи проводили опасные эксперименты, пытаясь усовершенствовать процесс книгопечатания.

Шрифтолитейщик XVI века. Художник благоразумно решил не пытаться изобразить детали ручной формы.

Ручная форма господина Матсельда, как и тысячи других, которые можно найти в шрифтолитейных цехах по всему миру, – современный аналог изобретения, лежавшего в самом сердце работы Гутенберга, по крайней мере так считают многие

исследователи. Возможно, он хотел сохранить в тайне примитивный вариант этого устройства, скреплявшийся с помощью пары винтов, без которых он распадался на отдельные детали, напоминавшие части какого-то трехмерного пазла. Не сложив эти части в правильной комбинации – две части формы и матрицу, – вы не сможете догадаться о том, каково их предназначение.

Ручная форма стала важным инструментом книгопечатного процесса. Это было простое в использовании устройство, с его помощью можно было изготовить любое количество литер, необходимое для книги, используя лишь один комплект пунсонов. Позже опытные шрифтолитейщики могли изготавливать уже 4 литеры в минуту – несколько сотен в день (неподтвержденный рекорд составляет 3 тысячи штук).

Важное преимущество этой системы – в том, что сами литеры были недолговечны. При производстве большого количества книг они изнашивались, но это не имело значения, так как всегда можно было изготовить больше литер, а при необходимости переплавить старые. Пока у вас были матрицы, вы могли отлить больше литер; и пока пунсоны оставались невредимыми, вы могли изготовить больше матриц. Каким бы примитивным ни было изначальное устройство Гутенберга, принцип его работы был тем же: пунсон (или патрица), матрица, ручная форма, литера – в этом заключалась суть революции Гутенберга.

Ручная форма стала важным инструментом книгопечатного процесса.

Кстати, теоретически можно вообще избавиться от пунсонов и гравировать буквы непосредственно на матрицах. Позже типографщики работали с наборами матриц, чтобы избавиться от затрат на вырезание пунсонов. Тем не менее им пришлось опять вернуться к пунсонам, поскольку намного проще вырезать рельефные буквы на металле, чем выгравировать их углубленное изображение. Гравирование углубленных изображений было популярно у римлян, но те имели дело с большими каменными буквами. Представьте себе, как сложно отполировать внутренние края углубленных букв размером с те, которые вы сейчас читаете. Это было настолько тонким делом, что гравировщикам часто приходилось использовать контрпунсоны, чтобы выбить труднодоступные углубления, такие как в верхней части букв *e* и *A*. Поэтому пунсоны остались важнейшим элементом, а матрица – второстепенным.

Теперь поговорим о второй составляющей инновации Гутенберга – технологии объединения литер в «формы».

Теоретически объединить литеры, вставив их в рамку, и закрепить строки, чтобы получить страницу из металлических литер, несложно. Но проблемы, с которыми пришлось столкнуться Гутенбергу, были не теоретическими, а практическими: как точно установить литеры, сделать небольшие отступы и убедиться, что текст будет выглядеть должным образом? Вероятно, Гутенберг экспериментировал с этой технологией в Страсбурге, так как в копиях судебных записей упоминаются «формы». Возможно, тогда исчезли только «формы». Но как тогда могли существовать целые страницы из литер без инструмента для изготовления литер – ручной литейной формы?

Важная составляющая инновации Гутенберга – технология объединения литер в «формы».

Впереди были годы экспериментов с целью совершенствования элементов ручной формы. Каждый отпечаток матрицы должен иметь одинаковую глубину, чтобы можно было получить буквы одинаковой четкости. Все литеры должны быть одинаковой высоты, иначе одни буквы будут отпечатаны слишком сильно, а другие могут вообще не коснуться бумаги. Буквы должны сочетаться определенным способом, поскольку от интервалов между ними зависит то, будут ли они читаться. При изготовлении ручной формы должно быть учтено, что более широкие (*m, w*) и прописные (*A, B*) буквы занимают больше пространства, чем узкие (*l, i*) и строчные (*a, b*) (которые наборщики позже назовут нижним регистром, поскольку они располагались в нижнем из двух ящиков на стойке наборщика). Помимо этого, должны быть приняты во внимание все нюансы, касающиеся размера шрифта (который сейчас измеряют в пунктах), гарнитуры и знаков препинания – для каждого варианта нужна собственная комбинация «пунсон – матрица». Каждая гарнитура требовала до 300 различных пунсонов, и на всех должны быть вырезаны буквы. Из них должны быть отлиты литеры, из которых затем нужно составить строчку, выравнивая их с точностью до сотых долей миллиметра. Гутенбергу также необходимо было совершенствовать десятки других мелких технологий: хранение литер, их объединение, составление из них большого количества страниц, поиск соответствующего пресса, изготовление подходящей бумаги и краски, а также контроль качества, который позволил бы убедиться в применении единых стандартов для каждого отдельного издания. Как вскоре обнаружили книгоиздатели, они находились на пороге мира, требовавшего высокого уровня мастерства, и им пришлось составить целые энциклопедии новых технических терминов.

> Гутенбергу приходилось совершенствовать десятки мелких технологий: хранение литер, их объединение, составление большого количества страниц, поиск соответствующего пресса, изготовление подходящей бумаги и краски, контроль качества и т. д.

В качестве примера рассмотрим два элемента – пресс и краску.

Хотя слово «пресс» почти сразу же стало ассоциироваться с книгопечатанием, до того как этот процесс начал набирать обороты, необходимость использования данного устройства не была столь очевидной. Можно делать копии, положив бумагу на смоченную краской рельефную форму, руками или с помощью ткани. Но эксперименты показали, что, для того чтобы на пергаменте и тряпичной бумаге получилось отчетливое изображение, нужно сделать оттиск. Примитивные прессы с деревянными винтами, которые нужно было вращать, чтобы заставить поршень двигаться вниз, были весьма распространены и использовались в производстве бумаги для высушивания листов. Эти устройства произошли от прессов, применявшихся при изготовлении вина и масла еще до времен Римской империи. Задача заключалась в том, чтобы приспособить данную технологию к книгопечатанию – расположить несколько страниц из литер, вставленных в массивную металлическую форму (вес которой иногда равнялся весу взрослого человека) так, чтобы поршень пресса опускался равномерно и оказывал одинаковое давление на каждый квадратный сантиметр, от внешнего края к центру.

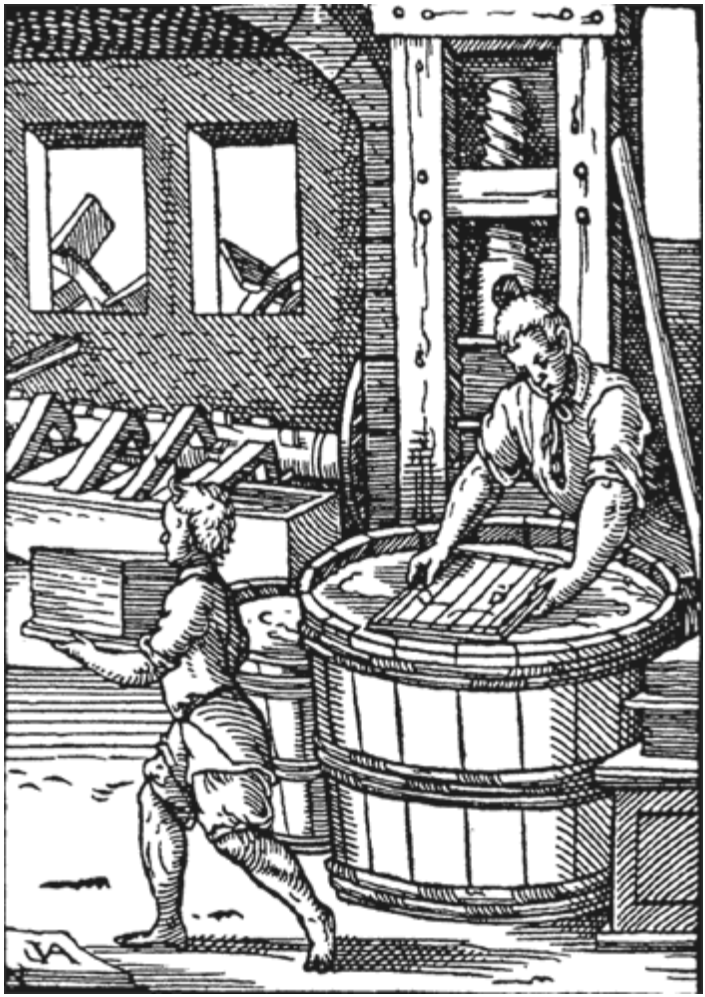
Что касается краски, то Гутенберг, вероятно, знал, что в качестве основных ингредиентов можно использовать льняное масло, сажу и янтарную смолу, но ему нужно было экспериментировать, чтобы найти наилучшую комбинацию. Он наверняка обнаружил, что типографская краска представляет собой достаточно сложное вещество. Необходимо, чтобы масло, придающее ей блеск, было соответствующей консистенции; сажа (которую лучше всего получать путем сжигания масла и смолы) – тщательно прожарена для обезжиривания. Если Гутенберг уже тогда думал о цветных красках (а он так и делал, если желал создать конкуренцию рукописной продукции), то должен был консультироваться у художников и, таким образом, научиться использовать киноварь (ярко-красные кристаллы, которые когда-то считались кровью драконов) и голубой минерал, известный как ляпис-лазурь, для получения синей краски (минералы следовало растолочь в порошок и смешать с маслом в правильных

пропорциях).

> Гутенберг экспериментировал с основными ингредиентами – льняным маслом, сажей и янтарной смолой, чтобы найти наилучшую комбинацию для краски.

С каждым экспериментом проблем наверняка становилось все больше, так как литеры, краска, бумага и пресс должны были сочетаться друг с другом. Например, насколько мягкой (или твердой) должна быть бумага? Это очень важный вопрос, ответ на который впоследствии занял центральное место в книгопечатном процессе. Бумага, предназначенная для писчих перьев и чернил, оказалась слишком твердой для того, чтобы отпечатывать на ней краску с помощью пресса. Бумагу следовало сделать мягче. Эта цель была достигнута с помощью увлажнения, и литера уже могла оставить отчетливый отпечаток. Каждый бумажный лист получал надлежащее количество влаги, не слишком большое, чтобы листы не размокли. Эксперименты показали, что лучше всего увлажнять каждый второй лист, складывая их все вместе под пресс на несколько часов; время пребывания под прессом должно быть достаточным для того, чтобы влага могла проникнуть во все листы, но не слишком долгим, чтобы они не начали разлагаться (продолжительность операции варьировалась в зависимости от времени года). После печати каждый лист нужно было высушить – это касается не только краски, но и самой бумаги. Извините за небольшое отступление от темы, но, когда мы нажимаем клавиши на клавиатуре, чтобы набрать текст, стоит вспомнить о том, сколько времени и труда требовалось для этого в прошлом.

> Мягкость бумаги – очень важный вопрос, ответ на который впоследствии занял центральное место в книгопечатном процессе.



Изготовитель бумаги поднимает мокрую массу, готовую к сушке.

Это лишь один из вопросов, а их было немало. Как сделать давление равномерным? При каком давлении краска наносится лучше всего? Что происходит при взаимодействии различных видов краски с разными видами бумаги? Как нанести краску так, чтобы ее было достаточно для создания отчетливых изображений и чтобы при этом она не заполняла отверстия таких букв, как *е* и *а*? Каждый элемент нужно было разработать, а затем изменить так, чтобы он соответствовал другим элементам при использовании химических веществ и давления за определенное количество времени. Неудивительно, что для этого потребовались годы.

И, учитывая отсутствие свидетельств, понятно, что эксперты

ведут споры о том, какие именно результаты были достигнуты в Страсбурге. Думается, что в данном случае предания могут быть не менее хорошим ориентиром, чем официальная история. Так, некоторые средневековые авторы – флорентинец Маттео Пальмиери (в 1483 году), кёльнский летописец (в 1499 году), немецкий историк Якоб Вимпфелинг (в 1505 году; по сути, он не называет имени Гутенберга, а упоминает некого безымянного жителя Страсбурга, который принес идею в Майнц, где она была реализована Гутенбергом) – приписывали Гутенбергу изобретение книгопечатания в 1440 году. Вероятно, будет справедливым предположить, что около 1440 года Гутенберг был близок к выполнению условий договора, который подписал со своими партнерами, и что это действительно были «авантюра и искусство» книгопечатания подвижными литерами.

Однако в те времена никто не упоминал о том, что он пошел дальше исследований и разработок и действительно что-либо напечатал. Это предположение, как мы увидим, появилось лишь недавно.

* * *

Гутенберг оставался в Страсбурге до 1444 года. Сохранившиеся документы мало что говорят о последних годах его пребывания в этом городе. Гутенберг был поручителем займа при обстоятельствах, которые свидетельствуют о том, что он сохранил статус человека из высшего класса. Изготовил он зеркала или нет, неясно. Если да, то это не сделало его богатым, так как в 1442 году он сам взял деньги в долг (80 динаров, или примерно 60 гульденов). Возможно, ему нужны были дополнительные средства для денежного оборота. Но на протяжении следующих 13 лет он вовремя выплачивал проценты и остался при делах, возможно, продолжая свои исследования и разработки, и – опять-таки, возможно, – вернув утраченный пресс, который находился у Андреаса Дритцена. Один из помощников Гутенберга 16 годами позже открыл первую в Страсбурге типографию, и это еще одно доказательство того, что корни изобретения были именно в данном городе. Гутенберг оставался финансово обеспеченным, владея (по состоянию на 1443 год) имуществом, оценивавшимся в 400 гульденов, чего было достаточно для поддержки долгосрочных проектов даже без существенных достижений.

Справедливо предположить, что около 1440 года

> Гутенберг был близок к выполнению условий договора со своими партнерами и что это действительно были «авантюра и искусство» – книгопечатание подвижными литерами.

Гутенберг оставался в Страсбурге достаточно долго для того, чтобы дождаться окончания пятилетнего контракта с партнерами. Это вряд ли могло послужить поводом для прекращения работы и отъезда из города. Была другая, более веская причина – угроза войны. Исходила она от разношерстной армии безработных французских наемников, которые происходили в основном из Гаскони, но были известны как арманьяки, потому что их первый предводитель родился в Арманьяке. На протяжении 30 лет арманьяки поддерживали французского короля в его борьбе с Бургундией, которая в XV веке была фактически независимой страной. В 1435 году Франция и Бургундия объединили свои силы против англичан – это произошло на последнем этапе Столетней войны – и арманьяки внезапно оказались без работы и без денег. Двадцать тысяч бывших наемников отправились разбойничать по всей Европе, словно орда варваров, не менее диких, чем вестготы. Фридрих III, наследник Сигизмунда на немецком троне, решил, что может использовать арманьяков, и направил их против швейцарцев, которые тогда боролись за независимость. После ужасной битвы под Базелем они отправились на север, к Страсбургу, сжигая и грабя все на своем пути.

– Мир с вами, – приветствовали монахи.

– Почему мир? – следовал грубый ответ. – Война приносит мне деньги и хлеб. Ты хочешь, чтобы я остался голодным?

Жители Страсбурга не пустили в город этих мерзких созданий, чье имя они исказили как *Arme Gecken* (фр. – несчастные глупцы). В начале 1445 года арманьяки вернулись на родину, оставив за собой опустошенные селения и сохранив обиду на Фридриха.

> Один из помощников Гутенберга позже открыл первую в Страсбурге типографию, и это еще одно доказательство, что корни изобретения были именно в данном городе.

Тем временем Гутенберг покинул Страсбург, возможно, не желая рисковать жизнью ради города, полноценным гражданином которого он так и не стал, а возможно, из-за того, что война угрожала его работе. Как бы то ни было, в 1444 году он исчез на четыре года вместе со своими амбициями и открытиями (но,

полагаю, пока не печатными книгами).

В 1444 году Гутенберг исчез на четыре года вместе со своими амбициями и открытиями.

Глава 6
Поиск самой популярной книги в мире

Двадцатью годами ранее разгневанный Гутенберг покинул Майнц – как патриций, оскорбленный отношением приобретавшей влияние гильдии. Теперь же он, похоже, смягчился. Ведь последние 10 лет Иоганн посвятил совершенствованию технических и ремесленнических навыков, которые помогли усилить влияние гильдии. Старые кадры убывали, и для достижения успеха Гутенбергу нужно было найти новых людей, с которыми можно было бы работать.

Теперь в Майнце царил еще больший беспорядок, чем когда Иоганн его покидал. За время отсутствия Гутенберга городской долг достиг катастрофических размеров: 373 тысячи гульденов, половину из которых составлял долг по выплате ежегодной ренты. Кредиторы Майнца – другие города региона – предоставили поддержку и попросили членов гильдии вернуть власть семьям патрициев. Но это не помогло. У комитета гильдии возникли подозрения в махинациях, и он потребовал прозрачности. В 1444 году угроза со стороны арманьяков заставила стороны раскрыть свои карты. Однако Церковь отказывалась помочь. Монастыри богатели, тогда как город был по уши в долгах. Под предводительством секретаря городского совета доктора Конрада Гумери разгневанные члены гильдии образовали оказывавшую давление группу, цель которой – свержение церковников: в глазах членов гильдии они были еще хуже дискредитированных патрициев. Патриции вновь передали власть гильдии, которая правила посредством трех бургомистров и четырех казначеев. Казалось, что правит демократия, но архиепископ Дитрих фон Эрбах заявлял о своей власти не только как глава Церкви, но и как принц, имевший право взимать налог с продаж и назначать старших чиновников; Церковь категорически отказывалась платить какие-либо налоги с вина, которым торговали монастыри, или позволить платить налоги своим служащим. По доброте душевной Церковь предложила дать городу в дар примерно 20 тысяч гульденов. Но этого было недостаточно. В 1446 году городской совет рассматривал вопрос о том, чтобы отдать весь город в залог Франкфурту. А в 1448 году Майнц объявил себя банкротом и просто перестал выплачивать ежегодные ренты, что могло позволить ему сохранить достаточно

денег для того, чтобы вернуть платежеспособность.

> Монастыри богатели, тогда как Майнц был по уши в долгах.

Гутенберг не спешил возвращаться в этот хаос; он исчез на четыре года, предшествовавших упомянутому событию. Но куда и для чего? Этого никто не знает. Возможно, он собирался изготовить больше зеркал для следующего ахенского паломничества, которое должно было состояться в 1447 году, и обосновался со своим цехом недалеко от Рейна, в безопасности от арманьяков, например в Лихтенау – городке, которым управлял один из его инвесторов, Гансом Риффе.

На протяжении многих лет некоторые исследователи предполагали, что Гутенберг был во Франкфурте, пока в 2001 году не обнаружились факты, указывающие, что это не так. В своей статье в издании *Gutenberg Jahrbuch* франкфуртский юрист Рейнхардт Шартль сообщил, что ему удалось обнаружить хроники франкфуртского судебного дела: в 1447 году Гутенберг попросил жителя Франкфурта цирюльника Ганса Бейера арестовать от его имени имущество некоего Геннена (Иоганна) фон Тедлингена, чтобы погасить долг в 15 гульденов. Это, конечно, не слишком шокирующая информация, но, по крайней мере, она указывает на то, что в то время Гутенберг находился не во Франкфурте, иначе явился бы лично. Эти сведения напоминают нам о том, что прошлое никогда нельзя считать полностью изученным. Возможно, когда-нибудь в пыльных архивах будут обнаружены другие документы, которые прольют свет на «тайные годы» Гутенберга.

> В 1446 году городской совет рассматривал вопрос о том, чтобы отдать Майнц в залог Франкфурту.

Как бы то ни было, он вернулся в Майнц лишь в 1448 году – возможно, потому, что после смерти его сестры освободился старый дом семьи Гутенберг. Иоганн не обращал внимания на гражданские волнения – ему нужно было пространство. Нам известно, что в 1448 году Гутенберг был в Майнце, поскольку осенью того года он попросил своего кузена Арнольда Гельтуса одолжить ему 150 гульденов под 5 процентов в год. Этого было достаточно для того, чтобы профинансировать новый проект с участием небольшой команды из полудюжины помощников из Страсбурга, среди которых, вероятно, были Ганс Дюнне (его гравировщик), Генрих Кеффер, Бертольд Руппель и Иоганн Ментелин. Лоренц Байльдек и его жена, возможно, тоже прибыли

в Майнц, чтобы поддерживать порядок в доме, который теперь превратился в типографию со стопками бумаги на полу.

Если предположить, что все это время Гутенберг планировал начать книгопечатное дело, то он должен был столкнуться с проблемой финансирования. В Страсбурге он решил это с помощью денег своих партнеров и, возможно, прибыли от продажи зеркал. Теперь ему предстояло выпускать настоящую конечную продукцию – книги. Учитывая все затраты времени и денег, а также долги, Гутенберг не мог позволить себе потерпеть неудачу. Ему нужен был бестселлер, и желательно не один.

> Чтобы начать книгопечатание и развивать его, Гутенбергу нужен был бестселлер, и желательно не один.

В то время он еще не думал о Библии, так как ее коммерческий потенциал не был столь очевиден. Церковь и духовенство требовали внимательного обращения с Библией, потому что она была не только источником христианской доктрины, но и возможным источником ошибок. Например, латинский перевод Библии, выполненный святым Иеронимом в 405 году, – *editio vulgata* (лат. – общепринятая версия), или Вульгата, – существовал во множестве различных версий. Теологи и духовенство были ядерными физиками того времени, охранявшими машину, которая при правильном использовании гарантировала спасение, а при неправильном – полное разрушение. Их власть и доход зависели от того, насколько эффективно они выполняли свою роль стражников. Лишь немногим, в числе которых был Николай Кузанский, нравилась идея сделать Библию доступной для всех. У простых людей, в частности у студентов и преподавателей, которые могли быть основными покупателями продукции Гутенберга, не было Библии, но они не могли позволить себе купить ее ни переписанную писцами, ни в печатном виде. На этом начальном этапе Гутенбергу было очевидно, что для такого большого и противоречивого проекта покупателей следует искать среди крупных учреждений – монастырей, судов, университетов. Это действительно были и большой рынок, и солидные доходы.

> Лишь немногим, в числе которых был Николай Кузанский, нравилась идея сделать Библию доступной для всех.

* * *

Как оказалось, у Гутенберга уже тогда имелся альтернативный вариант, который позволил бы быстро вернуть деньги. Это книга, которая, вероятно, была у него самого в студенческие годы и которую должен был иметь каждый студент, если он мог себе это позволить, – стандартный учебник латинской грамматики «Грамматическое руководство» (*Ars Grammatica)*, обычно называемый «Грамматикой Доната», или просто «Донатом», по имени автора, Элия Доната. Учебник явно не был развлекательной книгой. Это довольно скучный анализ латыни, намного менее привлекательный, чем «Основы латыни» (*Latin Primer*). Это был разумный выбор, потому что учебник состоял всего из 28 страниц и имел гарантированный рынок, к которому Гутенберг смог бы получить доступ, так как книгопечатание обладало большим преимуществом, позволяя выпускать идентичные издания без ошибок.

Книга не должна была отличаться красивым оформлением. В то время книги вообще имели не слишком привлекательный вид. И при ручном переписывании, и при ксилографии нужно было экономить бумагу, поэтому текст был мелким, разве что иногда в нем встречались буквицы в начале главы.

В этом учебнике применялся тот самый крупный готический шрифт, который писцы использовали в миссалах: плотно расположенные грубые буквы, напоминающие тканевую текстуру. Именно эту «текстуру» Гутенберг использовал для своего «Доната».

Так или иначе, но чем более консервативным было бы издание Гутенберга и чем больше оно было бы похоже на рукописную копию (за исключением точности), тем лучше. А поскольку у него не было других примеров для подражания, он решил сымитировать шрифт, долгое время использовавшийся писцами, с характерным отсутствием выравнивания по правому полю и несколькими вариантами одних и тех же букв, в том числе с диакритическими знаками для обозначения краткой формы слова. Так как это была латынь, необходимости в прописных буквах *W, X, Y* и *Z* не было, но из-за использования многих вариантов одних и тех же букв, например 10 разных букв *a* и 12 букв *p*, шрифт в общей сложности состоял из 202 различных символов. Этот неэффективный и некрасивый шрифт в итоге оказался весьма практичным. Впоследствии вышло 24 разных издания «Доната», общий тираж которых составлял несколько тысяч книг. Данный шрифт также использовался для печати календарей, поэтому в итоге получил название Донат-Календарь, или, сокращенно, Д-К.

Гутенберг решил сымитировать шрифт, долгое время использовавшийся писцами.

Шрифт Гутенберга Донат-Календарь (Д-К).

Шрифт Д-К – важнейшее и фактически единственное свидетельство, позволяющее экспертам установить дату издания первой европейской книги, напечатанной подвижными литерами. Исходя из того, как добавлялись новые буквы, можно установить хронологическую последовательность сохранившихся экземпляров вплоть до первого «Доната», в котором на каждой странице помещалось 27 строк. Эту книгу не особо чтили в то время, поэтому сохранились лишь отдельные страницы, использовавшиеся для переплета более поздних изданий, но сейчас большинство исследователей согласно с тем, что она была

одной из самых ранних книг и почти наверняка первой созданной в новом цеху Гутенберга в Майнце примерно в 1450 году.

* * *

Вероятно, книгопечатное производство уже тогда являлось занятием не из дешевых. 150 гульденов, которые Гутенберг одолжил в 1448 году, было недостаточно. Для прибыльного оборота «Доната» ему нужно было больше, намного больше. Представьте, каково ему было продолжать проект «Доната», когда перед ним открывались гораздо более многообещающие проекты.

В декабре Николай Кузанский, единственный кардинал-немец, прибыл вместе со своим коллегой кардиналом Хуаном де Карвахалом для одобрения нового миссала, над которым работали бурсфельдские монахи. Это событие сулило Гутенбергу неплохие перспективы: ведь кардиналам был нужен не только новый, стандартизированный миссал, но также хоровая книга и требник. Определенно, эти книги, имевшие гарантированный рынок и, возможно, в дальнейшем финансируемые Церковью, в случае их одобрения могли стать потенциальными бестселлерами.

> Книгопечатное производство уже тогда было занятием не из дешевых.

Теперь у Гутенберга было почти все необходимое: опыт, профессионализм, цех, проект и Великая Идея – все, кроме денег. Иначе говоря, он был мечтой инвестора. И, так же как и в Страсбурге, Гутенберг нашел того, кто ему был нужен, – человека, который в итоге окажется как спасителем, так и заклятым врагом.

Иоганн Фуст, купец и ювелир, принадлежал к известной в Майнце семье. Его младший брат Якоб был членом городского совета, казначеем, а затем и бургомистром. Сам Иоганн был одним из новичков, вступивших в гильдию ювелиров, и предпринимателем, имевшим привычку прибегать к юридическим методам, чтобы урвать свой кусок. Согласно документу, обнаруженному в 2001 году (который был опубликован еще в одной статье Рейнхардта Шартля в *Gutenberg Jahrbuch*), в 1446 году, после того как одно дело Фуста рухнуло, он был вызван во франкфуртский суд с требованием выплатить более тысячи гульденов. Фуст утверждал, что не должен был выполнять условия контракта, так как тот был заключен через посредника. Но спор был решен не в его пользу, и его заставили выплатить деньги. Иоганн Фуст занимался манускриптами и

ксилографическими книгами, часто посещая с деловыми визитами Париж, поэтому у него был естественный интерес к делу Гутенберга, в частности к «Донату». Кроме того, у него был приемный сын Петер Шёффер, работавший каллиграфом в Париже, который мог стать неплохим помощником для Гутенберга. Двадцатью годами ранее между патрицием Гутенбергом и ремесленником Фустом не было бы никакой взаимной приязни, но времена изменились, превратив Гутенберга в инженера, а Фуста – в потенциального капиталиста. Возможно, они не были лучшими друзьями или были несовместимы с социальной точки зрения, но их талант и амбиции хорошо дополняли друг друга.

Иоганн Фуст занимался манускриптами и ксилографическими книгами, часто посещая с деловыми визитами Париж.

Их деловые взаимоотношения достаточно подробно задокументированы, поскольку закончились плохо – судебным процессом, состоявшимся шестью годами позже. Но начиналось все хорошо. В 1449 году Фуст одолжил Гутенбергу 800 гульденов под залог «оборудования» под 6 процентов в год. Эта сумма, составляющая примерно 100 тысяч фунтов, или 150 тысяч долларов, в современном эквиваленте, может показаться не слишком большой, если не вспомнить, что лишь избранные учреждения в то время могли располагать такими деньгами и что капитал был вложен в основном в недвижимость и землю. Позже Фуст утверждал, что ему самому пришлось одолжить эти деньги под проценты. Возможно, у него действительно не было денег, но даже если они у него и были, то у Фуста существовали причины для того, чтобы одолжить их. Капитализм тогда находился на ранней стадии, поэтому считалось, что давать деньги взаймы под процент – это не по-христиански (отсюда и появление еврейских финансистов). Он придумал все это, чтобы его не обвиняли в грехе ростовщичества.

Как бы то ни было, Гутенберг, согласившийся выплачивать проценты, не делал этого. Он тратил все деньги на свой цех, свою продукцию и свою небольшую команду.

В 1449 году Фуст одолжил Гутенбергу 800 гульденов под залог «оборудования» под 6 процентов в год.

Все шло не совсем так, как планировалось. Идея с миссалом с самого начала находилась под угрозой срыва, потому что у майнцского архиепископа Дитриха имелись собственные планы.

Новый текст литургии, одобренный папой, означал бы папский контроль, поэтому он должен был недоброжелательно относиться к приезду кардиналов. В течение нескольких лет Дитрих финансировал альтернативную литургию, готовившуюся группой ученых в местном монастыре Святого Иакова, и эта работа продолжалась, даже несмотря на приезд нескольких монахов из Бурсфельда для осуществления реформ Николая. При наличии двух противоречивших друг другу версий литургии в одном монастыре давление на общину на протяжении 1440-х годов наверняка было достаточно сильным – «страстным», как описывал его летописец монастыря в 1441 году. Противостояние достигло апогея после смерти старого майнцского архиепископа в 1449 году. В следующем году новый архиепископ, тоже Дитрих, поддержал версию монастыря Святого Иакова, разработанную, по его словам, «почтенными и многоуважаемыми людьми». Таким образом, теперь у Церкви было два текста: один – из монастыря Святого Иакова, поддерживаемый майнцским принцем-избирателем-архиепископом, а второй – составленный Иоганном Хагеном и его коллегами из шести монастырей, образующих Бурсфельдскую конгрегацию, поддерживаемый де Карвахалом, Николаем Кузанским, папой и Римом. Поэтому Гутенберг должен был напряженно ожидать окончательного решения.

Развязка наступила во время следующего визита Николая Кузанского. В 1451—1452 годах по приказу папы он предпринял путешествие по Германии, в основном чтобы осуществить бурсфельдские реформы. Это было своего рода королевской процессией человека, который повел себя не совсем обычным образом. Немцы привыкли к принцам-епископам, но раньше у них не было собственного немецкоязычного кардинала. Со свитой из 30 человек Тевтонский кардинал, как его часто называли, проехал из Австрии через восточную часть Германии к Нидерландам, затем назад, вниз по Рейну, остановившись в своем родном городе, чтобы основать больницу для бедных, которая существует и по сей день. В каждом городе, принимая чествования местных правителей, Николай проповедовал, встречался с духовенством, призывал молиться за папу и Римскую церковь, пытался искоренить суеверия, осуждал развращенность и внебрачное сожительство.

> У Церкви было два текста литургии, поэтому Гутенберг должен был напряженно ожидать окончательного решения.

Одним особо суеверным местом был Вильснак (ныне Бад-Вильснак), расположенный в 80 километрах к северо-западу от

Берлина, где люди верили, что три освященные облатки, которые чудесным образом уцелели после пожара в церкви 70 годами ранее, источают кровь Христа. Теперь в Вильснаке был собственный культ, и город благодаря туристам-паломникам достаточно разбогател, чтобы заново построить здание церкви. Но Церковь, желавшая контролировать как ритуалы, так и денежный оборот, не одобряла подобных перемен. Николай Кузанский постановил следующее: красное вещество на этих облатках не может быть кровью Христа, поскольку «в его святом теле течет святая кровь, которая совершенно невидима». Однако на этот раз он потерпел неудачу. Культ просуществовал еще столетие, пока на смену католицизму не пришла Реформация и кровоточащие облатки не сожгли как отвратительное напоминание о злоупотреблениях католиков (хотя сегодня в церкви Бад-Вильснака есть место поклонения чудотворной крови, которой церковь обязана своим восстановлением).

> Среди городов, которые Николай Кузанский посетил во время своей великой миссии, был Майнц, где в то время работал Гутенберг.

Среди городов, которые Николай Кузанский посетил во время своей великой миссии, был Майнц, где в то время работал Гутенберг. Здесь кардинал должен был решить наболевший вопрос о текстах литургии. Архиепископ Майнца, конечно же, являлся одним из тех принцев, которые рады были создать препятствия продвижению Николая, если бы у них была такая возможность. Теперь кардинал мог принять их вызов, что он и сделал при помощи своего советчика, шотландского прелата по имени Томас. Томас предпочитал тексты Хагена версии монастыря Святого Иакова, которая, по его словам, отклонялась как от бенедиктинских обрядов, так и от обрядов официальной Церкви. Для нового архиепископа это было небывалым оскорблением, которое он не мог проигнорировать, если желал сохранить свою местную власть. Единственным выходом было применение силы, и Николай Кузанский хорошо это знал. Для предотвращения неприятных инцидентов он попросил вмешаться папу, и тот издал буллу, которая еще больше обострила ситуацию. Согласно этому документу, Николай Кузанский имел право собрать армию и в случае необходимости начать войну. В конце 1451 года Николай созвал синод с участием делегатов от всех 17 тысяч священнослужителей и 350 религиозных учреждений провинции. Сначала синод собрался в Майнце, а затем, в марте 1452 года, в Кёльне. 70 аббатов-бенедиктинцев пообещали провести в своих монастырях реформы, в частности

(обратите внимание!) предписывалось снабдить библиотеки хорошими изданиями Библии. Николай получил то, что он хотел: текст Хагена был одобрен, а настоятеля монастыря Святого Иакова сменил ставленник Бурсфельда. Архиепископу пришлось смириться.

К этому времени Гутенберг продвинулся в том, что позже он назовет «книжным делом», и, как можно предположить, был готов напечатать миссал, как только тот будет одобрен наивысшими властями христианской Европы. В качестве доказательства исследователи указывают на набор литер для шрифта Д-К четырех размеров, которые Гутенберг использовал позже и которые могли понадобиться для печати миссала. Но какого миссала? Гутенберг столкнулся с кошмаром книгопечатника: существовало два противоречиивших друг другу текста, один из которых поддерживался Римом, а другой – местным архиепископом. Иоганн оказался в невероятной ситуации: была технология, был рынок, были деньги, но руки у него были связаны. Выбрать один из миссалов было бы коммерческим самоубийством.

> Гутенберг был готов напечатать миссал, как только тот будет одобрен наивысшими властями христианской Европы.

Что же делать? Теперь, имея возможность взглянуть в прошлое, ответ кажется очевидным.

* * *

Но Библия была не единственным возможным вариантом. События за рубежом открыли новые перспективы. Над восточной частью христианской Европы – Византией, небольшим «остатком» Римской империи, занимавшим территорию современных Греции, Болгарии и Турции, – нависла угроза. Каждый европейский правитель знал, что этой угрозой были турки. Турецкие племена двигались на запад из Средней Азии начиная с 990 года. К тому времени они уже больше столетия пребывали в Византии и начиная с 1371 года осуществляли нападения на Балканы. В 1389 году они выиграли битву на Косовом поле, последствия которой ощущаются до настоящего времени. Византия казалась беспомощной, пойманной в ловушку слепой веры и устаревших ритуалов. Когда в 1439 году византийские священнослужители отказались от возможности союза с Римом и, следовательно, от европейской военной помощи, они привели людей в

ксенофобское безумие: «Нам не нужны римляне! – кричали они. – Бог и Богоматерь спасут нас от Мухаммеда!» Жителей Константинополя защищали стены, выстроенные в два ряда, 8 и 10 метров в высоту, и громадная горная цепь вдоль побережья. Но это не могло спасти земли, находившиеся вне стен города, на которые и нацелились турки.

> Гутенберг оказался в невероятной ситуации: была технология, был рынок, были деньги, но руки у него были связаны из-за двух противоречивших друг другу текстов миссала.

Среди этих земель был остров Кипр, захваченный Ричардом Львиное Сердце во время Первого крестового похода и переданный французскому семейству крестоносцев – Лузиньянам. Спустя 250 лет Лузиньяны все еще официально распоряжались этим восточным оплотом христианства, хотя фактически делами заправляли итальянские купцы. В 1450 году король Кипра Жан Лузиньян так сильно волновался из-за возможного нападения турок, что обратился за помощью к папе.

Папа Николай пообещал не фактическую помощь, а деньги для оплаты работы наемников, которые должны быть выручены в результате издания сомнительных бумажных листов, известных как индульгенции. «Индульгенция» (от лат. *indulgeo* – позволять, удовлетворять [желание]) – это весьма странное название для документа, теоретически сочетавшего три требования, выполнение которых необходимо для прощения грехов: покаяние, прощение и искупление. Индульгенции (лат. *confessionalia* и нем. *Ablassbriefe* – избавляющие [от грехов] письма) – контракты, посредством которых Церковь удовлетворяла желание каявшегося грешника духовно очиститься. После заполнения в ней полей, отведенных для имени и дат, индульгенция подтверждала, что грешник сделал какое-либо доброе дело (дал милостыню, постился, молился, заплатил деньги), поэтому заслужил прощение каких-либо грехов, совершенных в течение определенного периода времени, например трех месяцев или года. Этой системой часто злоупотребляли, так как священники, отпуская грехи, больше заботились об оплате, а грешники принимали покаяние и прощение на веру и надеялись на искупление. А теперь самое интересное: в особых случаях папа мог придумать какое-либо благое дело, например участие в крестовом походе, при совершении которого, заплатив 4–5 гульденов, можно было получить так называемую полную индульгенцию, или отпущение всех грехов. Подумайте об этом: если вы завтра умрете, у вас есть билет, позволяющий, минуя

чистилище, отправиться прямиком в рай. Эта система, которой злоупотребляли и которую порицали Уиклиф и Гус, позже стала причиной революции. Но в 1450 году она была обычным методом, применявшимся Церковью для зарабатывания денег.

> Индульгенции – контракты, посредством которых Церковь удовлетворяла желание каявшегося грешника духовно очиститься.

Турецкая угроза – отличный повод для выдачи полных индульгенций. В 1451 году папа Николай предоставил королю Кипра Жану Лузиньяну право выдавать полные индульгенции на следующие три года, чтобы заработать достаточное количество денег, необходимых для оплаты наемников, способных защитить Кипр от турков. Принцип действий был установлен, но оставалось еще решить практические задачи, а именно: как быстро изготовить побольше копий индульгенций, продать их и получить деньги. Для сбора денег король Кипра поручил двум своим советникам нанять группу доверенных лиц.

В начале мая 1452 года Николай Кузанский, недавно назначенный епископом Бриксена и все еще путешествовавший со своей великой миссией по Германии, приказал новому настоятелю монастыря Святого Иакова в Майнце изготовить 2 тысячи индульгенций для продажи во Франкфурте до конца месяца. Приказ Николая, вероятно, обрадовал Гутенберга. Перед ним был проект, который мог бы решить его денежные проблемы, связанные с отложенным проектом печати миссала. У него, вне всяких сомнений, должна была остаться бумага после печати «Доната», которую теперь можно было использовать в виде отдельных листов. Хотя единственные сохранившиеся до наших дней индульгенции датируются одним или двумя годами позже, кажется маловероятным, что Гутенберг не воспользовался такой возможностью.

> Индульгенции – проект, который мог бы решить денежные проблемы Гутенберга, связанные с отложенным проектом печати миссала.

До того как Гутенберг сосредоточился на Библии, его вниманием завладел как минимум еще один проект.

В 1892 году под кожаным переплетом конторской книги был найден клочок бумаги размером с почтовую открытку (о том, где именно это произошло, я расскажу чуть позже). На нем было два отрывка из какой-то поэмы, по 11 строк каждый. Шрифт, которым они были напечатаны, являлся очень старым. Как оказалось, это

был отрывок одной из версий «Книг Сивилл». Жанр предсказаний существовал с древних времен. Сивиллы – это пророчицы, имеющие бесчисленные олицетворения в греческой и римской мифологии. Одной из них приписывалось авторство собрания пророческих книг, к которому часто обращались римские правители. У евреев и христиан были собственные «Книги Сивилл», причем непременно в стихотворной форме.

Этот загадочный лист бумаги – часть тюрингской версии, состоявшей из 750 стихотворных строк и имевшей странное происхождение. Ее приписывают Конраду Шмиду, лидеру секты флагеллантов, заявлявших, что спасение можно обрести только посредством самоистязания, а не через священников. Папа предал Шмида анафеме как еретика, и тот был сожжен на костре вместе с шестью собратьями в 1369 году, тем не менее секта просуществовала до XV века, до тех пор пока в 1416 году не сожгли более 300 ее членов. Шмид был заинтересован в дискредитировании официальной Церкви, поэтому в одном из пророчеств Сивилла предрекает раздор в Священной Римской империи, голод и жестокие, тиранические действия пап. Помимо этого, она предвидит воскрешение императора Фридриха Барбароссы (Рыжебородого), правившего в XII веке, который обратит евреев, язычников и мусульман в христианство, объединит христианский мир и возвестит наступление Последнего суда: «Христос будет вершить суд, И за каждый грех придется ответить», на котором тот, кто всю жизнь бичевал себя, вне сомнений, избежит бича дьявола. Эти мрачные строки известны исследователям под тремя названиями: «Книги Сивилл», «Сивиллины пророчества» и «Последний суд», или «Суд мира».

Жанр предсказаний существовал с древних времен.

Волнение усилилось, когда обнаружилось, что буквы напечатаны шрифтом Д-К. В этом шрифте, разработанном для латинского текста, не было прописной буквы *W*, и Гутенберг использовал вместо нее строчную *w*. Чтобы сэкономить бумагу, он не разбил стихи на строки. Текст не был должным образом выровнен по вертикали и горизонтали, отсутствовало выравнивание по правому полю, а некоторые буквы имели несколько вариантов. Этот лист, отпечатанный еще на стадии экспериментирования, мог являться образцом подлинной работы Гутенберга.

Благодаря описанным открытиям найденный клочок бумаги стал типографским аналогом священной реликвии. Мог ли это быть отрывок из первой европейской печатной книги? Если да, то

где и когда она была издана?

Наиболее эксцентричная точка зрения принадлежит каллиграфу и дизайнеру шрифтов и книг из Лейпцига Альберту Капру, умершему в 1995 году. Капр, возглавлявший Лейпцигский колледж графики и книжного дизайна, основывал свои доводы на следующем совпадении: в 1440 году Фридрих III занял германский престол. Он утверждал, что антипапские группировки, поддерживавшие собор, были заинтересованы в том, чтобы распространить пророчества в качестве составляющей пропаганды в пользу Фридриха III, который, по их мнению, должен был стать не менее великим, чем Фридрих Барбаросса. Когда арманьяки – варвары, которых Фридрих спустил с привязи в собственных целях, – терроризировали Страсбург (до 1445 года), репутация Фридриха пошатнулась и никто уже не верил в то, что он мог являться реинкарнацией Барбароссы. Таким образом, Капр утверждал, что пророчества должны быть связаны со Страсбургом и годами пребывания Гутенберга в этом городе. С уверенностью Шерлока Холмса Капр подводит итог: «Я полагаю, что каждый, кто исследует этот фрагмент… убедится в том, что… техника книгопечатания была изобретена в Страсбурге около 1440 года».

> Найденный клочок бумаги стал типографским аналогом священной реликвии.

Но большинство ученых с этим не согласно. Это слишком радикальная точка зрения. Факты, в лучшем случае, говорят об обратном, поскольку упомянутая страница была найдена не в Страсбурге, а в Майнце. Подробный анализ шрифта Готфридом Цедлером в 1904 году показал, что «Книги Сивилл» были напечатаны в одно время с «Донатом», а это, в случае правоты Капра, должно означать, что работа над «Донатом» тоже была начата в Страсбурге, чему нет никаких доказательств. Нет также никаких свидетельств, доказывающих утверждение Капра о внезапном повышении интереса к пророчествам во время восхождения на престол Фридриха III. «Книги Сивилл» всегда были популярны, и в начале XVI века, когда свет увидели несколько десятков их печатных изданий, они все еще пользовались большим спросом. И наконец, тесты, проведенные в Калифорнийском университете в Дэвисе в 1984 году, показали, что краска была той же, что использовались для печати Библии в 1452—1454 годах. Таким образом, нет никаких доказательств того, что книгопечатный процесс происходил в Страсбурге, и, если мнение большинства верно, подобных доказательств не будет никогда, потому что этого никогда не было. «Книги

Сивилл» печатались в Майнце примерно в 1450—1454 годах вместе с Библией.

«Книги Сивилл» печатались в Майнце примерно в 1450—1454 годах вместе с Библией.

* * *

Итак, Библия.

Эта идея, конечно же, возникла не на пустом месте. Она стала кульминацией реформ, которые Николай Кузанский инициировал в предыдущем десятилетии и которые он осуществил после того, как стал кардиналом. В мае 1451 года, перед съездом 70 аббатов-бенедиктинцев под его председательством в Майнце, Николай подчеркивал, что в монастырских библиотеках должны быть качественно переведенные и отредактированные Библии. Как ему к тому времени уже должно быть известно (ведь Гутенберг в течение последних трех лет работал в городе), был лишь один способ реализовать это – отпечатать Библию с единого первоисточника, зафиксированного в металле и позволявшего избежать каких-либо ошибок или местных вариаций.

Но это не значит, что Николай Кузанский дал официальные указания. Он не являлся инициатором проекта. Если бы это было так, тогда имели бы место папское одобрение, обмен письмами, оплата. Но в 1454 году, как минимум, один приближенный к Николаю и к папе прелат выразил свое удивление, узнав о существовании печатной Библии. Однако, возможно, между Гутенбергом и Кузанским были какие-то неформальные договоренности.

Сценарий мог быть следующим.

Гутенберг получает приглашение на частную аудиенцию у своего старого знакомого. Он попадает во временную резиденцию Николая Кузанского через черный вход. Его преосвященство кардинал вспоминает об их студенческих годах и как они мечтали о том, что когда-нибудь вся христианская Европа (а может, и весь христианский мир, включая Византийскую империю, над которой нависла угроза) будет петь, читать и молиться, используя одни и те же тексты. До него дошли слухи, что подобное стало технически возможным и что Гутенберг, вероятно… Да-да, говорит Гутенберг, ведь он как раз приблизился к этому. Кардинал улыбается в знак одобрения. Иоганн мог быть уверен в том, что, если его попытки увенчаются успехом, он

получит поддержку самого папы и, естественно, постоянные заказы на печать миссалов, хоровых книг и, если на то будет воля Божья, Библии. Гутенберг мог намекнуть, что ему было бы проще услужить кардиналу и Богу, если бы он получил хоть небольшой аванс. Ах, если бы! Ведь затраты на тур кардинала по Германии слишком велики. На данном этапе святой отец больше ничем не может помочь. Конечно же, если Иоганн издаст Библию, изготовленную с помощью этого нового искусства, то Николай как епископ приобретет ее для своей церкви в Бриксене. Гутенберг удаляется, ничего не подписывая. Хотя у этой сцены не было свидетелей и Николай, будучи превосходным политиком, не давал громких обещаний, Гутенберг тем не менее уходил, уверенный в том, что получит поддержку Церкви. Возможно, у этой встречи и было какое-нибудь документальное подтверждение, поскольку Николай Кузанский действительно купил копию Библии Гутенберга для Бриксена – сейчас она находится в Вене.

> Николай Кузанский подчеркивал, что в монастырских библиотеках должны быть качественно переведенные и отредактированные Библии.

Я согласен с тем, что здесь слишком много догадок и что все необязательно должно было быть именно так – ведь Гутенберг мог и сам увидеть потенциал. Это был крайне амбициозный проект, не имевший прецедентов, для которого невозможно было точно рассчитать затраты времени и денег. Но во время пребывания Николая Кузанского и его свиты в городе мог появиться такой момент, он должен быть, учитывая целеустремленность Гутенберга. Он был охвачен самой идеей, видением ее красоты, перед которой не устоят никакие препятствия, красоты, превосходящей все, о чем только могли мечтать писцы, которая могла быть воспроизведена во всем своем совершенстве сколько угодно раз – это было наивысшим вознаграждением за его изобретение.

> Николай Кузанский купил копию Библии Гутенберга для Бриксена – сейчас она находится в Вене.

* * *

Но у Гутенберга не было денег. Он снова обращается к Фусту. Можете представить себе всю неловкость ситуации. Прошло три года, а Гутенберг лишь едва покрыл свои затраты с помощью

«Доната», «Книг Сивилл» и индульгенций и даже не выплатил проценты по первому займу. Здесь не все ясно. Первоначально Гутенберг говорил о миссалах и «Донате». Теперь появились другие мелкие предприятия. Он утверждает, что это исключительно его собственные идеи, не являющиеся частью первоначального соглашения, и что вырученные за них деньги он должен вложить обратно в дело.

Помимо всего этого, ему нужно больше денег для открытия второго цеха, необходимого для издания Библии. У него есть на примете одно здание – дом, принадлежащий его далекому родственнику, живущему во Франкфурте. Это дом Гумбрехта, который находится на Шустерштрассе, недалеко от его собственного дома. Он пуст и весьма рентабелен.

Фуст колеблется. Кроме того что он дал Гутенбергу взаймы 800 гульденов, тот должен был ему около 140 гульденов, накопившихся с учетом процентов, не выплаченных за 2–3 года. Но Фуст должен согласиться с тем, что прогресс в обустройстве цеха в доме Гутенберга – со всеми его прессами, формами и шрифтолитейными аппаратами – налицо, и это хорошо, поскольку дом оставлен ему под залог. Жаль, что с миссалами ничего не получилось. Но Фуст также должен согласиться и с тем, что у этого дела большой потенциал, если только Гутенберг сможет реализовать свою идею. Кажется, что единственный способ вернуть деньги – дать ему еще, даже если для этого самому придется брать в долг.

> Прогресс в обустройстве цеха в доме Гутенберга – со всеми его прессами, формами и шрифтолитейными аппаратами – был налицо.

Таким образом, они еще раз повторяют ту же сделку: еще 800 гульденов и еще один договор об уплате процентов.

Теперь Гутенберг мог осуществить свою мечту.

Глава 7
Библия

Чтобы заинтересовать потенциальных покупателей – европейских правителей и духовенство, – печатные Библии Гутенберга не должны уступать рукописным по красоте, необходимо также, чтобы они превзошли их по аккуратности в двух изысканных томах общим объемом в 1275 страниц. Его книги, вполне возможно, послужат толчком к кардинальным изменениям в способе распространения информации, но важно, чтобы это не выглядело слишком революционно, ибо в противном случае никто не станет их покупать. В них пока нет ни одного из тех дополнений, которые мы теперь рассматриваем как неотъемлемую часть книги: титульного листа, содержания, логотипа типографии. Книги должны быть представлены как новая форма письма, а совсем не как печатное издание. Риск был слишком велик. Понадобятся годы, будет затрачено целое состояние, потребуется беспрецедентное техническое и художественное мастерство, не говоря уже об управленческих навыках высокого уровня.

Для начала Гутенбергу нужен был самый лучший экземпляр Библии из всех имевшихся, чтобы отследить каждый символ по отдельности. Всего же в Библии было 290 символов (разные формы букв, 83 лигатуры, 9 знаков препинания, а также знак ударения, указывавший на пропущенную букву).

> Чтобы заинтересовать потенциальных покупателей, печатные Библии Гутенберга не должны были уступать рукописным по красоте и аккуратности.

Затем ему должны были изготовить пунсоны. Это означало год работы для господина Дюнне, если бы он трудился в одиночку. Дюнне понадобилась помощь – и он получил ее, поскольку в источниках упоминаются еще два ювелира: Гётц фон Шлеттштадт и Ганс фон Шпейер. Давайте предположим, что было три гравера-пунсониста, а срок на гравировку пунсонов сократим до четырех месяцев.

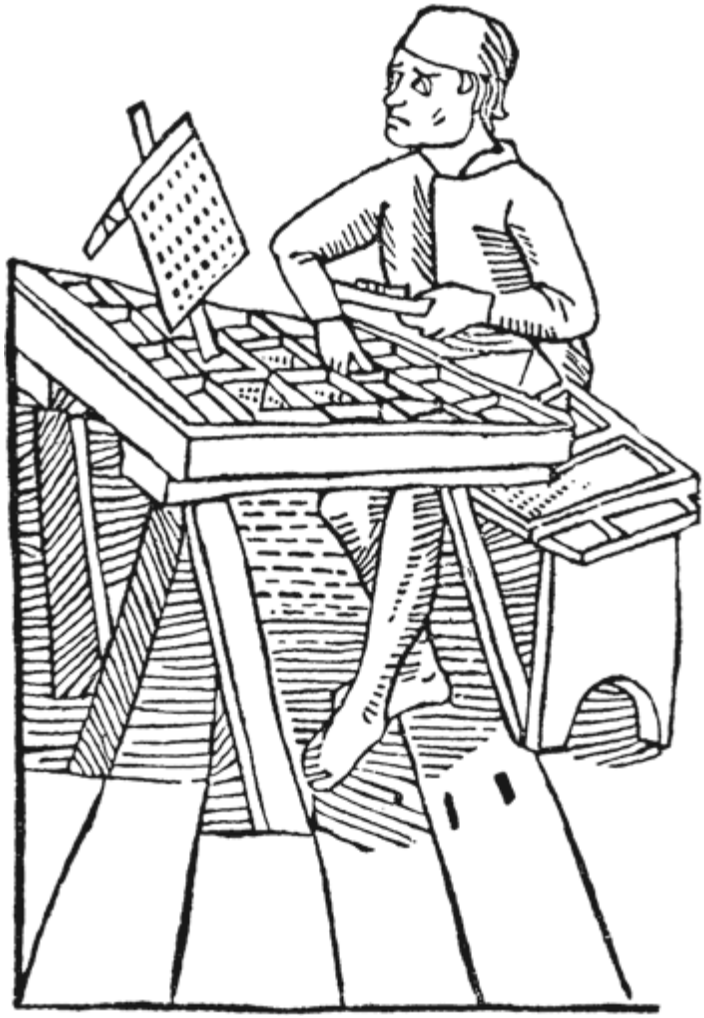
Между тем нужно было заказать пергамент. Сохранившиеся до наших дней 12 экземпляров Библии Гутенберга на пергаменте дают основание полагать, что первоначально было отпечатано около 30—35 экземпляров. На это пошло около 5 тысяч шкурок ягнят, каждую из которых нужно было отделить от меха, умягчить

путем отбивания в чане, обработать золой и мелом, растянуть, высушить и гладко выскрести. На обработку каждой из них уходило не менее месяца – все зависело от времени года. Граверы должны были заказывать пергамент за несколько месяцев вперед.

Но пергамент, по крайней мере, был местным, чего нельзя сказать про бумагу для остатка тиража – около 150 экземпляров (из которых уцелело 37 экземпляров и еще почти 18 фрагментов), что в общей сложности составляет почти 200 тысяч страниц, сделанных вручную и при этом отличающихся высочайшим качеством. В Германии бумага была недостаточно высокого качества. Для Библии она доставлялась сухопутным способом из Италии, о чем свидетельствуют водяные знаки.

Теперь о шрифте. Внимательное исследование свидетельствует о том, что первоначально над ним трудился один человек, затем – два, далее – три, причем каждому свойственны свои, едва заметные особенности набора шрифта. Капр предположил, что каждый работал одновременно над тремя страницами: набирая одну страницу, печатая другую и рассыпая строки набора третьей. Каждая страница Библии содержит в среднем около 500 слов – примерно 2600 символов. Шесть наборщиков, каждый из которых делал по три страницы – так как требовалось 46 тысяч символов, это был минимум, могло быть и больше. Не нужно гравировать заглавные буквицы – место для них лучше оставить пустым, чтобы каждый покупатель мог организовать свою собственную «рубрикацию» согласно отдельно напечатанному руководству. Для изготовления шрифта нужна была группа из трех человек, каждый с ручной литьевой формой с производительностью четыре символа в минуту; на это ушло бы около трех недель. Также требовались выравнивание по высоте, абсолютная грамотность и умение пользоваться современными ручными литьевыми формами. Но раньше никто ничего подобного не делал. Работа могла растянуться на месяцы.

Исследование шрифта свидетельствует о том, что первоначально над ним трудился один человек, затем – два, далее – три, причем каждому свойственны свои, едва заметные особенности.



На гравюре конца XV века наборщик выбирает шрифт для макета.

Расположение было продиктовано прежде всего традициями писарей, которые соблюдали изящное равновесие двух столбцов текста с широкими полями для красоты. Страница размером в половину листа (30,7 × 44,5 см) состояла из двух прямоугольников – целой страницы и ее текстовой области – при подборе размеров основывались на так называемом золотом сечении, которое задает ключевую зависимость между короткой и длинной сторонами. Пропорции сложны для вычисления и представляют собой иррациональное число, как пи, но это соотношение составляет примерно 5:8[2]. Данные пропорции, а их знали еще древние греки, когда строили Парфенон, особенно

приятны глазу, поэтому они были распространены как в архитектуре, так и в искусстве. При наборе эти пропорции оправдывают себя, поскольку, если строка слишком длинная, глазу бывает трудно найти начало следующей, если расстояние между строками не является непропорционально большим, и если строки намного короче, то они выглядят обрубленными. Но поскольку ни текст, ни страница по размерам не соответствуют золотому сечению, Гутенберг, возможно, лишь следовал традиции.

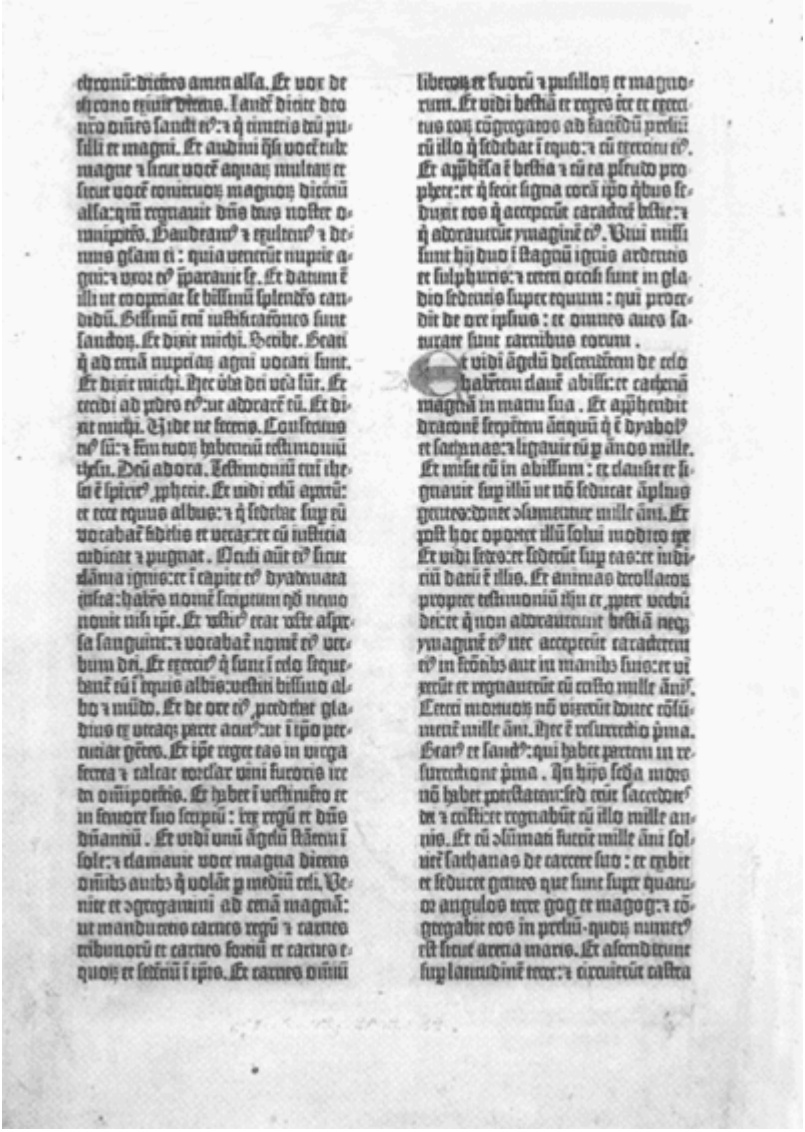
Более того, традиция писарей требовала, чтобы текст не располагался по центру. Сверху и слева оставались широкие поля, которые были вдвое меньше, чем поля справа и снизу, хотя те и другие были строго пропорциональны всему тексту. Гутенберг собирался изменить все это на свой страх и риск.

Одна из особенностей расположения текста на странице, похоже, являлась изобретением Гутенберга, – выравнивание по правому краю. Писари так размещать текст не могли, поскольку, начав строку, не знали наверняка, где она закончится (отсюда все эти сокращения и повторения нескольких букв подряд – ведь они изо всех сил пытались втиснуть свои тексты в жесткие рамки длины строки, но им это не удавалось, и в нижней части страниц получался немного рваный правый край текста). Наборный текст дал возможность реализовать этот идеал писарей путем подгонки уже набранной строки с помощью добавления тонких полосок из свинца между словами. Так реализуется печать вразрядку, очень аккуратная геометрически. Но при этом возникает очередная проблема. Раздвигая слова, чтобы заполнить строку, вы рискуете получить слишком большие пробелы между ними. Задача верстальщика состоит в выработке приятного для глаз баланса между шириной столбца, размером шрифта и пробелами между словами и строками.

Вот что говорит один из мастеров современной типографии, Эрик Джилл, известный как своим эксцентричным сексуальным поведением, так и безупречным художественным вкусом.

Равномерные пробелы являются большим подспорьем для легкости чтения: отсюда и приятность для глаз, поскольку взгляд не спотыкается о шероховатости, неравномерность, суетливость и скученность, которая появляется как результат неравномерности пробелов… Можно сказать, что равномерные пробелы сами по себе желательны, разной же длины строк, наоборот, лучше избегать; видимая равномерность пробелов и одинаковая длина строк могут быть получены, если длина позволяет разместить более 15 слов в строке, но наилучшая длина для чтения – не

более 12 слов.



Размеры двух колонок в Библии Гутенберга в сумме приближаются по занимаемой площади к золотому сечению. У страницы Библии почти те же пропорции. Такие же пропорции имеет площадь, занимаемая текстом на листе многих книг.

В строке Гутенберга помещается в среднем около 5–7 слов. Почему же он выбрал короткие строки? Потому, что Библии были предназначены не для быстрого чтения про себя, а для внимательного чтения вслух. Поэтому он рискнул пойти на

издержки узких столбцов, что, по мнению Джилла, спорно, поскольку «слова и фразы слишком разрезаны». Тем не менее верстка Гутенберга красивая, равномерная и нескученная. Он достиг этого, используя все те маленькие хитрости болеесжатого шрифта писарей, о которых мы говорили, и, кроме того, избежал несколько стерильного вида современной верстки, проявив немного гениальности: он не считал переносы и знаки препинания символами, поэтому они порой выходили за правый край, привнося приятный элемент отдыха для зрения, устраняя строгую четкость общего оформления путем добавления красивого разнообразия деталей. Такого оформления линотипные машины и текстовые редакторы на компьютере либо не могут сделать, либо не делают автоматически. В таком большом количестве аспектов Гутенберг и по сей день остается мастером. Эта маленькая деталь заслуживает более подробного рассмотрения, поскольку показывает, до какой степени он был одержим идеей качества; кажется, что подобная одержимость выходит за рамки здравого смысла. Действительно, технически невозможно добиться того, чтобы отдельные символы выходили за край текста. Однако порой это требовалось из-за знаков переноса. Верстка должна укладываться в шаблон, и необходимость внести в линию еще один знак может ее развалить. Поэтому, чтобы в конце строки мог всегда поместиться знак переноса, *каждая строка должна иметь отступ, достаточный для этого*. Таким образом, ширина столбца основного текста меньше ширины полосы набора на длину знака переноса. Подобная практика быстро попала в немилость, так как наборщики не хотели вникать в такие тонкости. И заставить заниматься этим своих людей (а соответственно, увеличить расходы) – сложное решение, ведь подобную мелочь заметят не все. Немногие и немногие, разве что им кто-то укажет на такой недостаток. Очень правдоподобное объяснение заключается в том, что Гутенберг стремился к совершенству не только потому, что это было кульминацией труда всей его жизни, но и потому, что только совершенство, выходящее за пределы возможностей любого смертного писаря, убедило бы князя или архиепископа совершить покупку. Я думаю, что знак переноса был значимой деталью, видимой лишь внимательному взгляду и доказывающей Его Величеству и Его Высокопреосвященству, что, хотя печатная Библия и похожа на работу лучших писарей, на самом деле она находится на порядок выше, являясь чем-то «сверхписарским», сверхчеловеческим, а следовательно, с оттенком Божественного. Какой правитель, когда ему предоставляют возможность внимательно присмотреться к новой технологии, останется

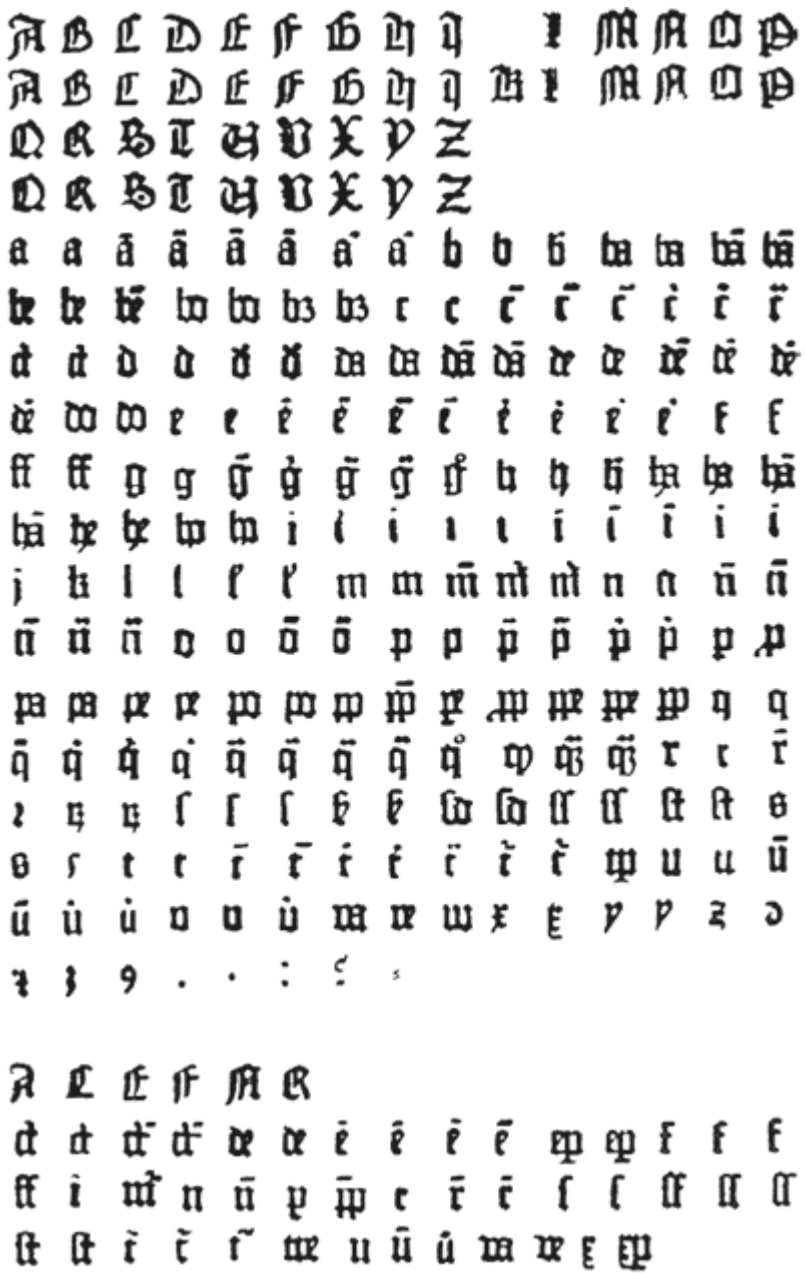
равнодушным и откажется от приобретения книги!

> Верстка в печатной Библии Гутенберга красивая, равномерная и нескученная.

Гутенберг также должен был придумать, как упорядочить страницы. Поскольку в готовой книге листы бумаги согнуты, разрезаны и собраны в тетрадки, страницы не печатаются в прямой последовательности. Нужно было разработать сложную последовательность: пять отпечатанных с двух сторон листов, каждый с четырьмя непоследовательными страницами, собирается в тетрадь из 20 страниц.

Важный аспект верстки – баланс между размером шрифта и межстрочным интервалом. Чем крупнее шрифт и шире интервал, тем больше бумаги необходимо. А чем шрифт мельче и плотнее, тем ниже читабельность, – это хорошо подходит для студенческих «Донатов», но не для Библии, которая должна благословенно лежать на кафедре в соборе. Интервал, размер страницы и шрифта были заданы рукописным образцом. Но никто и никогда не печатал Библию ранее, никто не имел дела с таким большим количеством пергамента и бумаги, не оценивал стоимость такой работы и не знал, какая будет нагрузка, сколько требуется напечатать и какой будет прибыль. Анализируя эти аспекты, Гутенберг столкнулся с вечной дилеммой «цена – качество». Как сбалансировать эти два аспекта на фоне столь многих неизвестных?

> Важный аспект верстки, над которым трудился Гутенберг, – баланс между размером шрифта и межстрочным интервалом.



Шрифт 42-строчной Библии Гутенберга.

Что ж, Иоганн Гутенберг совершил ошибку. Он выбрал 40 строк в столбце и начал печатать. Было напечатано уже около 180 экземпляров первых девяти разворотов (страницы 1–9 и 257—263), когда Гутенберг остановил прессы и выполнил повторные расчеты. Используя те же настройки, но немного уменьшая

пробелы, он мог добиться большего количества строк на странице и экономии места. Но книга в этом случае рисковала выглядеть непрезентабельно. Тогда Гутенберг попробовал уменьшить пробелы – и на 10-й странице уместилась 41 строка. Текст выглядел прекрасно, и Гутенберг предпринял последний шаг – сделал 42 строки на странице, экономя 5 процентов от стоимости пергамента и бумаги. В результате появилось это прекрасное творение, известное как 42-строчная Библия, хотя на самом деле количество строк не везде одинаково.

Это возможное краткое описание процесса, о котором на самом деле ничего не известно. Последнее обстоятельство и является причиной того, что специалисты выстраивают различные версии. Эксперты изучили каждую точку, но споры продолжаются до сих пор, и каждый при этом полон уверенности в том, что именно он знает, когда, где и каким образом был реализован каждый прием.

> После многих экспериментов появилось прекрасное творение, известное как 42-строчная Библия.

Поиски продолжаются. В декабре 2000 года американский ученый Пол Нидем, сотрудник библиотеки Шайде в Принстоне, поставил под сомнение всю теорию изготовления шрифтов методом штампования, основанным на использовании печатных форм. Шайде – филантроп, чей дед сделал состояние на нефти и собрал коллекцию ранних книг и рукописей, среди них – единственная Библия Гутенберга, находящаяся в частном владении, и папская булла 1456 года, напечатанная Гутенбергом для папы Калликста III, призывающая к крестовому походу против турок. Нидем пожелал изготовить факсимильный вариант буллы и вместе со своей коллегой в библиотеке Шайде, Джанет Инг Фриман, приступил к анализу каждой буквы, каждого знака, каждой лигатуры – чтобы точно установить, сколько элементов шрифта использовал Гутенберг. Это было трудной задачей, потому что, если рассматривать элементы в микроскопических деталях, видны незначительные изменения, вызванные, вероятно, случайным растеканием краски на плохо впитывающей бумаге или некоторым дефектом шрифта. Чтобы убрать этот типографский «шум», Нидем обратился за помощью к молодому компьютерному гению, Блезу Агуэра-и-Аркас, который создал программное обеспечение специально для ученого. И Нидем обнаружил нечто совершенно удивительное: после исключения всех случайных элементов оказалось не каких-то несколько видов каждой буквы – их были целые десятки. Например, буквы *i* имели не менее 94 дугообразных точек вверху и 35 различных элементов

в самом символе. Может быть, это иллюзия, вызванная изменениями краски, бумаги или давления при печати? Очевидно, нет, поскольку все формы появляются от двух до восьми раз. Понятно, что случайный дефект повториться много раз не может. Аналогичные особенности есть и в других образцах шрифта Д-К, например знак переноса в 36-строчной Библии, напечатанной в Бамберге в 1461 году.

> Ученый Пол Нидем вместе с Джанет Инг Фриман приступил к анализу каждого символа, чтобы точно установить, сколько элементов шрифта использовал Гутенберг.

Это подтверждает удивительную гипотезу: шрифт не изготавливался на основе печатных штампов – по крайней мере не так, как все считают. Действительно, для чего Гутенбергу нужно было делать тысячи пунсонов с целью создания вариаций, не видимых невооруженным глазом? Одна из возможностей, предполагает Агуэра-и-Аркас в статье, опубликованной в 2003 году, состояла в том, что каждый отдельный фрагмент буквы сформирован очень простым пунсоном. Изготовители шрифтов время от времени производили связанные лигатурой буквы путем объединения двух пунсонов, например изготавливая *AE* с помощью пунсонов *A* и *E* вместо того, чтобы делать новый пунсон. Вероятно, аналогичный метод был использован на 35 буквах *i* и их 94 точках. И, возможно, Гутенберг работал со шрифтом, отлитым не из общей матрицы, а из многих временных матриц, изготовленных из свинца, песка, глины, гипса и даже папье-маше. Агуэра-и-Аркас пришел к выводу: логично предположить использование временных матриц в сочетании с «элементарными пунсонами», которые позволили бы изготовителю шрифтов создать эти матрицы из нескольких дополняющих друг друга фрагментов.

Что ж, возможно. Но пока загадка остается неразгаданной: традиционная точка зрения заключается в том, что Гутенберг «должен был» использовать пунсоны и печатные формы, а также матрицы и ручные литьевые формы. Однако ей противоречит новая и, по-видимому, более точная теория, основанная на доказательствах того, что Гутенберг мог не делать ничего подобного. Именно к такому выводу пришли японские исследователи, которые наложили оцифрованные буквы из Библии друг на друга, чтобы выявить аналогичные мельчайшие различия. Мы ждем решения.

> Возможно, Гутенберг работал со шрифтом, отлитым

не из общей матрицы, а из многих временных матриц, изготовленных из свинца, песка, глины, гипса и даже папье-маше.

Напечатать этот гигантский двухтомник, содержащий 3 миллиона символов, – чрезвычайно серьезный труд. Представьте, как шесть наборщиков и 12 печатников, по двое у одного пресса, размещают металлические наборы страниц, наносят чернила большими мягкими кожаными шарами в форме спонжа для пудры, укладывают бумагу или пергамент, перемещают каретку на место, вращая колесо, приближают элементы пресса друг к другу, точно чувствуют необходимую силу давления. В документах имена нескольких участников группы – Нумайстер, Шписс, Кранц, Драх и восемь других – упоминаются лишь мимоходом, без указания того, кто и в какой из двух мастерских какую работу выполнял. Однако очевидно, что была экономия благодаря масштабности производства и разделению труда; при этом типографский материал выпускался в мастерской Гутенбергхоф, а окончательная сборка Библии производилась в Хумбрехтхоф. Мастера и их помощники – команда из двадцати с лишним или тридцати человек. Одни из них работали у себя, а другие в двух домах-мастерских. И всех этих людей объединяли вдохновение, эстетическая гениальность, организационные навыки и техническое мастерство Гутенберга.

* * *

За Библией, наиболее грандиозным проектом, последовали и другие – их количество возросло в результате события, ошеломившего христианский мир. В мае 1453 года жители Константинополя убедились в том, что ни Бог, ни Пресвятая Дева Мария, ни крепостные стены, ни цепь гаваней не способны защитить город от нападения почти 80 тысяч турецких воинов (некоторые горожане утверждали, что их было 300 тысяч), вооруженных 8,5-метровой пушкой из бронзы – чудовищным оружием тяжелой артиллерии, способной смести с лица земли абсолютно все. Транспортируемая 60 волами на специальной телеге, она выстреливала шарообразными камнями весом в полтонны в направлении двойных крепостных стен города 1–2 раза в час с расстояния более километра. Через две недели турки нашли небольшую дверь, оставленную открытой отступавшими греками. Город пал 29 мая. Его великий Софийский собор стал мечетью, а Мехмет, новый император второго Рима, превратил

город в столицу исламской империи, простиравшуюся до Болгарии и угрожавшую христианской Европе – а такого не было с тех пор, как двумя столетиями ранее монголы разграбили Польшу и Венгрию.

> За Библией, наиболее грандиозным проектом, последовали и другие.

Гутенберг был не из тех, кто упускает подобный случай. Он бросился печатать календарь, который также являлся «предупреждением для христианского мира против турок», месяц за месяцем публикуя довольно нескладные стихи с призывом к европейским правителям, начиная с папы (январь), объединиться. Сентябрь призывал к оружию: «Германия, ты благородная немецкая страна», а заканчивался календарь первым печатным поздравлением с Новым годом и пожеланием: «Хорошего святого Нового года» (1455).

Между тем индульгенции в изобилии сходили с прессов его типографии – именно с прессов, во множественном числе, поскольку заголовки в 50 уцелевших индульгенциях набраны двумя типами шрифтов, да еще в нескольких вариантах. Это результат работы двух разных мастерских, штамповавших индульгенции тысячами на продажу во Франкфурте, Майнце и Кёльне. Один из шрифтов – Д-К, использовавшийся для грамматики Доната, отпечатанной в типографии Гутенбергхоф. Помимо этого, применялся такой же шрифт, как и в первом издании Библии, что доказывает: проекты Гутенберга пересекаются во времени.

Печатная мастерская XVII века: набор текста (справа), нанесение краски на печатные формы (слева), печатание (в

центре сзади) и корректура (справа сзади)

* * *

Материал для трех печатных прессов подготавливали наборщики (до шести человек), работая до изнеможения и прерываясь на отдых только в дни религиозных праздников. Гутенберг и его команда смогли напечатать 42-строчную Библию – 180 экземпляров, а это более 230 тысяч страниц, причем для каждой из них создавалась отдельная форма. Для реализации данного проекта потребовалось два года напряженной работы, в течение которых мастерская выполняла также и другие заказы. К осени 1454 года Библия была готова.

Доказательство (первые упоминания о нем появляются в 1982 году) – письмо, написанное будущим папой Пием II, Энеа Сильвио де Пикколомини – человеком, заслуживающим того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Гуманист, вольнодумец, ученый, писатель и путешественник, Пикколомини – итальянский коллега и хороший друг Николая Кузанского. Пикколомини был старшим из 18 детей сиенского помещика, изучившего свою родословную до Ромула и потому назвавшего своего сына Энеа в честь римского героя. Энеа начал с более низкого уровня, чем Николай, к тому же на старте его карьера была довольно рискованной, но, поскольку итальянцы всегда добивались успеха в Церкви, он поднялся выше Кузанского. Местный священник научил Пикколомини писать, поэтому он смог уехать из семейного поместья и поступить в Сиенский университет, а затем устроиться на должность секретаря местного епископа. На Базельском соборе он был секретарем нескольких прелатов, посетил Англию и Шотландию в качестве секретного агента и стал секретарем антипапы Феликса V – не слишком удачный пост, потому что Феликс был последним из антипап. Состояние Пикколомини начало накапливаться с 1442 года, когда германский король Фридрих III, подбирая хорошо обученных специалистов, переманил его на сторону папы римского.

Гуманист, вольнодумец, ученый, писатель и путешественник, Пикколомини – итальянский коллега и хороший друг Николая Кузанского.

Попутно Пикколомини занялся литературой, написав на латыни роман, основанный на любовной истории его наставника при дворе, имперского канцлера Каспара Шлика. «История двух

влюбленных» – один из самых ранних настоящих романов, гораздо более объемных, чем новеллы «Декамерон» Боккаччо. Кроме того, это самый ранний эпистолярный роман – форма, доведенная до совершенства Ричардсоном в произведении «Памела» и Лакло в романе «Опасные связи» 300 лет спустя. И даже если не рассматривать значимость этого произведения с литературной точки зрения, можно сказать, что он действительно удался. Забавный, романтичный, умный, с сексуальным оттенком, этот роман, публиковавшийся во многих европейских странах, в течение двух столетий оставался одним из самых популярных. Данное произведение не очень хорошо известно в наше время, но, издатели, примите к сведению: если кто-нибудь переведет его, оно будет популярно и сегодня. Однако Пикколомини не одобрил бы этого, поскольку, став папой, отказался от своего произведения, не бросив тем не менее привычку писать. Он стал единственным папой за всю историю, написавшим свою автобиографию.

> «История двух влюбленных» – один из самых ранних настоящих романов.

Едва только экземпляры романа «История двух влюбленных» увидели свет, Пикколомини решил принять духовный сан. Таким образом, он был в состоянии помочь Николаю Кузанскому составить соглашение 1447 года, которое сподвигло немецких князей на восстание против городских советов, и поддержать папу Евгения, который провозгласил Николая Кузанского кардиналом. Евгений вознаградил Пикколомини, назначив епископом Триеста, а преемник папы Николай V повысил его до епископа Сиены. В 1454 году Пикколомини получил задание поднять немецких князей на борьбу с турками, что и произошло во Франкфурте в октябре того же года. Это были смутные времена. Пикколомини уговаривал имперское священство предоставить 10 тысяч воинов для крестового похода на Турцию, а в это время уличные торговцы продавали индульгенции, отпечатанные Гутенбергом, чтобы заплатить им.

Именно во Франкфурте Пикколомини увидел нечто удивительное: красиво отпечатанные Библии на продажу. Слухи распространяются быстро, и его испанский начальник, кардинал Хуан де Карвахал – тот, кто был в Майнце папским легатом с Николаем Кузанским в 1448 году, – прислал из Рима письмо с просьбой как можно более подробно рассказать об увиденном. В своем ответе, написанном в марте следующего года из Вены, где он расположился при императорском дворе, Пикколомини обратил внимание на срочность запроса от Карвахала,

направленного «курьером быстрее, чем Пегас. Но довольно шутить об этом».

Об этом необычном человеке, которого видели во Франкфурте, я не слышал ни единого плохого слова. Я не видел полных Библий, но видел квинтернионы [секции из пяти листов, или 20 страниц] из различных книг, написанные без ошибок, изысканными и правильными буквами, которые Ваше Преосвященство сможет легко читать без очков.

Согласно данным Пикколомини, было напечатано 158 копий, а возможно, и целых 180. То, что точный размер тиража не был известен, вполне понятно, так как в процессе производства он был увеличен, чтобы максимально удовлетворить спрос. В то время как Пикколомини это писал, некоторые копии уже достигли Вены. Далее он говорит о том, что мог бы попытаться купить для Карвахала полную Библию, но сомневается в том, что это удастся, – «потому, что для этого придется совершить длительное путешествие, и потому, что еще до того, как книги были готовы, они говорили, что покупатели уже найдены».

Было бы мило, если бы «необычным человеком», о котором говорил Пикколомини, в действительности являлся Гутенберг, и было бы еще лучше, если бы они встречались. Из весьма туманного первого предложения создается впечатление, что у Пикколомини была некоторая предварительная информация, проверенная им лично, о человеке, с которым он не встречался. Нам известно только то, что кто-то продавал непереплетенные Библии, вышедшие прямо из-под пресса. Скорее всего, это был Фуст, который реализовывал свои коммерческие интересы, отправляя помощников к покупателям с печатными фолиантами, в то время как Гутенберг возобновил свою деятельность в Майнце.

Начиная писать эту книгу, я хотел ощутить то же удивление, которое чувствовал Пикколомини, и прикоснуться к Библии Гутенберга. В Британской библиотеке имеется пара копий: одна напечатанная на бумаге, другая – на пергаменте. Я часто там бываю, но никогда не делал запрос, полагая, что эти книги должны храниться в условиях священной неприкосновенности. Дотронуться до этих драгоценных и (как я считал) хрупких страниц? Это доступно лишь академической элите, к которой я не принадлежал.

Чтобы превзойти конкурентов-писцов, Гутенберг сделал свои Библии достаточно прочными, что дало им

возможность храниться веками.

В действительности же, когда я об этом спросил, то был удивлен ответом. Чтобы превзойти конкурентов-писцов, Гутенберг сделал свои Библии достаточно прочными, что дало им возможность храниться веками. Джон Голдфинч из Британской библиотеки с удовольствием показал мне одну из них. Недра библиотеки такие же безопасные и чистые, как мраморная гробница, и я был уверен в том, что к этой священной реликвии должны приближаться в перчатках и масках. Но когда Джон принес один из двух хранящихся в библиотеке томов в читальный зал, то просто положил его на стол и позволил мне листать страницы.

Да, я был одним из немногих избранных. Но, как сказал Джон, это потому, что не многие ученые в наше время ощущают потребность почувствовать сам предмет. Цифровая версия настолько хороша, что удовлетворяет запросы почти всех исследователей. Но ничто не сможет заменить сам предмет. Это тончайшие, сделанные вручную рисунки растений и книг на нескольких первых страницах (пролог святого Иеронима, Книга Бытия и Книга притчей), а также блестящие капли из тонкого листового золота; плотные, толстые страницы; красные, просвечивающиеся с обратной стороны буквицы и черная краска рельефных букв. Я чувствовал их шероховатость. В некоторых местах буквы проступали на обратной стороне страницы. Даже слепой человек смог бы прочитать эти слова.

– Вспоминается теория шести рукопожатий, – сказал я наконец. – Гутенберг прикасался к этим страницам. Ко мне, должно быть, перешло несколько его молекул.

Джон засмеялся:

– Возможно. Но эта копия принадлежала Георгу III. Перед тем как переплести, ее, вероятно, разобрали и постирали.

– Постирали?

– Да, они хотели избавиться от сносок на полях, которые здесь были. Вот одна из них – вероятно, они обозначали место начала и окончания чтения.

Какое удивительное сочетание технологии и искусства! И не менее удивительно то, что эта прекрасная вещь родилась в Германии, а не в ренессансной Италии. Как говорит Альберт Капр, «удивительно, что эта первая европейская печатная книга была настолько прекрасной и мастерски сделанной, что последующим поколениям, вплоть до наших дней, редко удавалось приблизиться к ее великолепию и никогда не удавалось превзойти. Благодаря правильности набора,

однородности черной краски печати, гармоничности дизайна и многим другим аспектам эта книга является шедевром, к которому мы вряд ли можем стремиться в современных условиях. За подобным достижением могла стоять лишь личность, вдохновленная страстным стремлением к совершенству и способная передать это стремление и энтузиазм своим коллегам».

* * *

По возвращении в Майнц дела Гутенберга пошли весьма плохо.

Для справки

К началу 1452 года Гутенберг занял 800 гульденов, чтобы обустроить книгопечатный цех, в котором его команда работала над «Донатом», «Книгами Сивилл» и, возможно, индульгенциями, чтобы получить дополнительный заработок, пока готовился проект, который должен был окупить все, – миссал. Но неожиданно он был остановлен. Теперь важным проектом должна была стать Библия. Но цех Гутенберга работал на полную мощность. Остановить его было нельзя. Требовалось расширение. Он сообщает об этом Фусту и получает еще денег на открытие второго цеха, предназначенного, вероятно, для одной лишь Библии. Но этот цех также нуждался в притоке денег, поэтому, как только он был обустроен, Гутенберг перенес в него некоторые второстепенные работы, в частности (как можно понять из шрифта) часть прибыльных индульгенций. Между тем даже малейшая часть доходов не шла на выполнение условий договора с Фустом. Если бы какой-нибудь аудитор сумел перенестись во времени, то, возможно, обнаружил бы, что здесь что-то вышло из-под контроля. Даже если бы Гутенберг начал выплачивать деньги своему кредитору, ему сложно было бы определить, какая часть дохода по праву принадлежит Фусту, а какая – ему.

Вот что мог обнаружить наш гипотетический аудитор (подробнее см. в приложении I).

Итоги	Гульдены
Затраты (в том числе долги)	4500
Полученный доход	4000
Планируемый доход	5000
Доход в 1455 году	нулевой или отрицательный
Планируемый доход, минимум	4500

Наш аудитор мог бы также прийти к выводу, что в начале 1455 года Гутенберг увидел свет в конце тоннеля. Если бы Библия хорошо продавалась, Фуст и Гутенберг покрыли бы все свои затраты и заработали бы по 2 тысячи гульденов каждый – этого достаточно для того, чтобы купить 20 приличных домов. Все, что им было нужно, – это сохранять спокойствие.

* * *

Но в самый разгар этих творческих исканий, примерно в середине 1455 года, когда была напечатана 42-строчная Библия и приняты предварительные заказы, когда деньги должны были вот-вот поступить, а слава и фортуна фактически стояли у порога, Фуст все испортил.

Это страшная и печальная история. Фуст подал иск с требованием вернуть деньги – всего 2026 гульденов. Гутенберг не мог заплатить, что Фусту наверняка было известно, поскольку все деньги были вложены в производство и продукцию, в частности главное сокровище мастера, которое, как утверждал Фуст, принадлежало ему на правах залога. Проводились слушания, вызывались свидетели, было принято предварительное решение. В ноябре нотариус Ульрих Гельмашпергер сделал запись о последнем слушании, во время которого Фуст должен был поклясться, что все его показания, данные во время предыдущих слушаний, правдивы. Возможно, их не признали бы правдивыми, если бы у Гутенберга оказались какие-либо новые доводы, позволявшие оспорить иск.

Нотариальный акт Гельмашпергера, как величественно именуют этот краеугольный камень исследователи жизни Гутенберга, представляет собой один пергаментный лист размером с большую настольную книгу, хранящийся в стеклянном футляре в библиотеке Гёттингенского университета. В действительности он написан не самим Гельмашпергером. Это дословная копия его оригинальных заметок на местном диалекте с превосходно скомпонованным текстом и с несколько непрофессионально выполненным украшением прописной буквы первой фразы: *In gottes namen, amen* … («Именем Господа, аминь…»)

Гельмашпергер описывает одну яркую сцену на слушании, проводившемся в рефектории монастыря Босоногих Братьев нищенствовавшего францисканского ордена. (Церковь и монастырские помещения, находившиеся рядом с соборной площадью, недалеко от того места, где ныне располагается театр, были разрушены в XVIII веке.)

Четверг, 6 ноября, время близится к полудню. В зале находятся монахи, возможно, готовящие обед.

Гельмашпергер тоже здесь, держит наготове перья и бумагу; рядом с ним дюжина свидетелей. Один из присутствующих – помощник Гутенберга Петер Шёффер, приемный сын Фуста, который, должно быть, уже почувствовал, к чему все идет, и приготовился покинуть корабль. Фуст прибывает по расписанию вместе со своим младшим братом Якобом. Гутенберга все еще нет.

> В середине 1455 года, когда была напечатана Библия и приняты заказы, когда деньги должны были вот-вот поступить, а слава и фортуна стояли у порога, Фуст все испортил.

Якоб шепотом спрашивает о том, собирается ли появиться обвиняемый. В этот момент в зал входят три человека: бывший священник церкви Святого Христофора, находившейся рядом с Гутенбергхофом, Генрих Кеффер и Бехтольф фон Ханау, слуга Гутенберга и его лакей.

«Что они здесь делают?» – спрашивает Фуст. Они отвечают, что их послал Гутенберг, для того чтобы узнать, что будет сказано. Таким образом, очевидно, что никаких новых показаний или доводов не предвидится. Гельмашпергер, вероятно, поднял брови, спрашивая: «И что теперь?» – потому что нетерпеливый ответ Фуста был зафиксирован послушным нотариусом.

Тогда Иоганн Фуст заявил, что он желает придерживаться своего расписания и что, поскольку он ждал до 12 часов и все еще ждет своего оппонента Иоганна Гутенберга, который не соизволил явиться лично, он готов услышать вердикт по первому пункту его иска.

Затем кто-то зачитал его иск с требованием выплатить 2026 гульденов. Во время предыдущих слушаний, ход которых теперь был кратко изложен, Гутенберг уклонялся от ответственности. Он признавал первые 800 гульденов и проценты, но утверждал, что они были предназначены для покупки оборудования и не должны были возвращаться. Что касается второго займа в 800 гульденов, то Гутенберг с удовольствием объяснил, на что ушли деньги, и заявил, что со стороны Фуста нечестно что-либо требовать, поскольку финансы были предназначены для «работы над книгами». Обратите внимание, что упоминаний о том, какие именно книги имелись в виду, нет. Можно предположить, что речь шла о множестве различных книг, а также обо всем, что имело отношение к их изготовлению, – о прессах, пунсонах, шрифтолитейных формах, бумаге, – поскольку эта фраза выглядела бы слишком высокомерной, даже кощунственной, если бы имелась в виду одна лишь Библия. В интересах Гутенберга было подчеркнуть то, что это было совместное предприятие, которое в перспективе принесет совместную прибыль. Таким образом, он надеялся, что ему не придется платить.

Итак, ничего нового. Гельмашпергер принимает решение о том, что Гутенберг должен разобраться со своими счетами и

выплатить все деньги, которые пребывали в их совместном пользовании. И если Фуст сможет доказать, что ему самому пришлось занимать деньги и выплачивать проценты, то Гутенберг должен также вернуть и эти проценты.

Фуст подтвердил свои требования и поклялся в их правдивости, положив руку на священные реликвии, которые держал Гельмашпергер, чтобы заручиться помощью Бога и святых. Слушание закончилось.

* * *

Эта история представила Фуста не в самом лучшем свете. Историки, симпатизирующие Гутенбергу, чаще всего называют его кредитора циничным коммерсантом, чинившим препятствия как раз в тот момент, когда можно было наверняка завладеть всем имуществом своего выдающегося партнера, и как раз перед тем, когда тот смог бы выплатить долги. Это можно рассматривать как подлый и мстительный поступок, грубо выражаясь, законченного мерзавца.

Однако Гутенберг кажется на удивление податливым для человека, ранее показавшего, что ему не чужда грубость (помните, как он отправил Никлауса фон Вёрштадта в тюрьму в Страсбурге и как он судился во Франкфурте, чтобы вернуть долги?). Его нынешнее поведение говорит о более умеренных взглядах. Гутенберг был достаточно хорошим предпринимателем, чтобы понимать, что он ходил по скользкому пути на протяжении последних шести лет (или даже больше: ему еще надо было вернуть 80 динаров, взятых взаймы в Страсбурге, а также 150 гульденов, которые он одолжил у своего кузена Арнольда). Теперь Гутенберг сделал ошибку, затеяв выполнение других проектов одновременно с Библией. Фуст фактически обвинял его в мошенничестве, если не в хищении денег, и Гутенберг знал, что тот в некотором смысле прав.

Историки, симпатизирующие Гутенбергу, чаще всего называют его кредитора циничным коммерсантом.

Вот как все должно было представляться Фусту и его друзьям.

Как нам известно, сделанные Фустом капиталовложения должны были вот-вот окупиться, особенно большая ставка делалась на получение дохода от издания Библии. Но это мы говорим, оглядываясь на прошлое: когда Фуст совершал этот поступок и даже во время судебного разбирательства, у него не было гарантий, что он вообще когда-нибудь что-то получит. Его

деньги ушли, прибыли тоже не было. Он находился в яме, которая становилась все больше. Фуст терял терпение, ему нужно было гарантировать и контролировать приток денег. Они с Гутенбергом были не близкими друзьями, а деловыми партнерами. Фуст сделал то, что он считал необходимым, а Гутенберг, следует отдать ему должное, не просил дополнительного времени. Он знал правила, знал, что закон не на его стороне и что ему некого винить, кроме самого себя.

Для полноты картины не хватает фактического результата, и нам следует его найти. По сути, сумма, которую должен был выплатить Гутенберг, не имеет значения, потому что он не мог ничего заплатить. Формально все оборудование наверняка было отдано под залог Фусту. Он хотел вернуть свои деньги и контролировать прибыль. Полученная им сатисфакция очевидна: он получил второй цех с прессами и продукцией – Библией, – и с того времени начал вести дела самостоятельно.

Гутенберг знал правила, знал, что закон не на его стороне и что ему некого винить, кроме самого себя.

Являлся ли этот поступок местью? Я бы сказал, что он был продиктован прагматизмом. Это, в конце концов, бизнес, а бизнес не подразумевает мести. Фуст мог потребовать большего и попытаться завладеть всем бизнесом. Но они, очевидно, достигли соглашения: Гутенберг сохранил за собой Гутенбергхоф с его единственным прессом и трудовыми контрактами (и, возможно, литерами 42-строчной Библии, судьба которых все еще остается загадкой), а Фуст, по доброте душевной, вернув свои деньги, позволил Гутенбергу получить его долю от продаж Библии. Таким образом, Фуст не был законченным мерзавцем.

Так на волне успеха Гутенберг утратил контроль над своим творением, а Фуст стал главным книгопечатником Майнца.

Гутенберг сохранил за собой Гутенбергхоф с его единственным прессом и трудовыми контрактами.

Глава 8
Колофон

Фуст покинул рефекторий монастыря Босоногих Братьев, став единоличным собственником цеха в Гумбрехтхофе и получив все права на детище Гутенберга – 42-строчную Библию. Он также мог столкнуться со следующей проблемой: производство принадлежало ему – вместе со всеми прессами, пергаментом, чернилами и бумагой, – но какая от него польза без команды специалистов, которая бы им управляла? Но в действительности такой проблемы не возникло, так как судебный процесс длился несколько месяцев и у Фуста было время, чтобы все спланировать. Во время слушаний он завербовал самого ценного помощника Гутенберга, Петера Шёффера, сделав ему предложение, заключавшееся, по сути, в следующем: у твоего шефа проблемы – он задолжал денег и не может заплатить. Ты понимаешь, чем закончится этот судебный процесс и не хочешь остаться без работы, а я не хочу остаться без специалиста-книгопечатника, поэтому, если решение суда оправдает наши ожидания, цех в Гумбрехтхофе твой, мой мальчик. Что-нибудь подобное должно было иметь место, так как Петер Шёффер присутствовал на последнем слушании дела в качестве независимого наблюдателя, а не свидетеля со стороны Гутенберга.

Шёффера не нужно было долго убеждать, так как он был больше близок к Фусту, чем к Гутенбергу. Когда умер отец, Петер был еще совсем юным и Фуст усыновил его. Фуст воспитывал Петера, помог ему окончить Эрфуртский университет (где, возможно, учился и Гутенберг) и отправил его в Париж, где тот стал писцом, возможно, планируя сделать карьеру в Церкви. Около 1452 года Петер вернулся в Майнц или же его привез туда Фуст, чтобы сделать помощником Гутенберга, – ведь, будучи каллиграфом, гравировщиком и рисовальщиком, он являлся отличной кандидатурой на эту должность. Талантливый, амбициозный, но склонный к жестокости, он великолепно дополнял мастерство и технические навыки Гутенберга, а также коммерческую хватку Фуста. Все эти качества во многом помогли Петеру. Впоследствии он женится на дочери Фуста Кристине, унаследует дело и станет первым международным книгопечатником и торговцем книгами.

Фуст стал единоличным собственником цеха в

Гумбрехтхофе и получил все права на 42-строчную Библию.

Его карьера полна парадоксов. Кто-то может сказать, что Петер подложил свинью своему наставнику, уйдя от него к Фусту, но благодаря этому он смог продолжить дело своего учителя и представить изобретение миру. Петер осознанно пытался присвоить все права на изобретение себе и своему приемному отцу (и тестю), причем настолько успешно, что 60 лет спустя известный историк писал о том, что именно Иоганн Фуст был первым, кто «придумал и разработал книгопечатное искусство», а о Гутенберге упоминал лишь бегло. Людям, встречавшим Шёффера в середине 1450-х годов, следовало восхищаться его талантом, но при этом быть бдительными.

Практически нет сомнений в том, что автором идеи о следующем большом книгопечатном проекте, не менее грандиозном, чем Библия, – Майнцском псалтыре – был Гутенберг. Этот проект наверняка был задуман Гутенбергом ранее, и, возможно, о нем также думал Николай Кузанский. Кроме псалмов, Майнцкий псалтырь содержал хвалебные песни, молитвы, отрывки из Старого и Нового Заветов, коллекты, литании, заупокойные молитвы и собрание стихов для религиозных праздников.

Петер Шёффер осознанно пытался присвоить все права на изобретение себе и своему приемному отцу.

Это настолько впечатляющий проект, что Гутенберг вряд ли мог работать над ним, когда Библия все еще находилась в печати, с чем ученые в основном согласны. Эта 350-страничная книга привнесла в историю книгопечатания и дизайна книг новые отличительные элементы: две новые гарнитуры шрифта, вычурные заглавные буквы в каждой из 288 строф, украшенные филигранным орнаментом из тонкого, как нить, металла, причем иногда внутри букв находились рисунки (например, внутри главной вертикальной линии буквы *B* была выгравирована собака, охотящаяся на птицу), а для печати прописных букв использовалось два цвета – красный и синий. (Недавние исследования показали, что Гутенберг заложил основы печатной рубрикации еще в 42-строчной Библии, где встречались некоторые прописные буквы, которые практически невозможно было отличить от нарисованных вручную.) Фразы и предложения тоже начинались с красных прописных букв, подражая обычаю писцов отмечать начальные буквы красным цветом для того, чтобы было легче читать текст. Первая буква каждой строфы

содержала как красный, так и синий цвет в чередующейся последовательности: если буква красная, то орнамент синий, и наоборот. Эта двухцветная печать (трехцветная, если считать черный цвет) могла быть выполнена только посредством отдельного закрашивания текста (черным), прописных букв (красным), инициалов (красным/синим) и орнаментов (синим/красным) с аккуратной заменой элементов формы и печатью до того, как высохнет краска.

Создание этого удивительного творения должно быть начато под руководством Гутенберга, но из-за разрыва с Фустом, когда книга вышла из печати, он уже не участвовал в деле. Вследствие этого мы имеем еще одну инновацию, еще одно неприятное выражение эго Фуста и Шёффера – Псалтырь стал первой книгой, содержавшей выходные данные издателя.

Настоящий текст Псалтыря, украшенный благородными прописными буквами и разделенный на соответствующие рубрики, стал возможным благодаря гениальному открытию печатания и формирования букв без использования пера и был завершен с прилежным почтением перед великолепием Господа Иоганном Фустом, гражданином Майнца, и Петером Шёффером из Гернсхайма в 1457 году, в канун Успения Богородицы [то есть 14 августа].

Сохранившаяся (в Вене) копия также содержит эмблему Фуста и Шёффера – два висящих на ветке щита.

Это был первый печатный колофон – пометка, в которой средневековые писцы записывали данные о копии. Лишь позже словом «колофон» стали называть в первую очередь выходные данные. Тогда этот термин еще практически не использовался. Он вошел в обиход лишь в следующем веке, когда Эразм применил его для обозначения заключительных слов книги. Он заимствовал это слово из названия ионического города, который в классические времена настолько эффективно использовал свои конные войска, что те подводили черту буквально в любой битве. Эразм обычно завершал книгу заключительными словами *Colophonem addidi* (лат. – выходные данные добавлены), и вскоре этот термин стал использоваться другими авторами.

Фуст и Шёффер продолжили начатую Гутенбергом традицию, напечатав целую серию удивительных книг: миссал, содержавший сложнейшие орнаментированные прописные буквы; псалтырь, изготовленный для бенедиктинцев и включавший изменения, принятые в соответствии с бурсфельдскими реформами; руководство по совершению литургии, составленное французским

специалистом XIII века по каноническому праву Гийомом Дюраном (чье имя обычно латинизировалось как Дурандус). Книга Дурандуса пользовалась поразительным успехом, и после первого издания Фуста и Шёффера в 1459 году последовало еще больше сорока. Были также выпущены некоторые книги по каноническому праву. Одним словом, Шёффер сделал то, о чем мечтал Гутенберг, – обеспечил жаждущую Церковь необходимыми книгами.

Теперь Гутенберг рисковал быть вычеркнутым из истории своего собственного творения. В некотором смысле он так и не оправился после разрыва с Фустом. Гутенберг прекратил выплачивать проценты с 80 динаров, взятых в долг у страсбургской церкви Святого Фомы. На него подавали исковые заявления, угрожали арестом. Будучи гражданином Майнца, не признававшим страсбургское правосудие, он мог это игнорировать, но подобные претензии способны вызвать хроническую депрессию у любого нормального 60-летнего человека.

> Фуст и Шёффер продолжили начатую Гутенбергом традицию, напечатав целую серию удивительных книг.

Тем не менее Гутенберг никогда не изображал из себя жертву. Он выступал в роли свидетеля при продаже недвижимости в 1457 году вместе со своими «благородными и благоразумными» сотоварищами, а это доказывает, что он оставался в Майнце. Он также удерживал Гутенбергхоф (с чем теперь, после многолетних споров, согласны почти все ученые). Последовали другие издания, напечатанные шрифтом Д-К, в каждом из которых присутствовали доказательства причастности к ним Гутенберга: другие «Донаты», еще три календаря, призыв папы к крестовому походу против турок (который был проанализирован Нидхэмом), список архиепископств, одностраничная молитва (сохранился лишь один ее экземпляр, в верхней части которого есть отверстие от гвоздя, свидетельствующее о том, что набожный владелец повесил ее в своем доме). В этих работах наблюдается определенная последовательность, что является еще одним доказательством того, что Гутенберг продолжал работать в Гутенбергхофе.

Это было лишь началом его боевого возвращения. По мо ему мнению, Иоганн переживал об утраченном и решил вернуть себе все, что мог. Его 42-строчная Библия продавалась, недостатка спроса не было, а ученики Гутенберга стали открывать собственные производства. Около 1457 года Генрих Эггештейн, бывший страсбургский священник, который, вероятно, работал

вместе с Гутенбергом в Майнце, вернулся в Страсбург для того, чтобы открыть собственное производство вместе со своим партнером Иоганном Ментелином. В следующем году в Майнц прибыл француз Николя Жансон, художник и гравер, получивший от короля Франции Карла VII приказ обучиться у Гутенберга книгопечатанию и после освоения новых навыков вернуться обратно. Гутенберг, обладающий непревзойденным мастерством и опытом, прекрасно осознавал масштабность своего открытия, но для полного восстановления ему, как всегда, были нужны деньги.

> Гутенберг никогда не изображал из себя жертву. Он также продолжал работать в Гутенбергхофе.

Он нашел поддержку в лице неприметного майнцского городского клерка, доктора Конрада Гумери, о котором мы впервые узнаем как о главе группы, намеревавшейся противостоять влиянию церковников. Именно благодаря его поддержке Иоганн Гутенберг смог принять заманчивое предложение, поступившее из Бамберга, расположенного в 150 километрах к востоку от Майнца.

История о том, что происходило на самом деле, как, впрочем, и бóльшая часть жизни Гутенберга, не зафиксирована ни в одном письменном источнике, поэтому ее можно восстановить лишь на основании имеющихся фактов, в данном случае это 13 сохранившихся копий и несколько разрозненных фрагментов Библии, состоящей из 36-строчных столбцов, что делает ее примерно на 20 процентов объемнее предыдущего издания (в ней было 1768 страниц). В 36-строчной Библии использовался немного измененный вариант старого шрифта Д-К, что вместе с почерком наборщика и результатами анализа красок доказывает: книга была набрана в Майнце. Однако водяные знаки на бумаге говорят о том, что она была напечатана в Бамберге. Как это можно объяснить? Скорее всего, события развивались следующим образом. Секретарем епископа Бамберга был Альбрехт Пфистер, знакомый с Гельмашпергером, заместителем секретаря епископа. В 1459 году Бамберг получил нового епископа – Георга фон Шаумбурга, – имевшего титул принца, очень богатого, образованного и желавшего иметь собственную Библию. Но к тому моменту, когда он вступил в должность, все 42-строчные Библии были распроданы.

> Бóльшая часть жизни Гутенберга не зафиксирована ни в одном письменном источнике, поэтому ее можно восстановить лишь на основании имеющихся фактов.

Поэтому епископ сделал заказ на совершенно новое издание, тиражом, вероятно, всего 80 копий: 20 – на пергаменте и 60 – на бумаге. Это решение изменило жизнь Пфистера, так как именно он занимался организацией печати, основав собственную типографию, использующую литеры Гутенберга и заручившись помощью его команды (около четырех человек). Пфистер приобрел литеры и принялся печатать «Донат», а затем и другие популярные работы, в которых сочетались текст и ксилографические иллюстрации. Он не мог сравниться с Гутенбергом в мастерстве, но в его цеху прошло обучение несколько человек, которые позже помогли основать новое производство в Италии.

Сначала Страсбург, затем Бамберг: изобретение Гутенберга начало пускать корни за пределами его родного города.

Изобретение Гутенберга начало пускать корни за пределами его родного города.

* * *

А в это время в Майнце Гутенберг, похоже, уже работал над своим следующим большим проектом, который должен был повторить успех «Доната», – еще одним классическим справочником, латинской энциклопедией, известной под названием «Католикон». Эта работа ставит перед исследователями (которым снова пришлось иметь дело с противоречивыми доводами и фактами) множество задач. «Католикон», включавший в себя словарь и грамматику, которые занимали в общей сложности 1500 больших страниц, был составлен 200 годами ранее генуэзским монахом Джованни Бальби. Как и «Донат», это был довольно скучный, но содержащий очень много информации труд, который много раз копировался и пользовался большим спросом среди ученых церковников. Перед Гутенбергом возникла техническая задача – разработать мелкий шрифт, который позволил бы сократить объем книги в два раза.

«Католикон» вышел в свет в 1460 году. Его 746 страниц, напечатанные самым мелким из существовавших на то время шрифтов, содержали 5 миллионов символов – почти в два раза больше, чем Библия. Шрифт, исполненный в стиле, который писцы предпочитали использовать для нелитургических текстов, представлял собой раннюю форму латинской гарнитуры, которая гораздо более читабельна с точки зрения современного человека и в то же время напоминает некоторые другие издания

Гутенберга. Однако по сравнению с Библиями шрифт был немного грубым, поля набора неровные справа. Поэтому исследователи сомневались в том, что педантичный Гутенберг действительно был его создателем. Сомнения усилились, когда анализ бумаги показал, что «Католикон» претерпел три различных изданиях на протяжении, вероятно, 10 лет, в период, когда Гутенберг покинул Майнц, после чего вернулся, а впоследствии умер. Это значит, что «Католикон» должен был печататься минимум в двух различных местах в разное время, а отсюда возникают новые вопросы. Может ли быть так, что Гутенберг или его команда, унаследовавшая литеры «Католикона», хранили и перевозили 5 миллионов литер, объединенных в 746 форм, каждая из которых весила 10 килограммов? Это 7 тонн металла, которые нужно транспортировать, – если только они не перевозили полностью набранные страницы, как в 1980-х годах предположил американский эксперт Пол Нидхэм. Он считал, что книгу напечатали посредством клише, отлитых с исходного набора, которые было значительно проще собрать и разобрать. Но в этом случае Гутенберга следует считать также изобретателем совершенно нового процесса – стереотипирования.

Эти доводы в высшей степени формальные, и пока еще никто не смог ничего доказать, опираясь на факты. Общая точка зрения такова, что «Католикон» напечатан с использованием литер и что Гутенберг действительно имел к нему отношение.

«Католикон» вышел в свет в 1460 году.

Тем не менее загадка остается неразгаданной, о чем свидетельствует пространный колофон.

В колофоне говорится о том, что работа посвящается Богу, «по чьему приказу языки младенцев [вероятно, в значении „немых“] обретают красноречие и кто часто раскрывает скромным то, что он скрывает от мудрецов». Здесь также утверждается, что работа была выполнена в славном Майнце в «1460 году от воплощения Господа», «без использования тростника, стилуса или пера, но благодаря чудесной гармонии, пропорции и мере пунсонов и форм».

Этот колофон представляет собой загадку. Он является традиционным и исполненным патриотизма, в нем ясно говорится об использовании книгопечатания, но нет ни единого намека на авторство. В нем прослеживается писательский талант, вызывающий ассоциации с библейскими фразами: «Имеющий уши, да услышит», «Из уст младенцев и грудных детей». Этот колофон также вызывает ассоциации с доктриной о *docta*

ignorantia (*лат.* ученое незнание) Николая Кузанского: «Я шел к учению, которое есть неведение, дабы понять непостижимое». Здесь присутствует некая осмотрительность, которая может быть истолкована по-разному. Что, если Гутенберг заметает следы, демонстрируя скромность, в которой в действительности нет никакой хитрости? Что, если он выступает в благоразумной оппозиции к Фусту и Шёфферу, утверждая традиционные ценности в противоположность их дерзкой современности, используя новую форму выходных данных издателя для того, чтобы приписать свое изобретение милости Божьей, а себя поставив в положение пассивного посредника, гордящегося своей «скромной» анонимностью, в противоположность своим эгоистичным, пекущимся только о собственных интересах бывшим партнерам? Могло ли это быть хитрой формой мести?

> Общая точка зрения такова, что «Католикон» напечатан с использованием литер и что Гутенберг действительно имел к нему отношение.

Если ранние версии «Католикона» действительно были напечатаны в Майнце, то это был последний большой проект, к которому Гутенберг имел непосредственное отношение, потому что в 1462 году майнцские проблемы достигли своей кульминации. Из всех пережитых им неприятностей – бегство из Майнца из-за общественных волнений в молодости, смерть Андреаса Дритцена, побег из Страсбурга, тяжба с Фустом – эта была самой страшной и чуть не привела Гутенберга к насильственной смерти. Причина проблемы – старые разногласия между теми, кто считал, что наивысшим источником христианской власти должен быть собор, и теми, кто считал, что им должен быть папа. В Германии эта проблема стояла достаточно остро, потому что каждый церковный лидер при утверждении его в должности папой обязан был уплачивать налог – в случае майнцского архиепископа он составлял 10 тысяч гульденов, – и эта политика, по понятным причинам, не одобрялась антипапскими концилиаристами. Пропапская сторона имела большое преимущество благодаря Николаю Кузанскому и его папским покровителям, последний из которых – его старый товарищ Энеа Сильвио Пикколомини, ставший теперь папой Пием II. В Германии те, кто выступал за ограничение папского влияния, желали созвать новый собор. Обычно за эту задачу отвечает старший прелат империи, архиепископ Майнца.

В июне 1459 года во главе Майнца стал новый архиепископ, который получил эту должность благодаря поддержке папы. Но Пий назначил цену: новый ставленник, которого звали Дитер фон

Изенбург, должен был пообещать пойти войной против правителя рейнских земель Фридриха, который выступал против папы и поддерживал концилиаристов. Это был хитрый ход Пия, цель которого – направить одного избирателя против другого, чтобы таким образом подорвать единство империи и расширить свою власть. Дитер вынужден был выполнить свое обещание, поэтому затеял ссору, повел своих людей на войну, в июле 1460 года потерпел поражение и был рад заключить со своим земляком перемирие.

> В 1462 году майнцские проблемы достигли своей кульминации.

В этой цепочке причин и следствий одно вело к другому, продвигаясь по спирали от незначительных событий к смертельно опасным. Дитеру все еще нужно было подтверждение его избрания. Пий обязался предоставить его в обмен на выполнение следующих условий: Дитер должен пообещать никогда не созывать собор и, кроме того, пожертвовать десятую часть своего дохода на предстоящий крестовый поход против турок. Требований было слишком много. Дитер отказался их выполнять; он отправил делегацию для подачи апелляции и получил отсрочку. Пий дал ему год на уплату всей суммы, но делегаты должны были тут же, на месте, уплатить налог на вступление Дитера в должность. Быстро найти традиционную сумму в 10 тысяч гульденов было сложно, но все-таки возможно. Но тут их подстерегала еще одна неожиданность: Пий решил удвоить сумму до 20 тысяч гульденов. Чтобы уплатить ее, делегатам пришлось взять ссуду – естественно, у местного ростовщика, назначенного Ватиканом. В договоре о ссуде был один интересный пункт – невыполнение обязательств означало для Дитера отлучение от церкви.

Дитер, придя в ужас, отказался выполнять обязательства и, в соответствии с условиями договора, который он не подписывал, тут же был отлучен от церкви.

> В июне 1459 года во главе Майнца стал новый архиепископ, он должен был пообещать пойти войной против правителя рейнских земель Фридриха.

В ярости он созвал имперских избирателей на встречу в Нюрнберге в начале 1461 года. Епископы, архиепископы, избиратели и принцы согласились с тем, что папа невыносимо «обременял и угнетал весь немецкий народ». Этому нужно было положить конец. Больше никто ничего не станет платить Риму.

Будут созываться соборы. Папа будет под контролем. Пий пошел в контрнаступление (сложно поверить, что это Пикколомини, наш замечательный и остроумный литератор, который теперь пытался справиться с трудностями своей высокой должности). Он отправил делегатов, задачей которых было встретиться с лидерами (одним из которых был Адольф фон Нассау, потерпевший поражение в выборах архиепископа) и достигнуть соглашения. Это сработало – главным образом благодаря тому, что германский король не желал рассматривать возможность войны между папой и империей и у него не было другого выхода, кроме как отказать Дитеру в поддержке. В то же время папские делегаты предложили свою поддержку противнику Дитера – Адольфу. Дитера сняли с должности, а на его место назначили Адольфа фон Нассау. Приказ об этом был подписан папой в августе 1461 года и отправлен ожидавшему его Адольфу с указаниями соблюдать секретность, в то время как германские принцы получали заверения в том, что никто не заставит их платить налоги без их согласия. Этого было достаточно для того, чтобы гарантировать их нейтралитет в предстоявшей борьбе.

Кульминация этой драмы состоялась в капитуле Майнцского собора (где сегодня находится музей) 26 сентября. Все лидеры Майнца собрались для оглашения решения Пия. Там были Дитер, Адольф, каноники и другие сановники, в том числе два папских легата. Адольф лично выступил и зачитал папскую буллу, в которой говорилось о снятии с должности нынешнего архиепископа и назначении на эту должность его. После ошеломляющего молчания каноники ушли на совещание. Еще одна длинная пауза перед единственно возможным решением: каноническое право были на стороне Пия. Дитер лишился должности, а Адольф стал новым принцем-архиепископом.

> Епископы, архиепископы, избиратели и принцы согласились с тем, что папа невыносимо «обременял и угнетал весь немецкий народ».

Дитер, очевидно, не мог получить сатисфакцию, но вдруг его старый враг, а теперь союзник – Фридрих – предложил свою армию. Дитер воспрянул духом. Он пообещал своим смущенным противникам, членам гильдии, что если они поддержат его, то им больше не придется терпеть несправедливость со стороны церковников. Духовенство больше не будет пользоваться привилегиями и не станет взимать налоги – а это именно то, чего члены гильдии требовали на протяжении многих лет. Городской совет, пребывавший до этого в таком же безвыходном положении, как ослепленный фарами олень, стал на сторону Дитера;

руководил им новый советник принца, антиклерикал Конрад Гумери, спонсор Гутенберга и, вполне вероятно, совладелец его книгопечатного цеха в Гутенбергхофе.

Напряжение снова возросло. В феврале 1462 года папа приказал всем местным прелатам империи провозгласить анафему Дитеру, то самое проклятие колокола, книги и свечи, с помощью которого «мы отлучаем его от драгоценного тела и крови Господа… Мы объявляем его проклятым до тех пор, пока он не покается и не понесет наказание». С каждой кафедры звучали эти страшные слова. Но только не в Майнце.

И тут на сцене появились книгопечатники. В августе того же года Фуст и Шёффер издали императорское осуждение Дитера, а затем – документ о снятии его с должности Пием и назначении на это место Адольфа. В ответ на это Дитер и Гумери, возможно, при содействии Гутенберга, опубликовали манифест, в котором предлагали решить спор посредством третейского суда (по-видимому, предложение не было принято). Затем со стороны как Адольфа, так и Дитера последовали другие публикации. Обе команды книгопечатников, вероятно, решили не выступать в роли партизан в этой пропагандистской войне, а действовать исключительно в коммерческих интересах, соревнуясь только друг с другом, чтобы можно было без предубеждений принимать заказы.

> Духовенство больше не будет пользоваться привилегиями и не станет взимать налоги – а это именно то, чего члены гильдии требовали на протяжении многих лет.

В июне 1462 года князь-избиратель Фридрих, союзник Дитера, направил свои войска на Майнц. Адольф встретил его в Секенгейме, недалеко от Шветцингена, и потерпел поражение. В Майнце Дитер стал народным любимцем. Жители города готовились к войне – правда, они мало что могли сделать, так как городская казна, как всегда, была пустой. Когда Фридрих предложил им две сотни конных наемников, бургомистры развели руками, сказали, что им нечем платить, и отклонили предложение. Дитер был изумлен их непредусмотрительностью: «Вы говорите, что вы на моей стороне, но ничего не делаете!» Война приближалась, а они беспокоились о своих счетах.

За городскими стенами собрались сторонники Адольфа: тысяча всадников, 2 тысячи пеших солдат и 400 швейцарских наемников. Бароны-разбойники с дурной славой, такие как Людвиг фон Фельденц по прозвищу Черный Герцог и Альбиг фон Зульц, спорили о том, как разделить добычу – вино, зерно,

оружие, украшения, деньги, предметы домашнего обихода. Военачальникам низшего ранга обещали по 5 тысяч гульденов каждому. Тот, кто первым войдет в город, должен был получить тысячу гульденов и дом в городе. Эти люди явно не делали чести папе, чье решение они якобы поддерживали.

Майнц охвачен страхом. Князь-избиратель Фридрих, предупрежденный о предстоящем нападении, сбежал. Некоторые члены гильдии, желавшие увидеть свержение патрициев и главных церковников, спланировали предательство. Рабочий Хайнц и рыбак по имени Дуде якобы подкупили караульных, чтобы те оставили незапертыми ворота в юго-западной части города – отдаленном месте, скрытом за садами и виноградниками.

> Тот, кто первым войдет в Майнц, должен был получить тысячу гульденов и дом в городе.

Нападение произошло 28 октября перед рассветом. При свете факелов пешие солдаты окружили городские стены в поисках слабого места. Возле ворот Гаутор, недалеко от того места, где в восточной части города вздымались стены церкви Святого Иакова, солдаты приставили к стене передвижные складные лестницы (одну из них сегодня можно увидеть в городском музее) и наводнили тенистые сады. Когда колокол церкви Святого Квинтина забил тревогу, мужчины облачились в латы и побежали к стенам, ворота Гаутор были открыты и войска Адольфа заполонили город, продвигаясь по Гауштрассе с криками: «Убить еретиков!» Три сотни жителей города расположились в центре за флагом и двумя пушками. Дитер сбежал в другом направлении, пересек городские стены и Рейн, пообещав подкрепление, которое так и не прибыло. Днем боевые действия велись по всему городу, где небольшие группы – одной из которых руководил младший брат Фуста Якоб – сражались на боковых улицах. К наступлению ночи 400 жителей города, включая Якоба, были мертвы, а люди Адольфа начали грабить большие каменные и деревянные дома патрициев, церковников и евреев. На следующий день по пепелищу и трупам в город въехал Адольф фон Нассау, для того чтобы заявить о своем праве на должность архиепископа. Всем жителям города приказали прийти на рыночную площадь рядом с собором, где следующим утром, 30 октября, собралось 800 человек, чтобы принести клятву верности своему повелителю. Они были окружены войсками: швейцарцами с заряженными арбалетами и немцами с мечами и копьями. По словам летописца, жители города были загнаны, словно овцы, – такие же беспомощные. Адольф обратился к ним: за неповиновение перед

папой и императором он должен убить их, но проявит милосердие и всего лишь оштрафует их, а затем вышлет из города. Их направили по улице Гауштрассе к воротам Гаутор, через которые двумя днями ранее вторглись захватчики.

> По пепелищу и трупам в город въехал Адольф фон Нассау, чтобы заявить о своем праве на должность архиепископа.

Времени на то, чтобы собрать вещи, не было. Каждый, кто мог оказать сопротивление и претендовать на высокое звание, был изгнан вместе со своей семьей и прошел между шеренгами солдат, покрывавших их бранью. У ворот жителей города построили по парам, писцы зафиксировали на бумаге все имена, и после уплаты штрафа в полгульдена им разрешали пройти. Среди них, скорее всего, был и Гутенберг, которого знавшие его сторонники Адольфа должны были подозревать в дружбе с секретарем Дитера, Гумери.

Адольф забрал все: деньги из городской казны (не очень много), ткани, произведения искусства, мебель, одежду. Каждый военачальник получил обещанные 5 тысяч гульденов, каждый конный воин – 15 гульденов, каждый пеший солдат – семь с половиной. Все долги города были списаны. Позже общие потери города оценили в 2 миллиона гульденов, что в 10 тысяч раз больше той суммы, которую сэкономили бургомистры, отказавшись платить наемникам. На ближайшие полгода Майнц стал городом-призраком.

Некоторые изгнанники, перезимовав в ближайших деревнях и поместьях, получили разрешение вернуться. Остальные же, около 400 человек, должны были поклясться, что никогда в жизни не подойдут к городу ближе чем на километр (в действительности, поскольку тогда еще не было километров, использовался немецкий термин *Meile* (от лат. *mille passus* – тысяча шагов, то есть не уставная миля, а ближе к километру). Через год Адольф, получив одобрение императора, провозгласил новый закон, запрещавший избирателям и принцам собираться без императорского разрешения. Так был положен конец движению концилиаристов и его смутным предзнаменованиям демократии. Традиционная власть возвращалась, гильдии распускались. Во время пышной церемонии во Франкфурте Дитер отрекся от титула и в обмен на достойную компенсацию передал свой избирательский меч папскому легату. В Майнце Фуст и Шёффер снова занимались своим делом, счастливо работая на папу: в 1463 году они опубликовали папскую буллу против «жалких неверных турок».

Каждый, кто мог оказать сопротивление и претендовать на высокое звание, был изгнан из города вместе со своей семьей. Среди них, скорее всего, был и Гутенберг.

Гутенберг никогда больше не жил в Майнце. Его дом был захвачен и отдан одному из людей Адольфа. Ни Иоганн, ни его команда не могли забрать с собой много, кроме разве что нескольких инструментов и пунсонов. Это казалось концом всего, за что Гутенберг боролся на протяжении последних 30 лет.

Так все выглядело внешне. Однако на самом деле проросло нечто новое, и маленькая катастрофическая война в Майнце, которая, казалось бы, закончилась торжеством консерватизма, в действительности способствовала распространению семян революции в книгопечатании. Генрих Эггештейн вернулся в Страсбург, где он работал в своем книгопечатном цеху вместе с Иоганном Ментелином. Другие книгопечатники отправились в Бамберг, чтобы присоединиться к Пфистеру, а также в Базель, Кёльн и в Италию.

Гутенберг никогда больше не жил в Майнце.

* * *

После изгнания из Майнца, подвергаясь небольшому риску быть арестованным судебными приставами из страсбургской церкви Святого Фомы, Гутенберг вернулся в Эльтвилле, где жили его племянница и друзья-патриции Бехтермюнце, которых он знал с детства.

Здесь, очевидно, он снова смог заняться книгопечатанием благодаря не только капиталовложениям Гумери, но также Генриху и Николаю Бехтермюнце которые предоставили ему помещение. Это место все еще находится здесь, в Эльтвилле, в самом сердце невероятно красивого скопления каменных и полудеревянных строений – всего в нескольких минутах ходьбы от реки и широкой дамбы, где летом туристы прогуливаются среди платанов в ожидании паромов, идущих в Майнц, Кёльн и Дюссельдорф. Над берегом возвышается Избирательный замок (резиденция архиепископа и защита Эльтвилле). За замком расположен дом семьи Генсфляйш, окна которого выходят на крепостной вал, а прямо за углом находится старый дом Бехтермюнце – трехэтажное здание из серого камня с полукруглыми мансардными окнами и черепичной крышей. Сегодня здесь расположены винный погреб и ресторан, которым

на протяжении вот уже четырех поколений управляет семейство Кеглеров. Тем не менее прошлое – это часть настоящего, и Гутенберг наверняка узнал этот дом по имени «Г. Бехтермюнце», выгравированному над входом, и винным прессам, которые, в сущности, были книгопечатными.

Несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств, исследователи считают, что новый книгопечатный цех возник в маленьком Эльтвилле, втором доме Гутенберга, вскоре после его изгнания из родного города – а это больше, чем простое совпадение. Считается, что Иоганн имел отношение к индульгенциям, напечатанным в 1464 году для сбора денег на освобождение христиан, пребывавших в иностранном плену. Они были напечатаны с использованием литер «Католикона», которыми в конце 1450-х годов владели Гутенберг и его спонсор Гумери. Вполне вероятно, что пунсоны были привезены по реке из Гутенбергхофа. А около 1465—1467 годов появился латинский словарь, возможно, представлявший собой краткое изложение части «Католикона».

Наконец, когда Гутенбергу было уже за шестьдесят, он получил признание. Проводя политику установления мира в своих новых владениях, Адольф вспомнил о человеке, который помогал вести пропаганду во время гражданской войны и мог бы сделать гораздо больше, если бы вместе со своим могущественным изобретением не покинул город. Кроме того, к этому времени стало ясно, что Рим очень сильно заинтересован в книгопечатании, а Адольф всем был обязан Риму.

В январе 1465 года он назначил старому изобретателю пенсию, фактически наградив его рыцарскими атрибутами и сообщив о награде лестными словами.

> После изгнания из Майнца Гутенберг вернулся в Эльтвилле.

Мы признали благородные и усердные услуги, которые оказал и, возможно, будет оказывать и в дальнейшем наш дорогой и верный Иоганн Гутенберг… Каждый год, когда мы награждаем наших простых придворных, будем также награждать его как одного из наших дворян.

Гутенберг также должен был каждый год получать 2 тысячи килограммов зерна и 2 тысячи литров вина – этого вполне достаточно для солидного хозяйства. Его также обещали освободить от уплаты налогов взамен на верность, подкрепленную клятвой. Это означало полное прощение с дополнительными привилегиями при условии, что Адольф может

использовать его книгопечатный пресс в случае надобности. Гутенберг мог свободно приезжать в Майнц – у него не было больше причин бояться быть арестованным страсбургскими судебными приставами.

Подобные почести и осознание того, что его изобретение быстро завоевывает мир, – своего рода реабилитация, даже несмотря на то что причины были откровенно политическими. Интересно, какой была реакция Иоганна Гутенберга, когда в 1466 году он узнал о том, что его старый враг Фуст во время деловой поездки в Париж заболел чумой и умер, оставив Шёффера единственным наследником своего дела.

* * *

Смерть Гутенберга осталась незамеченной. Лишь спустя несколько лет кто-то – возможно, эльтвилльский священник Леонард Менгосс – купил книгу, напечатанную с использованием новой технологии в 1470 году, вспомнил о человеке, который начал все это, и написал в ней:

«В 1468 году, в день святого Власия [3 февраля] ушел из жизни почтенный мастер Иоганн Генсфляйш [Гутенберг был также известен под именем Генсфляйш; так его до сих пор называют в Эльтвилле]». Это единственное имеющееся свидетельство о дате его смерти.

Смерть Гутенберга осталась незамеченной.

Спустя три недели после смерти Гутенберга его спонсор и товарищ Конрад Гумери завладел оборудованием эльтвилльского цеха, которое формально ему и принадлежало. Но теперь это было больше, чем просто оборудование. Здесь имелся и политический интерес. Гумери подписал с Адольфом соглашение, в соответствии с которым обещал, что будет использовать эти «взрывоопасные» предметы, эту армию маленьких железных солдат для печатания только в Майнце и что если он захочет их продать, то продаст только гражданину Майнца. Однако у него было мало возможностей для использования своего оборудования. Спустя два года Гумери умер.

Гутенберг, согласно записи, сделанной его далеким родственником Адамом Гельтусом, был погребен в церкви Святого Франциска, в том самом монастыре Босоногих Братьев, где 13 годами ранее он был лишен плодов своего труда.

В память об изобретателе искусства книгопечатания

D. O. M. S. [Deo Optimo Maximo Sacrum – Посвященный Богу Всевышнему],
Иоганну Генсфляйшу,
изобретателю искусства книгопечатания,
достойному сыну величайшего народа,
бессмертной памяти его имени
Адам Гельтус воздвигает [этот мемориал].
Его останки мирно покоятся
в церкви Святого Франциска, Майнц.

Запись Гельтуса, без всяких пояснений включенная в книгу, изданную в 1499 году, выглядит как эпитафия на могильной плите или мемориале. Такого мемориала не существует, однако есть нечто большее – книгопечатание, которое уже тогда начало менять весь мир.

Глава 9
Книгопечатание набирает обороты

Фуст и Шёффер достаточно быстро оправились после катастрофы. Незадолго до смерти Фуста в Париже они создали хорошую команду. После этого Шёффер пожинал то, что посеял Гутенберг, снабжая Центральную Европу книгами в течение еще 40 лет. Это было прибыльное дело, лишенное риска и дававшее высококачественные результаты. Он умер в 1503 году богатым, уважаемым и знаменитым.

Таким образом, карьера Шёффера охватывала период, на протяжении которого изобретение Гутенберга из местного чуда превратилось в международный феномен. Позже, в XVII веке, когда люди начали интересоваться тем, как произошла эта революция, историки стали называть ранние печатные книги красивым словом инкунабула (лат. *incunabula* – пеленки), что также можно трактовать как «младенчество» книгопечатной революции. Это слово ныне вошло в большинство языков, иногда обретая ложную форму единственного числа – *incunabulum* (лат. – инкунабулум), а иногда – местные варианты: немецкое *Wiegendruck* означает «колыбельная печать», а японское *yoran – ki – bon* переводится как «колыбельные книги» (хотя японцы также используют слово *in – kyu – na – bu – ra*).

Примерно в то же время, когда стали использовать слово «инкунабула», Иоганн Зауберт из Нюрнберга составил первый каталог ранних книг и установил в качестве конечной даты 1500 год. Название и дата появились практически вместе. Инкунабулы – это книги, напечатанные до 31 декабря 1500 года. Позже были составлены каталоги других коллекций; на сцену вышли ученые и коллекционеры, и сегодня в крупных университетах и библиотеках всего мира имеются свои инкунабулисты. Это занятие превратилось в отдельную науку. С появлением компьютеров стало возможным точно зафиксировать предмет исследований и составить список всего, что было напечатано с использованием подвижных литер, начиная с первого «Доната» Гутенберга и заканчивая книгами, датируемыми 1500 годом. Проект, координируемый Британской библиотекой в Лондоне, известен под названием «Каталог кратких описаний инкунабул» (*Incunabula Short – Title Catalogue, ISTC*). На данный момент каталог насчитывает почти 30 тысяч позиций практически на всех европейских языках, хранящихся в 96 библиотеках – участниках проекта, и это число постоянно увеличивается (3 тысячи из них

хранятся в виде фотокопий). До 1500 года европейскими прессами было напечатано от 15 до 20 миллионов книг.

> Карьера Шёффера охватывала период, на протяжении которого изобретение Гутенберга из местного чуда превратилось в международный феномен.

Это называли информационным взрывом, что в некотором смысле так и было, если вспомнить, как «вспыхнул» Майнц в 1462 году. Вместе с тем, расходясь по большой территории, вспышка затухает, а изобретение распространялось все больше и больше, подобно популяции животных, заселяющей новую территорию. Это было естественное, бессистемное распространение, протекающее по торговым путям в поисках наиболее подходящих мест, в которых можно обосноваться, – городов, в которых были университеты, соборы, щедрые правители и крупные суды.

Однако данный процесс не был полностью бесконтрольным. На протяжении 10 лет Шёффер пытался сохранить монополию и брал со своих учеников обещание не выдавать секретов. Существует легенда, что, когда Иоганн Фуст привез образцы 42-строчной Библии для продажи в самый большой университет Европы, Сорбонну, где училось 10 тысяч студентов (это, несомненно, огромный рынок), члены гильдии книготорговцев выгнали своего нового конкурента из города, обвиняя его в общении с дьяволом. Практика переписывания сохранилась, и продукция писцов пользовалась спросом на протяжении еще 20 лет. Кроме того, печатные книги, как это бывает в случае с любой новой технологией, вначале были более дорогими, чем манускрипты.

> Инкунабулы – это книги, напечатанные до 31 декабря 1500 года.

Но секрет стал известен, рынок жаждал книг, цены снизились, и бум начался.

Для ученых это проторенный путь, предмет подробных исследований и диссертаций. Однако, вместо того чтобы идти по следам экспертов, я предпочитаю внимательно исследовать территорию, а затем рассказать вам о некоторых историях и взаимосвязях, которые кажутся мне наиболее захватывающими, о тех книгах, которые привнесли что-то новое и – подобно изобретению Гутенберга – представили Европе предметы, которые по сей день – часть нашей жизни.

* * *

Германия оказалась идеальным местом для распространения печатной продукции. Здесь были хорошие рудники с залежами металлов, необходимых книгопечатникам, отличные металлурги и успешные торговцы, способные вкладывать деньги. На протяжении десятилетий немцы доминировали в новом ремесле, путешествуя со своими наборами гравировальных инструментов и литейных форм в поисках финансовой поддержки и работы, на время (от нескольких недель до нескольких лет) останавливаясь в подходящем месте (см. приложение II). Куда бы они ни поехали, везде находили учеников и обучали их своему ремеслу; те же, в свою очередь, тоже способствовали его распространению. Страсбургские протеже Гутенберга, Генрих Эггештейн и Иоганн Ментелин, начали работать в своем родном городе и к 1460 году стали конкурентами, каждый из которых печатал собственные версии первого немецкого перевода Библии (первый перевод Библии на какой-либо современный язык). Это был бессмысленный перевод, который тем не менее начал представлять угрозу традиционной роли священнослужителей как толкователей слова Божьего. В 1485 году архиепископ Майнца запретил этот перевод – и это еще одно доказательство того, что новое изобретение было способно подорвать установившиеся порядки.

Германия оказалась идеальным местом для распространения печатной продукции.

Ученики обоих майнцских цехов после войны 1462 года разъехались по всему миру, основав книгопечатные цеха в Кёльне (1465—1466), Базеле (первая Библия вышла здесь в 1468 году), Аугсбурге (1468) и Нюрнберге (1470). К 1500 году книгопечатание существовало уже в 60 немецких городах: в среднем каждый год появлялось восемь новых книгопечатников; причем во многих городах было не менее двух книгопечатников – в Страсбурге в 1500 году их было 50, таким образом, всего в Германии было около 300 книгопечатных цехов. Майнц, в котором было полдюжины книгопечатных цехов, утратил свое лидерство, однако сыновья Шёффера, Иоганн и Петер, продолжили дело отца после его смерти в 1502 году. Петер, талантливый гравировщик, работал в Вормсе.

К 1500 году книгопечатание существовало уже в 60 немецких городах.

Несмотря на распространение новой промышленности, один элемент – продажи – по-прежнему был сосредоточен если не в Майнце, то поблизости от него. Во Франкфурте, расположенном на речном пути в центре Европы, начиная с XII века существовала ярмарка, куда каждой весной и осенью съезжались купцы со всей Германии. Именно благодаря этой ярмарке в начале XV века Франкфурт обрел экономическое первенство, тогда как Майнц тонул в долгах и разрушительных ссорах. Именно поэтому Фуст приехал сюда в октябре 1454 года, чтобы торговать 42-строчной Библией. Он, Шёффер или кто-либо из их людей, несомненно, возвращался сюда каждый год, особенно после того, как в 1480 году книги официально стали частью предлагавшегося на ярмарке товара. Нынешняя Франкфуртская книжная ярмарка, с ее сотнями палаток и десятками тысяч книг, является прямым наследником той ярмарки.

* * *

Самый успешный из всех немецких книгопечатников появился в Нюрнберге. Этот баварский город с населением около 50 тысяч человек был одним из самых богатых и самых развитых городов Европы. Двойные городские стены и 128 сторожевых башен гарантировали безопасность торговли, приносившей городу доход. Рядом с ним Майнц казался болотом: здесь были мощеные улицы, водопроводы и каменные мосты через Пегниц. С политической точки зрения, Нюрнберг был не таким прогрессивным. В городском совете доминировали 35 местных аристократических семейств, которые не терпели никакого вздора со стороны гильдий. Но система работала отлично. Город был вполне успешным. Каждую Масленицу здесь проводился знаменитый карнавал, во время которого местные жители бегали в масках по улицам и ставили откровенно ксенофобские пьесы, как будто пытаясь показать евреям и туркам, что тем следует держаться подальше от стен их города. Однако ксенофобия здесь счастливо соседствовала со своей противоположностью. Местные купцы и их представители получили торговые преимущества в 70 городах. Компании, которыми владели жители Нюрнберга, монополизировали золотоплавильную промышленность в Польше и Богемии; в легкой промышленности – оружие, доспехи, медные изделия – этот город также удерживал первенство. Поэтому нюрнбергские ремесленники были достаточно богатыми для того, чтобы иметь собственные дома, что тогда, как и сейчас, гарантировало защищенность от общественных волнений. В

Венеции шесть из 56 комнат в местном доме для северян – Фондако деи Тедески – были заняты жителями Нюрнберга. Таким образом, несмотря на отсутствие в Нюрнберге университета, город стремился к тому, чтобы являться частью интеллектуального течения, бравшего начало в Италии. Поэтому вполне естественно, что здесь родилась самая удивительная немецкая инкунабула – первая попытка популяризации и первая книга, подробности издания которой нам известны, – «Нюрнбергская хроника».

> Самый успешный из всех немецких книгопечатников появился в Нюрнберге.

Гартман Шедель получил медицинское образование в Падуе и всю жизнь работал доктором. Но его настоящим пристрастием были книги. Шедель получил в наследство несколько сотен книг, и все свое свободное время и деньги тратил на коллекционирование, создав огромную библиотеку, которая сейчас хранится в Баварской государственной библиотеке. Он начал собирать печатные книги в 1470 году, но никогда не отказывался от рукописей и сам переписал 40 томов. Будучи щепетильным исследователем и любителем делать записи, он проявлял свой творческий потенциал только в коллекционировании (хотя его жена могла бы со мной поспорить: он также был отцом 12 детей). Тем не менее необычные увлечения привели Шеделя к написанию одной из самых известных книг того времени.

Слава «Нюрнбергской хроники» основывается не на оригинальности. Она была задумана как 600-страничная история мира от его сотворения до 1493 года. Фактически эта книга состояла из разрозненной информации, взятой из нескольких сотен источников, в основном итальянских, в частности из работ нашего плодовитого друга Пикколомини, который, кроме того что был папой, другом Николая Кузанского и почитателем Библии Гутенберга, являлся также неплохим историком. У Шеделя были *Historia Bohemica* («История Богемии») Пикколомини (изданная в 1475 году, после его смерти) и манускрипт истории Европы, поэтому он просто скопировал информацию из этих двух работ. Шедель был весьма неразборчив в отношении информации, которую он включал в свою книгу; он игнорировал важные события, такие как открытие Колумбом Америки (новость о котором как раз тогда стала известна). Но эта книга отличалась своими иллюстрациями, дизайном и печатью, благодаря чему заняла особое место в истории книгопечатания.

> «Нюрнбергская хроника» – самая удивительная немецкая инкунабула, первая книга, подробности издания которой нам известны.

За изданием «Нюрнбергской хроники» стояли ее покровители – Зебальд Шрейер и Себастьян Каммермайстер, оба приверженцы культуры итальянского гуманизма, особенно гравюр. Именно их благородные ренессансные идеалы и желание сделать работу доступной «для всеобщего удовольствия» способствовали принятию решения о публикации двух параллельных изданий – латинского и немецкого. Художники были под рукой – это Вильгельм Плейденвурф, учитель Альбрехта Дюрера, и один из его протеже, Михаэль Вольгемут. В Нюрнберге также жил Антон Кобергер, крестный отец Дюрера и крупнейший европейский медиамагнат; будучи одновременно книгопечатником, издателем и книготорговцем, он имел в своем распоряжении две дюжины прессов, сотню работников и представителей по всей Европе. Благодаря его помощи цены на книги снизились, а тиражи возросли от 200 до более чем тысячи экземпляров. В том, что касается его личных стремлений, Кобергер стал прототипом современных издателей: он женился на аристократке и заводил знакомства в высших кругах общества, став своего рода магнатом-издателем. Авторы, меценаты, покровители, художники, книгопечатники и книготорговцы – все они представляли собой уникальный тесный круг состоятельных соседей, друзей и родственников.

> «Нюрнбергская хроника» была задумана как 600-страничная история мира от его сотворения до 1493 года.

Кроме тиража, сохранились также детали издания «Хроники» и контракты, что позволяет узнать удивительные подробности об этой первой популяризаторской работе. Было запланировано для печати 2500 копий (1500 – на латыни и 1000 – на немецком языке). Кобергер должен был предоставить работникам закрытое помещение, чтобы предотвратить возможность плагиата (однако после издания пиратская версия книги все равно появилась)[3]. Он самостоятельно купил бумагу, выписав счет своим покровителям позже. Ему платили 4 гульдена за 500 страниц – это примерно 1 фунт, или 1,5 доллара, за страницу, что примерно составляет стоимость печати и переплета современной черно-белой книги.

В «Нюрнбергской хронике» было более 1800 иллюстраций; что примечательно, многие из них использовались более одного

раза. Это указывает на то, что тогда, как это часто бывает и сегодня, чувствовалась нехватка времени. Художники работали по 14 часов в сутки, получив аванс в тысячу гульденов (100 тысяч фунтов, или 150 тысяч долларов), что весьма неплохо, но эту сумму следует разделить на два года, в течение которых продолжалось производство книги. Времени было мало, и не так уж много людей знало, как выглядят Мантуя и Верона, так почему бы не использовать один и тот же пейзаж: какая разница, если они все равно покупают книгу?

На самом деле одни покупали, а другие нет. В 1509 году оставалось еще 558 непроданных копий. Наследники художников, которые, в соответствии с условиями контракта, несли ответственность за расходы, должны были заплатить 1200 гульденов, чтобы покрыть расходы на непроданные копии и другие долги. Эта сумма превышала сумму изначально полученного ими аванса, поэтому неудивительно, что никаких свидетельств о повторной выплате аванса нет.

В «Нюрнбергской хронике» было более 1800 иллюстраций.

Как говорит Адриан Уилсон в своей работе «Создание „Нюрнбергской хроники“», «из этого можно сделать вывод, что на рубеже столетий торговля книгами мало изменилась и что участь иллюстраторов была не лучше, чем в наши дни».

Следует отметить, что об авторе не упоминается вообще. Никаких контрактов, никакого аванса, никаких гонораров – ничего. Очевидно, не было и никаких доверенных лиц. Судя по всему, Шедель просто очень сильно хотел, чтобы его книга была опубликована, и написал ее лишь ради признания.

Я бы сказал, что этому проекту не хватало редакторского контроля. Его руководители, увлеченные дизайном, производством и продажами, забыли о содержании, а в результате остались без прибыли и с непроданными экземплярами.

Из этого следуют очевидные выводы. Чрезмерно амбициозные издатели, некритичные покровители, отсутствие редакторского контроля и, прежде всего, неправильно выбранный автор – это то, что с самого начала обрекло проект на неудачу. Тем не менее, как и в случае со многими неудавшимися предприятиями, если бы издатели были более дальновидными, у нас сейчас не было бы этой замечательной книги, представляющей собой саму сущность средневековой жизни.

Об авторе «Нюрнбергской хроники» не упоминается

вообще.

* * *

По другим государствам немцы разъезжались, руководствуясь теми же стимулами, что и в родной стране: они искали рынок в среде ученых, прелатов и юристов. Одни немцы обучали других, и рост числа книгопечатников происходил в экспоненциальном порядке, до тех пор пока количество мастеров, которые работали по всей Европе, не достигло четырех сотен (и это только те, о ком нам известно). В приложении II перечислены имена немецких книгопечатников и места, в которые они прибыли в первую очередь. Но впоследствии многие из этих людей, как и их ученики, переезжали в другие города.

Составление списка того, кто, куда и когда поехал, было бы интересной задачей для трейнспоттера[4] – неплохая аналогия, ведь взаимосвязи стали такими же сложными, как железнодорожная сеть, поскольку сотни, а впоследствии и тысячи книгопечатников обосновывались в различных европейских городах, покидали их, а затем возвращались обратно. Если предположить, что каждый мастер-книгопечатник имел только одного ученика и для того, чтобы обучить человека до такого уровня, когда он сможет начать собственное дело, нужно три года (позже время обучения варьировалось от двух до пяти лет), распространение специалистов должно было происходить экспоненциально каждые три года. В 1452 году два мастера-книгопечатника до 1460 года могли обучить лишь восьмерых, но в 1470-м году это число составило бы 128, в 1480-м – тысячу, в 1490-м – 8 тысяч, в 1500-м – уже 64 тысячи… На самом деле к тому времени благодаря естественной конкуренции график выровнялся. К 1500 году в тысяче книгопечатных цехов работало от 10 до 20 тысяч человек.

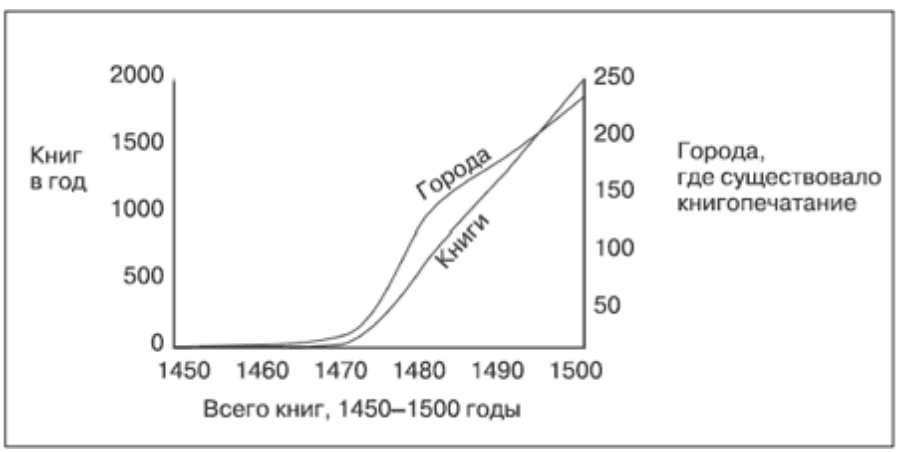
Проанализировать быстроту распространения специалистов можно, подсчитывая города, в которых имелись прессы. В 1480 году (спустя всего 12 лет после смерти Гутенберга) книгопечатные прессы существовали в 122 городах Западной Европы, причем почти половина из них находилась в Италии.

> В 1480 году книгопечатные прессы существовали в 122 городах Западной Европы.

Европейские города, в которых существовало книгопечатание, 1480 год.

Италия	50
Германия	30
Франция	9
Голландия	8
Испания	8
Бельгия	5
Швейцария	5
Англия	4
Богемия	2

В течение следующих 20 лет количество городов, в которых существовало книгопечатание, увеличилось еще в два раза: в 1500 году в 236 городах был как минимум один пресс (в том числе, как ни странно, в городке Цетине в Черногории, где в 1493 году появился первый славянский пресс, использовавший кириллические литеры, привезенные из Венеции; однако он просуществовал недолго: черногорцы переплавили свинцовые литеры в пули).



* * *

Италия многим обязана молодому Конраду Свейнхейму, который, возможно, был протеже Гутенберга и мог извлечь выгоду из (теоретической) связи между Гутенбергом и Николаем Кузанским.

В 1459 году у Николая, епископа Бриксена, были проблемы с местным австрийским правителем. Его старый друг Пикколомини, который теперь являлся папой Пием II, пригласил Николая в Рим. «Твои способности, – писал он, – не должны увядать средь снегов и мрачных пейзажей». В Риме Николая

Кузанского, много сделавшего для реформирования порочных монастырей Германии, возмутило то, что он увидел: «Здесь все испорчено! Никто не выполняет свою работу так, как следует! Ни ты, ни кардиналы не болеете за интересы Церкви!» (Кстати, так, с удивительно яркой и искренней самокритикой, описывал разговор сам Пий – ведь в душе он был писателем.) В ответ на это Пий посоветовал Николаю немного отдохнуть.

Городок Субьяко, расположенный в 70 километрах к востоку от Рима, был хорошим местом для уединения: он находился среди холмов, рядом с озером, созданным по приказу императора Нерона. Святой Бенедикт был отшельником в здешней пещере, что вдохновило бенедиктинцев на создание здесь монастыря, посвященного его сестре-двойняшке, святой Схоластике. А Николай, как вы помните, поддерживал бенедиктинцев, с помощью которых он осуществлял реформы в Германии.

> Италия многим обязана молодому Конраду Свейнхейму, который, возможно, был протеже Гутенберга.

Являлось ли простым совпадением то, что именно в Субьяко, точнее, в монастырь Святой Схоластики, прибыл молодой Свейнхейм со своим другом Арнольдом Паннарцем, когда они отправились на юг в 1464 году? Это было отнюдь не совпадение, о чем свидетельствует предисловие к изданию трудов святого Иеронима, напечатанному Свейнхеймом и Паннарцем в 1470 году. Предисловие написал Джованни Андреа де Бусси, который раньше был секретарем Николая Кузанского, а теперь являлся главным библиотекарем Ватикана. Таким образом, он, как и его бывший босс, был заинтересован в том, чтобы утверждать: книгопечатание, насчет которого у папы все еще оставались сомнения, было Божественным благословением, «счастливым даром христианскому миру». Джованни Андреа де Бусси пишет следующее.

То, что книги, которые раньше было сложно приобрести даже за 100 золотых монет, сегодня можно купить всего за двадцать в хороших версиях без ошибок, это, вероятно, большая победа Вашего Святейшества… Сложно вспомнить другие изобретения, древние или современные, которые были бы так же важны для человечества.

И затем следует предложение.

Это то, чего душа (глубокоуважаемого и богодостойного)

Николая Кузанского… так страстно желала: чтобы священное искусство, родившееся в Германии, пришло на римскую землю.

Конечно, доказательств связи нет, но их несложно представить: Николай находился в Субьяко, рядом с любившими книги бенедиктинцами, чьи майнцские коллеги были близки к событиям, развернувшимся вокруг изобретения книгопечатания, и принимали участие в диспуте между соперничавшими архиепископами (это был 1459 год, когда в Майнце начала назревать гражданская война). К тому времени Кузанский уже должен был знать о 42-строчной Библии. Возможно, его собственная копия, которая сейчас хранится в Вене, тогда уже прибыла в Бриксен, и вскоре он закажет себе копию «Католикона» (которая до сих пор хранится в библиотеке в Исследовательском центре Николая Кузанского в Бернкастель-Кусе). Представьте себе его письмо старому другу Гутенбергу, в котором он рассказывает о том, каким идеальным местом является Субьяко: монастырь, бенедиктинцы, разумное расстояние от Рима и сомневающегося папы. Если бы кто-то из немецких книгопечатников захотел отправиться на юг, это место подошло бы лучше всего.

Было подобное письмо на самом деле или нет, но Свейнхейм и Паннарц в 1464 году прибыли в Субьяко, где в следующем году издали первую итальянскую печатную книгу – труд малоизвестного раннего христианина Фирмиана Лактанция, после чего отправились в Рим, где напечатали в общей сложности 28 книг. Но затем начались неприятности. Проблема заключалась в перепроизводстве книг в Италии. Рынок был переполнен, и в домах Свейнхейма и Паннарца скопилось множество непроданных и непереплетенных книг. В 1472 году Бусси замолвил за них словечко перед папой, но безрезультатно. Вскоре после этого Паннарц умер, а Свейнхейм стал заниматься рисованием карт.

Свейнхейм и Паннарц в 1464 году прибыли в Субьяко, где в следующем году издали первую итальянскую печатную книгу.

Ульрих Ганн, который, возможно, учился в Бамберге, находился в Риме в 1466 году. Иоганн фон Шпейер и его брат Венделин, оба воспитанники Майнца, в 1467 году получили право на монополию в Венеции, о чем гордо свидетельствует латинский колофон: «Первым, кто печатал книги с использованием бронзовых форм в адриатическом городе, был Иоганн родом из Шпейера». Здесь к братьям фон Шпейерам присоединился Николя

Жансон, французский шпион, которого отправили к Гутенбергу, чтобы научиться всему, чему он сможет, но теперь уже не являвшийся шпионом, поскольку, перед тем как уехать на юг, он жил в Германии, став мастером-гравировщиком. Жансон разработал великолепный латинский шрифт, который использовался в 1471 году для печати первой Библии на итальянском языке, что означало отказ от немецкой текстуры, основанной на рукописном шрифте. После смерти Иоганна его монополия утратила силу, и Жансон основал свою собственную. Иоганн Нумейстер, еще один протеже Гутенберга, поселился в Фолиньо и в 1472 году напечатал первое издание «Божественной комедии» Данте. (Кстати, теперь это был взаимный процесс: Нумейстер обучал Стефана Арндеса из Гамбурга, который вернулся в Германию и основал большое производство в Любеке в 1486 году.) Представители немецко-еврейского семейства, именовавшего себя Сончино, в честь первого итальянского города, в котором они поселились, стали первыми, кто напечатал книгу на иврите; племянник основателя семейства Гершон бен Моше был известен как Менцляйн – маленький житель Майнца (в честь города, в котором зародилось его ремесло). К 1480 году в Италии было уже намного больше книгопечатных центров, чем в Германии.

* * *

Венеция, где было 150 прессов, являлась книгопечатной столицей не только Италии, но и всей Европы. Успех пришел к ней по многим причинам. Она была городом-государством, оставшись в стороне от династических войн соседей и сохранив независимость. Географическое положение Венеции было особо выгодным для сухопутной и морской торговли, благодаря чему она стала самым богатым городом Европы. Венецианские корабли плавали в грекоязычную Византию. Поэтому, когда в 1453 году турки захватили Константинополь и превратили его в Стамбул, византийские ученые бежали именно в Венецию, образовав здесь общину ученых-эмигрантов «Школа и греческая нация». Падение Константинополя было большой катастрофой для христианского мира, но в то же время оно дало толчок развитию науки в Европе. 29 мая 1453 года стало одной из немногих дат, которые я запомнил навсегда, потому что это был день рождения Ренессанса – день, когда европейцы начали мыслить и рисовать правильно. Этому историческому анализу недостает деталей, но он подчеркивает, что закон непреднамеренных последствий,

который обычно утверждает, что действия, исполненные благих намерений, иногда прокладывают дорогу в ад, может также означать противоположное. Так было и в этом случае. Приток греков с их манускриптами подсказал ученым и художникам Ренессанса, что в поиске своих классических предшественников им следует лучше изучить собственные долатинские корни, скрытые в трудах древних греков.

> Венеция, где было 150 прессов, являлась книгопечатной столицей не только Италии, но и всей Европы.

Один из таких ученых – скромный провинциал Теобальдо Мануччи, который в 1480 году обучал молодых принцев Альберто и Лионелло Пио из семейства Карпи. Теобальдо, получивший образование в Риме и Ферраре, был знаком с дядей мальчиков, принцем Джованни Пико делла Мирандола. Пико был очень богатым и выдающимся человеком, который свободно владел не только латинским и греческим языками, но также арабским языком и ивритом – это удивительная образованность для молодого человека, ушедшего из жизни в возрасте 31 года. Через Пико Теобальдо Мануччи, чье имя было латинизировано как Альд Мануций, познакомился с его другом, венецианским ученым Эрмолао Барбаро.

> В Венеции, где тогда было уже столько книгопечатников, книг на греческом языке никто не издавал.

В Венеции, где тогда было уже столько книгопечатников, что из-за конкуренции многие из них вынуждены были бросить свое дело, Альд нашел нишу на рынке. Хотя на греческие исследования был огромный спрос, книг на этом языке никто не издавал. У местных греков не было технологии, а их письмо не было стандартизировано. Скромный преподаватель греческого языка посчитал это ужасным недостатком. Как же классическая литература могла способствовать развитию образования, если не было текстов? Теперь его задача была ясна. Альд Мануций нашел спонсоров, среди которых оказались и его бывшие ученики, разработал шрифт, вырезал пунсоны и приступил к делу. Это, конечно, было рискованное предприятие, но затраты и оригинальность позволили ему получить право на 20-летнюю монополию на издание греческих книг. Получив подобные гарантии, он с 1495 по 1498 год опубликовал пять томов произведений Аристотеля, после чего начал издавать десятки

других классических трудов, соответствовавших наивысшим стандартам, поэтому его наборщики и корректоры греческого текста обязательно должны были владеть классическим греческим языком. Благодаря верности Альда своему делу, его программе и стандартам Дом Альда стал ведущим книгопечатным издательством Венеции, а начатая им традиция издания греческих книг продолжалась до конца XIX века.

* * *

Все это позволило мне подойти к рассмотрению одной из самых безумных и самых прекрасных книг за всю историю книгопечатания. У нее красивое и труднопроизносимое название – «Гипнэротомахия Полифила» (*Hypnerotomachia Poliphili*), что переводится примерно как «Борьба Полифила за любовь во сне». Эти два вымышленных слова в буквальном переводе означают «Сонно-эротическая борьба любящего многих». Очень необычное название.

Эта книга – своего рода пасторальная фантазия, в которой влюбленный герой ищет, преследует и сопровождает свою возлюбленную Полию в различных местностях и зданиях, в чем ему помогают нимфы. В конце, когда кульминация кажется неизбежной, Полия растворяется в воздухе.

Сюжет книги таков. Полифил засыпает в лесу и на протяжении большей части книги видит сон. В этом сне Полия по просьбе нимф рассказывает свою историю, продолжающуюся до того момента, когда она встречает Полифила и жрицу, желающую услышать историю Полифила, в которой тот рассказывает о мнимой смерти, видениях и пробуждении в объятиях Полии. Но он все еще видит сон, в котором Полия заканчивает свой рассказ. В этот момент они обнимаются и Полия исчезает. Полифил просыпается. Конец.

> «Гипнэротомахия Полифила» – одна из самых безумных и самых прекрасных книг за всю историю книгопечатания.

Сложная, напоминающая матрешку структура – это лишь начало путаницы. Книга написана на искусственном языке, в котором итальянская грамматика сочетается со словами, взятыми из латыни, тосканского диалекта и греческого языка, многие из которых полностью вымышленные, с итальянскими окончаниями. Здесь также есть 80 эпиграмм и надписей на греческом, иврите, латыни с использованием вымышленных иероглифов и на

халдейском. Это работа человека, одержимого криптоманией. Удивительно, но «Гипнэротомахия Полифила» была переведена на английский, частично в 1592 году (только треть произведения), пол ностью – в 1999 году американским академиком Джоселином Годвином, профессором музыки из Университета Колгейта. Годвин был увлечен этой книгой на протяжении многих лет и закончил свой перевод к 500-й годовщине издания, великолепно упростив ее, чтобы избавиться от намеренного крайнего обскурантизма оригинала. Он позволяет читателю представить себе, как выглядели бы предложения, если бы он подражал авторскому стилю и его неологизмам: «На этом страшном куспидиновом побережье, на самом жалком месте возле этого альгентного и феторифного озера стояла севиозная Тисифона, эферальная и жестокая, со своим випариновым капилляментом, со своей несчастной месхиновой душой, безжалостно лютая».

Сквозь запутанные блистания, как, возможно, назвал бы это автор, просматривается скрытая эротомания, говоря иными словами, в этой книге пульсирует подавленная сексуальность. И герой, и героиня чрезмерно эротичны. Вот описание игры нимф, словно сошедших с картин Боттичелли: это девушки «молодые, благоухающие цветами юности и невероятно красивые, со своими безбородыми возлюбленными… Они взяли свои одеяния из тонкого шелка, сверкающие множеством привлекательных цветов, и связали их своими снежно-белыми руками, демонстрируя пышные формы своих упругих бедер… Они целовались сочными трепещущими языками, пропитанными мускусным ароматом, игриво проникая во влажные и смеющиеся уста друг друга…» и так далее, на протяжении многих страниц.

> «Гипнэротомахия Полифила» написана на искусственном языке, в котором итальянская грамматика сочетается со словами, взятыми из латыни, тосканского диалекта и греческого языка.

Как это ни странно, но эротическое содержание книги наиболее сильно выражено в описаниях зданий, в которых, как правило, происходит действие. И точно, эти подробности занимают более половины книги, и не менее 78 из первых 86 страниц – это описания зданий или садов. На 88 из 172 гравюр изображены здания. Мы по очереди проходим через напоминающий пустыню сад, через пальмовую рощу, мост, 8-угольную баню, дворец, ворота, гимнастический зал, колоннаду, двор, мимо гигантской пирамиды (описание которой занимает 50 страниц), двух колоссов, статуи слона, держащего обелиск,

минуем еще один мост, купальню, беседку и водный лабиринт. Таким образом, как видим, любовная история служит всего лишь дополнением к описанию зданий.

> Именно в предметах архитектуры Полифил может освободить свои сдерживаемые страсти, потому что здания символизируют тело.

Тем не менее история и здания переплетаются здесь весьма необычным образом. Слово «Полифил» означает «любящий многие вещи», а «Полия» – «многие вещи». И именно в предметах архитектуры Полифил может освободить свои сдерживаемые страсти, потому что здания символизируют тело. Я никогда не слышал об архитектурном фетишизме, но это он и есть. Это не что иное, как архитектурная эротическая фантазия. Арка девственна, мрамор безупречен, как кожа нимфы. Здания наполняют Полифила «наивысшим плотским наслаждением» и «пылающей страстью». На храме Вакха вырезан «твердый и безупречный» фаллос. Тоскуя по Полии и ища свою любовь, Полифил восхищается тем, что он видит, но вначале расстраивается, поскольку на статуе женщины написано: «Не прикасайся к моему телу». Однако позже он входит в храм, который становится местом проведения гораздо более откровенных обрядов. С помощью магнитных камней удивительно легко открываются двери, где на греческом и на латыни вырезано: «Пусть каждый следует своему удовольствию». Жрица зажигает факел и вставляет его в чашу, спрашивая нимфу о том, чего она желает. «Святая Жрица, – отвечает та, – я прошу милости для него [Полифила], чтобы мы вместе достигли царства любви»; а сам Полифил просит, чтобы «Полия больше не заставляла меня колебаться в этих любовных муках». Нимфа «с горячим вздохом, исходящим из ее пылающего сердца», признается, что она и есть Полия и что «твоя непоколебимая любовь унесла меня из школы целомудрия и заставила погасить мой факел». В ответ на это Полифил «воспламенился с головы до ног… растворился в сладких любовных слезах и полностью забылся». В конце этого любовного ритуала он «внезапно почувствовал, как земля у него под ногами задрожала» и «скрипящие петли золотых дверей зазвучали под сводами храма, словно грохот грома, пойманный в извилистой пещере». Кажется, что само здание разделяет оргазм Полифила. Некоторые иллюстрации сегодня назвали бы легкой порнографией (в копии Ватикана непристойные места были закрашены). Таким образом, это история о путешествии Полифила от одной возлюбленной к другой, от одного сексуального объекта к другому. Фраза *Amor vincit omnia* (лат. –

Любовь побеждает всё) повторяется на многих иллюстрациях; фраза «Эрос – отец всего» написана на горе на греческом, на латыни и на иврите. Как поразительно это отличается от отвращения, которое питали доренессансные церковники – вспомните хотя бы отвратительных флагеллантов Северной Европы – к зданиям и человеческому телу.

> Это история о путешествии Полифила от одной возлюбленной к другой, от одного сексуального объекта к другому.

Sopra de'queſto ſuperbo & Triumphale uectabulo, uidi uno bianchiſſimo Cycno, negli amoroſi amplexi duna inclyta Nympha filiola de Theſeo, dincredibile bellecia formata, & cum el diuino roſtro obſcu lantiſe, demiſſe le ale, tegeua le parte denudate della ígenua Hera, Et cú diuini & uoluptici oblectamenti iſtauano delectabilmente iucundiſſimi ambi connexi, Et el diuino Olore tra le delicate & niuee coxe collocato. Laquale commodamente ſedeua ſopra dui Puluini di panno doro, exquiſitamente di mollicula lanugine tomentati, cum tutti gli ſumptuoſi & ornanti correlarii oppertuni. Et ella induta de ueſta Nympha le ſubtile, de ſerico bianchiſſimo cum trama doro texto præluccente Agli loci competenti elegante ornato de petre pretioſe. Sencia defecto de qualunque coſa che ad incremento di dilecto uenuſtamente concorre. Summa mente agli intuenti conſpicuo & delectabile. Cum tutte le parte che al primo fue deſcripto di laude & plauſo.

*

В «Гипнэротомахии Полифила» откровенное изображение

Леды и ее возлюбленного лебедя покоится над тщательно прорисованным заглавием, написанным на странной смеси итальянского языка и латыни, придуманной Колонной.

Кто же мог написать это произведение? И как оно могло быть напечатано? Официально книга анонимна, именно поэтому я до сих пор не упоминал имя автора. Однако из орнаментированных заглавных букв в начале каждой из 38 глав получается фраза *POLIAM FRATER FRANCISCVS COLVMNA PERAMAVIT* (Брат Франческо Колонна очень любил Полию). Так как «полия» означает «много вещей», это выглядит как тайное признание в своих эклектичных сексуальных вкусах. Считается, что этот Колонна жил в монастыре Святых Иоанна и Павла в Венеции, который был «нереформированным», а следовательно, нестрогим в своих стандартах, а это означало, что монахам было разрешено жить за пределами монастыря и делать практически все, что им нравится. До самой своей смерти в возрасте 94 лет скандально известному Колонне, очевидно, больше всего нравились женщины, архитектура и сады, что стало предметом энциклопедического исследования «всего, что возможно познать», и все это было вплетено в сюрреалистическое повествование. Он мог предаваться этим страстям благодаря удивительной щедрости или легковерию своего покровителя Леонардо Грасси (или Крассо), который оплатил Альду Мануцию издание книги.

В коммерческом смысле результат был катастрофическим. Очевидно, эта идея с самого начала была аналогична самоубийству, поскольку во введении покровитель пишет, что автор «задумал этот труд так, что лишь мудрые смогут проникнуть в святилище… Эти вещи не для масс». Он был прав. Мало кто купил эту книгу (хотя сам Альд, должно быть, гордился своим достижением, потому что заимствовал одну из иллюстраций, на которой были изображены дельфин и якорь, превратив ее в знаменитую эмблему Дома Альда, символизирующую активность, сдерживаемую самообладанием).

Скандально известному Колонне, очевидно, больше всего нравились женщины, архитектура и сады, что стало предметом энциклопедического исследования.

В коммерческом смысле это был провал, но что касается внешнего вида и последующей репутации, «Гипнэротомахия Полифила» стала настоящим чудом. За полстолетия она превратилась в культовую книгу, особенно во Франции. Использованный в ней шрифт, произошедший от латинского шрифта Жансона, – это свое образный типографский эквивалент

вожделения. Историк книгопечатания Джордж Пейнтер описывал его следующим образом: «высокий шрифт с засечками, одновременно жирный и изящный, темный и сияющий в своих черно-белых тонах» (этот шрифт был восстановлен в 1920-х годах и получил название *Poliphilus* (Полифил), тогда он должен был использоваться для перевода, который так и не был сделан; появился шрифт позже, в новом переводе Джоселина Годвина). В «Гипнэротомахии Полифила» присутствуют вычурные орнаментированные инициалы и многочисленные надписи в римском стиле, торжественно возвещающие о совершенстве классических стандартов, которые все еще можно увидеть среди руин прошлого, и утверждающие превосходство латинского стиля над готическим шрифтом, который использовал Гутенберг. Иллюстрации навели различных историков искусства на мысль о влиянии, если не прямой причастности, таких замечательных художников, как Мантенья, Джокондо, Беллини, Боттичелли и Рафаэль. Дизайн с чудесным сочетанием текста, иллюстраций, заголовков и эпиграмм представляет собой настоящий шедевр. Текст часто вытянут так, чтобы он поместился под рисунком или вокруг него; иногда он принимает форму кубка. Ничего подобного больше не было вплоть до появления авангардных книг начала XX века, и коллекционеры готовы умереть – или, по крайней мере, заплатить до 500 тысяч фунтов (750 тысяч долларов) – за любую из сохранившейся сотни копий. Для некоторых это просто прекраснейшая из когда-либо напечатанных нерелигиозных книг.

> За полстолетия «Гипнэротомахия Полифила» превратилась в культовую книгу, особенно во Франции.

Данная книга рассматривается также с совершенно другой точки зрения, игнорирующей язык и дизайн и исследующей ее как наглядный трактат о классической архитектуре, охватывающий широкий спектр зданий со всей соответствующей терминологией. Каждое упомянутое здание имеет свой древний источник: вот храм, связанный с Галикарнасским мавзолеем, а вот мостовая, напоминающая палестринскую мозаику. Но здесь есть не только реальные здания: в книге описываются вымышленные, фантастические строения, висящие в облаках, освещаемые через очень узкие щели или прозрачные, как Хрустальный дворец.

Знания автора настолько совершенны, что один эксперт, Лиана Лефевр из Делфтского технического университета, написала книгу, посвященную гипотезе о том, что автором «Гипнэротомахии Полифила» был не Колонна, а величайший и

самый эрудированный из архитекторов Ренессанса Леон Баттиста Альберти, который использовал похожие источники и стилистические приемы. Она приводит серьезные аргументы (которые тем не менее не получили всеобщего признания), связывая Альберти с совершенно другим Франческо Колонной – римлянином, а не венецианцем. Таким образом, акростих, вероятно, является не подписью, а осторожным посвящением.

«Гипнэротомахия», несомненно, удивила бы Гутенберга. Ничто не могло быть менее логичным или невероятным следствием его Библии, чем это экстравагантное, языческое, совершенно некоммерческое предприятие; ничто не могло быть более чуждым его строгим, коммерческим и религиозным намерениям.

> «Гипнэротомахия Полифила», несомненно, удивила бы Гутенберга. Ничто не могло быть менее логичным или невероятным следствием его Библии.

* * *

В Англии и во Франции, где книгопечатание было не менее значимым, чем где-либо еще, развитие новой отрасли происходило без лихорадочной конкуренции и не слишком зависело от немецких предпринимателей. Здесь наблюдалась скорее приливная волна, чем сметающее все на своем пути цунами.

В интеллектуальной жизни Парижа господствовала Сорбонна. Руководство этого университета подписало с 24 книгоиздателями, продававшими свою продукцию через четырех книготорговцев, договор, согласно которому они должны были изготовить копии традиционных академических текстов. Но в XV веке преподаватели – во главе с Гийомом Фише – тоже хотели получить доступ к трудам греческих и римских писателей – вдохновителей распространения гуманизма в Италии. В 1470 году ректором Сорбонны был немец Иоганн Гейнлин. Вместе с Фише он положил начало новому подходу к книгопечатанию в Париже. При поддержке Фише Гейнлин пригласил двух своих земляков – Ульриха Геринга из Констанца и Михаэля Фрибургера из Кольмара, – для того, чтобы они основали книгопечатный цех, и сообщил им, что нужно печатать. Тогда издательство впервые было отделено от книгопечатания, тем самым положив начало специализации, которая в конце концов привела к формированию отдельных профессий: издатель, шрифтолитейщик, наборщик,

книгопечатник, переплетчик, книготорговец.

Уильям Кэкстон, первый английский книгопечатник, примечателен хотя бы по той единственной причине, что он не был немцем. Это не является чем-то чрезвычайным, тем не менее до того, как стать книгопечатником, Кэкстон был признанным дипломатом и коммерсантом, и в своей новой профессии ему удалось достичь бóльших результатов, чем предшественникам. Его выделяет не техническая компетентность, а стремление издавать книги на английском языке, которое положило начало долгому процессу превращения хаоса склонений и диалектов в более простой всеобщий язык.

> Первый английский книгопечатник – Уильям Кэкстон.

Кэкстон был торговцем тканями, когда в 1462 году его назначили защитником торговых интересов Британии в Брюгге, где он управлял своей небольшой колонией в качестве посла и губернатора. Тогда ему было 40 лет. За несколько лет до окончания своего губернаторского срока в 1470 году Кэкстон начал работу по переводу собрания легенд о Трое, составленного французским священником и посвященного герцогу Бургундскому. Вскоре он оставил перевод, вероятно, потому, что не видел возможности продать его в Англии в разгар гражданской войны, получившей название «война Роз». Но после окончания губернаторского срока его призвали к Бургундскому двору. Случилось так, что в то время герцогиней была Маргарита Йоркская, сестра короля Эдуарда IV. Двумя годами ранее она вышла замуж за Карла Смелого Бургундского, который пытался сделать Бургундию независимой страной и искал поддержки Англии в войне с французами. В стране все еще говорили об их пышной свадьбе. Во время аудиенции герцогиня захотела увидеть перевод Кэкстона. Она предложила ему внести несколько правок и приказала закончить перевод. Затем Кэкстон поехал в Кёльн, где взялся за работу. Но для него это было слишком сложно. Когда он писал, перо изнашивалось, рука уставала и в глазах темнело от перенапряжения.

Именно в Кёльне он узнал о лучшем способе воспроизведения рукописей. Ульрих Целль, один из протеже Петера Шёффера, основал здесь в 1466 году книгопечатный цех, и одним из его учеников был Иоганн Вельденер, которого Кэкстон нанял то ли в качестве учителя, то ли в качестве издателя своей книги, то ли в качестве учителя и издателя. Предприятие это было весьма рискованное, но Кэкстон, по-видимому, оправдывал свой риск стремлением исследовать новый рынок – издательство книг на

английском языке. Выучившись ремеслу, купив пресс и литеры, он нашел себе верного помощника, Винкина де Ворде, немца из Ворта, расположенного в 100 километрах к югу от Майнца (как видим, связи с немцами избежать не удалось). Потратив кучу денег на покупку бумаги, Кэкстон издал первую печатную книгу на английском языке – 700-страничное «Собрание повествований о Трое» (*Recuyell of the histories of Troye*), – возможно, в 1471 году в Кёльне либо одним-двумя годами позже в Брюгге, куда он перенес свое производство.

> Кэкстон стремился исследовать новый рынок – издание книг на английском языке.

В 1476 году Кэкстон вернулся в Лондон, на территорию Вестминстерского аббатства, с первым в Англии книгопечатным прессом. Скромность стала отличительной чертой Уильяма, и казалось, будто он счастлив уже тем, что ответственность за печатание книг на английском языке выпала на долю «простого человека Уильяма Кэкстона». У истоков его успеха стояла самокритика. Кэкстон знал французский достаточно хорошо для того, чтобы признать все допущенные им при переводе неточности, но был не совсем уверен в своем знании родного языка. «Простите мне мой грубый и простой английский, если где-либо встретится ошибка, – писал он в посвящении королеве-матери Маргарите Бофорт, – ибо признаюсь, что я не изучал ни искусство риторики, ни те блестящие слова, которые используются в наши дни». Но ему не нужно было волноваться. Как говорил Кэкстон, он желал создать «английский, который не был бы ни слишком грубым, ни слишком сложным», и здорово в этом преуспел, издав 100 книг, которые все вместе, по словам одного из его биографов, Лотте Хеллинги, образуют «монумент удовольствию одного человека, разделившего с другими свое уважение к книгам (которым он придал новую форму) и свое наслаждение от их чтения».

> Первая печатная книга на английском языке, которую издал Кэкстон, – 700-страничное «Собрание повествований о Трое».

Успех Кэкстона, сделавший его богатым, также заложил основы двух факторов, которые сохранились до наших дней: лингвистическое господство Лондона и множество нелогичностей, которые так смущают иностранцев. Как отмечал сам Кэкстон, в то время английский язык чрезвычайно быстро менялся: «Определенно, наш язык сегодня очень далек от того,

каким он был, когда я родился». Язык Чосера, родившегося в предыдущем столетии, понять намного сложнее, чем английский Кэкстона. Как говорил сам Кэкстон, он воспроизвел старомодную сложность Чосера в наиболее известном своем издании – «Кентерберийских рассказах», вышедших в 1477 году и переизданных в новой редакции в 1483 году. Старые формы – адъективные склонения, неправильные формы множественного числа, изменяющиеся формы прошедшего времени – отживали свое, как отмечает Билл Брайсон в своей книге «Родной язык» (*Mother Tongue*). Если бы вы отъехали от Лондона на 80 километров, вас могли бы и не понять. В Лондоне в молитве говорили: *Forgive us our trespasses*, а в Кенте: *And vorlet ous oure yeldinges* (Прости нам наши прегрешенья). Кэкстону удалось зафиксировать в печати формы, которые могли исчезнуть, такие как *half / halves, grass / graze, bath / bathe*, и даже несколько тройных форм, таких как *life / lives*, из которых вторая может иметь и длинную, и короткую форму, как, например, в предложении: *A cat with nine lives lives next door*. Людям, которые сегодня изучают английский, кажется неудачным совпадением, что Кэкстон начал свое дело, когда люди все еще писали слово *knight* (англ. – рыцарь) так же, как Чосер (что-то вроде *ker – n – ich – t*, то есть ближе к германскому корню *Knecht*, чем к слову *nite* времен Кэкстона или современному варианту написания).

Все это имело огромное значение в эволюции английского языка. Однако в истории книгопечатания работа Кэкстона – скорее, следствие, чем причина. К моменту его смерти в 1491 году горячие дни исследований и открытий закончились и вся Европа была занята их практическим применением.

> Кэкстон желал создать «английский, который не был бы ни слишком грубым, ни слишком сложным».

Постскриптум

Тем не менее на южной окраине Европы уверенное распространение книгопечатных прессов внезапно столкнулось с препятствием. Путь ему преградил исламский мир.

Европейцам это может показаться загадкой. Ислам, упрочив свои позиции с помощью меча, существовал совершенно в другом измерении, где процветали образование, наука и искусство. К 1000 году в мире за пределами Европы, от Испании до Пенджаба, где господствовал ислам, царило культурное, религиозное и торговое единство. У одного торговца был склад на Волге, у другого – в Гуджарате. Арабские динары имели хождение в Финляндии, а чеки, которые арабские работорговцы выписывали в Центральной Сахаре, могли быть погашены в Каире. Этот мир не был миром эгоцентричных экстремистов. Исламские ученые интересовались основами греческой науки и философии и массово переводили классические греческие произведения. Книги любили, почитали и собирали в большие библиотеки: в библиотеке Каира было 200 тысяч книг, в библиотеке Бухары – 45 тысяч. В XI веке Авиценна (Ибн Сина, как выглядело его имя на арабском языке) был известен как Аристотель Востока; его медицинская энциклопедия на протяжении 300 лет являлась главным медицинским учебником Европы (как дань интернациональной природе образования в XV веке, эта книга была издана в переводе на иврит немецко-еврейским книгопечатником Иосифом бен Иаковом Гунценхаузером Ашкенази в Неаполе). Арабы переняли у индусов систему счисления, которую мы сегодня называем арабской. Их наука дала европейцам множество терминов: «алхимия» (*al – kimiya* – преобразование), «зеро» (*sifr* – пустой), «алгебра» (*al – jabr* – воссоединение). Багдад намного превосходил Рим в богатстве, даже если не принимать во внимание преувеличение многих мусульманских свидетельств. В X веке один калиф встречал византийского правителя с 160 тысячами кавалеристов и 100 львами и пригласил своего трепетавшего гостя во дворец, украшенный 38 тысячами занавесей и 22 тысячами ковров.

> К 1000 году в мире за пределами Европы, от Испании до Пенджаба, где господствовал ислам, царило культурное, религиозное и торговое единство.

Вы можете сказать, что со всем своим богатством, научными традициями и городскими удобствами ислам создавал идеальные

условия для распространения книгопечатных прессов. У мусульман были бумага, краски, винные прессы, так как строгий запрет на спиртное был введен позже. Кроме того, арабская письменность основана на алфавите. То, что буквы имеют четыре разные формы в зависимости от их положения, не представляет большой проблемы для гравировщиков и наборщиков – как-никак, Гутенберг иногда имел дело с дюжиной различных форм одной и той же буквы.

Но что же случилось, когда мусульмане узнали о том, какие возможности способно раскрыть перед ними изобретение Гутенберга? Совершенно ничего.

Книгопечатание не оказало никакого влияния на мусульманский мир в ближайшие 400 лет, и лишь в XIX веке в Индии мусульмане начали печатать трактаты, а затем газеты. К началу XX века в северо-западных провинциях Индии и в Пенджабе мусульмане издавали 4–5 тысяч книг каждую декаду. Чем же был вызван этот пробел?

> Книгопечатание не оказало никакого влияния на мусульманский мир в ближайшие 400 лет, после того как мусульмане узнали о возможностях, которые способно раскрыть перед ними изобретение Гутенберга.

Явно не неосведомленностью, поскольку информация о книгопечатании была принесена евреями, бежавшими от преследований из Испании в Константинополь. На протяжении большей части XV века – во времена освобождения Испании от арабов, или от правления мавров, – миллион евреев чувствовали себя здесь хорошо, имея представителей в правительстве и прекрасных ученых. Однако их положение часто определялось тем, примут ли они христианство, поскольку от этого зависело, смогут ли они избежать христианского антисемитизма. В 1492 году, когда мавры были окончательно разбиты, инквизиция вступила в свои права, предложив евреям выбор: обращайтесь в христианство или убирайтесь. Около 20 тысяч семейств, то есть почти 100 тысяч человек, среди которых были и книгопечатники, предпочли изгнание. В 1493 году еврейские беженцы в Константинополе издали первые книги на иврите. Около 1500 года в Италии издан Коран на арабском. Поколением позже, в 1530 году, Гершом бен Моше, внук Исраэля Натана Сончино, основателя великого еврейско-немецко-итальянского семейства книгопечатников, обосновался в Стамбуле, а позже переехал в Каир. Поэтому образованные мусульмане просто не могли не знать о книгопечатании и его потенциале.

Тем не менее мусульманские торговцы, ученые и правители

проявили не заинтересованность, а, скорее, открытую враждебность. Когда бывший раб, поступивший на государственную службу и обратившийся в ислам, в 1729 году основал в Стамбуле первое книгопечатное производство, он успел издать всего 17 книг до тех пор, пока религиозное сопротивление не стало настолько сильным, что в 1742 году цех пришлось закрыть.

Опять же: почему? Для историков это загадка, так как ни один мусульманский лидер того времени никак не комментировал упомянутые события. Как говорит исследователь Фрэнсис Робинсон, профессор истории из Королевского колледжа Холлоуэй при Лондонском университете, «современной науке не известно наверняка, почему мусульмане так долго отказывались от книгопечатания». На ум приходят разные версии, но они кажутся неубедительными. Возможно, причиной было то, что в исламе были очень сильны традиции переписывания или то, что каллиграфия почиталась и почитается как высочайшее из исламских искусств. Но ведь в XV веке эти традиции были сильны и в Европе. Возможно, мусульмане отказывались от книгопечатания потому, что они не принимали инноваций, особенно неисламских. В последней версии есть доля истины, так как Европа на тот момент покоряла весь мир, обходя стороной мусульманские государства, тем самым усиливая оборонительный консерватизм ислама; но ведь практичные инновации – от кремневого замка до электричества – со временем были приняты.

> Мусульманские торговцы, ученые и правители проявили не заинтересованность, а, скорее, открытую враждебность к книгопечатанию.

Как пишет Робинсон (и как подтвердит любой мусульманин), ответ кроется в ряде фундаментальных исламских предположений о природе истины. Для мусульман Коран – это слово Божье, имеющее даже большее значение, чем Библия для христиан или Тора для евреев. Чудесность Корана является доказательством существования Бога. Слово «Коран» означает «чтение вслух». Его божественность проявляется через изучение и чтение вслух. Его слова, как говорит Констанс Падуик в книге «Мусульманские обряды» (*Muslim Devotions*), – это «ветки пылающего куста, зажженного Богом». Он был записан лишь для того, чтобы помочь запоминанию и передаче в устной форме. Стандартное египетское издание Корана, напечатанное в 1920-х годах, было воспроизведено не на основании изучения различных манускриптов, а на основании 14 различных декламаций.

Являться хафизом (тем, кто знает наизусть весь Коран) было и остается высокой честью.

> Для мусульман Коран – это слово Божье, имеющее даже большее значение, чем Библия для христиан или Тора для евреев.

И это стало общим правилом. Авторская работа получала одобрение лишь тогда, когда писец прочитывал ее автору. В мусульманской школе (медресе) ученики пишут под диктовку учителя, но целью всегда была передача устного текста из памяти учителя в память учеников. Книги являлись вторичными. Как гласит мусульманская мудрость, «книги умирают, но память живет». И действительно, доказательством «законности» служила иджаза – передача содержания работы в устной форме, от одного человека другому. Таким образом, «ученик являлся тем, кому в его поколении доверялась часть великой традиции исламских знаний, передававшихся с древних времен».

Конечно же, в интересах религиозных правителей было постоянно это подчеркивать, как делали и жреческие элиты Древнего Египта и Месопотамии. Имамы не желали добровольно лишать себя работы, предоставляя людям прямой доступ к знаниям. Это был бы прямой путь к новшеству, а фактически – к ереси. Да, в XIX веке мусульмане приняли книгопечатание в Британской Индии – но только потому, что им пришлось пойти на уступки христианским миссионерам и индуистам. Как считает Робинсон, «из угрозы их власти книгопечатание превратилось в способ, с помощью которого они могли удержать и даже расширить ее». В католицизме книгопечатание изначально считалось Божьим даром; лишь позже оно обрело дьявольские черты; в исламе оно считалось дьявольским на протяжении 400 лет, пока большее зло не превратило его в меньшее.

Исламская реакция на книгопечатание демонстрирует недоверие к письменному слову, широко распространенное в консервативном обществе. Как пишет Барбара Меткалф, профессор истории из Калифорнийского университета в Дэвисе, индийские ведические традиции были основаны на утверждении о том, что «истина неотделима от живого слова авторитетных людей». Подобное отношение уходит корнями в Древнюю Грецию, где знания тоже передавались в устной форме. Входя в греческую культуру, алфавит – «финикийское письмо», как называли его греки, – проникал в нее с нижних слоев, через ремесленников, контактировавших с финикийскими купцами. Спустя 250 лет многие интеллектуалы все еще не были до конца уверены в том, что письменность – хорошая идея. «Если люди научатся этому, –

писал Платон, – в их душах будет посеяна забывчивость». Чтобы обрести истинную мудрость, необходимо общаться с хорошими учителями. Если же их слова записаны в книге, весь процесс нарушается.

> Мусульманская мудрость гласит: «Книги умирают, но память живет».

По мнению мусульман, как говорит Робинсон, книгопечатание «разрушало то, что в их понимании делало знания заслуживающими доверия, что давало им значимость и власть». Больше не будет авторитетной передачи знаний, больше не будет запоминания, власть исчезнет, и вера в Бога будет подорвана.

Неудивительно, что изобретение Гутенберга столкнулось с преградой.

> Чтобы обрести истинную мудрость, необходимо общаться с хорошими учителями.

Глава 10
Разделение христианства, объединение мира

После Майнца книгопечатание завоевало Европу, а затем и весь мир. Оно стало частью нашей жизни, но странно, что никто подробно не анализировал, каким образом это произошло. По словам автора лучшей статьи на эту тему, Элизабет Эйзенштейн, «те, кто соглашается, что за этим последовали важные перемены, не говорят, какие именно». К счастью, я тоже могу не говорить об этом, потому что цель данной книги – рассказать о том, как все начиналось. Я лишь опишу основные особенности вселенной, открытой Гутенбергом, и остановлюсь на втором взрыве, вызванном его изобретением.

* * *

Писцы исчезли. Итальянский коммерсант Веспасиано да Бистиччи в 1460-х годах нанял 45 писцов для того, чтобы изготовить 200 книг для библиотеки Козимо Медичи, и сделал вид, что презирает новое изобретение, однако к 1478 году он оставил это дело. Отдаляясь от своих корней, писцы копировали печатные шрифты, тщетно пытаясь удержать свои позиции. Участь писцов ожидала и иллюстраторов с их вычурной работой по украшению инициалов и полей.

Вместо них появились новые специальности. Рынок стремительно расширялся. Пособия по счетоводству покупали авторы, которые писали новые работы по счетоводству; книги об этикете, предназначенные для обучения юных дам скромности, приобретали их взволнованные родители и воспитатели; пастушьи календари покупали не пастухи, а поэты – так же как в наше время садоводов не интересуют деревенские дневники эдвардианских леди, пережившие катастрофу не приобретают инструкции по выживанию, а астрономы не покупают краткие истории Вселенной – если только не захотят узнать, как пишут бестселлеры.

Отдаляясь от своих корней, писцы копировали печатные шрифты, тщетно пытаясь удержать свои позиции.

Книгопечатание, конечно же, способствовало распространению грамотности, науки и образования, но происходил этот процесс довольно медленно. Хорошо продавался старый добрый мусор: астрология, алхимия, эзотерика (Гутенберг подал пример, издав «Книги Сивилл»). Козимо Медичи собрал множество диалогов, авторство которых приписывалось египетскому богу Тоту, греческое имя которого – Гермес Трисмегист. Книги о так называемой герметической традиции – аналог современной литературы нью-эйдж, предназначенной для тех, кто уверен в том, что прошлое – это сокровищница древней мудрости. И уверенность эта как нельзя лучше сочеталась со скрытностью тех, кто был заинтересован в сохранении покрова таинственности, например членов гильдий и в некоторой степени книгопечатников, которые в глазах людей обрели статус божественных, а то и дьявольских адептов (вспомните, как Фуста путали со средневековым чернокнижником Фаустом).

Тем не менее грамотность, наука и образование продолжали распространяться. Специалисты впервые смогли достичь согласия и воспользоваться знаниями друг друга, словно их стабилизировал вращавшийся гироскоп книгопечатания. Раньше о стандартах классической архитектуры можно было узнать только из нескольких манускриптов, из личных наблюдений или от путешествовавших специалистов, теперь работы Витрувия, установившего правила классической архитектуры во времена Христа, могли быть воспроизведены на всех основных языках и архитекторы, вооруженные трудами современных последователей Витрувия – Джакомо Виньолы и Андреа Палладио – могли воссоздать величие Греции и Рима в усадьбах от Йоркшира до Санкт-Петербурга. В 1570 году в Антверпене картограф Абрахам Ортелий опубликовал собрание карт в своем атласе «Зрелище шара земного» (*Theatrum orbis terrarum*). Его работа стала источником новой информации, вызвав всплеск интереса к географии; до 1598 года (дата смерти картографа). Этот атлас был издан 28 раз. Ученые, собиравшие информацию об открытых странах – ведь это был век открытия Нового Света и первого кругосветного путешествия, – могли использовать знания друг друга о неизвестных растениях, животных, ландшафтах, городах и народах. В ранних изданиях атласа Ортелия нашлось место для рая, однако позже он признал, что на самом деле ему не известно, где он находится («Под раем, – писал он, – должна пониматься блаженная жизнь»), и исключил его из атласа.

Книгопечатание способствовало распространению грамотности, науки и образования, но происходило это

довольно медленно.

Таким образом, европейские книгопечатные цеха оказались движущей энергией коммерческих и академических изменений. Книгопечатник стал общественной силой, координировавшей работу спонсоров, авторов, корректоров, поставщиков, гравировщиков, шрифтолитейщиков, типографщиков и соревновавшихся друг с другом продавцов, которые обещали покупателям более качественные титульные листы, алфавитные указатели и корректорскую работу. Но книгопечатные цеха были еще и мини-университетами со своими деканами – книгопечатниками, учеными-полиглотами, они также собирали и распространяли информацию. (Ученые, в свою очередь, часто баловались с красками, набирали страницы и использовали пресс.) В Италии, на своей второй родине, книгопечатание обрело богатую почву, на которой уже процветали ренессансное искусство и образование. Именно книгопечатание подхватило эти движущие силы и помогло им распространиться по всей Европе.

> Европейские книгопечатные цеха стали движущей силой коммерческих и академических изменений.

У людей впервые сформировалась более точная картина их собственного прошлого. В период Средневековья, когда существовала рукописная культура, было сложно получить достоверные и новейшие знания, поскольку, не занимаясь копированием или продажей манускриптов и не посещая все библиотеки мира, вы не могли проверить информацию. Для достижения прогресса было необходимо вновь обрести существовавшие знания – если можно назвать знаниями то, что не было широко известным. Поэтому большое значение имело классическое Возрождение, которое в период своего расцвета из источника знаний превратилось в фундамент дальнейшего прогресса. В то время все еще считалось, что Земле – в соответствии с библейской и иудейской традицией – было не более 6 тысяч лет. Чтобы расширить эти временные рамки, потребовалось бы открыть еще одну древнюю книгу, страницы которой – геологические пласты. Но историческое время вписывалось в рамки этих 6 тысячелетий, и истина стала приоткрываться, когда авторы и переводчики начали накапливать информацию об исчезнувших цивилизациях, начиная с фараонского Египта.

Книгопечатание способствовало появлению новых видов письменной речи. В прошлом, когда правители обращались к подчиненным, а юристы – к судам, их слова если и сохранялись,

то лишь в виде официальных документов. В отличие от научных работ, документов и указов, популярные литературные работы встречались достаточно редко (например, «Божественная комедия» Данте, «Декамерон» Боккаччо, «Кентерберийские рассказы» Чосера и даже «История двух влюбленных» Пикколомини). Теперь появилась возможность напрямую обращаться к каждому (фактически к любому, кто умел читать), где бы он ни находился, если только до него можно было дотянуться и убедительно обратиться на родном языке, а не на латыни. Никто не делал этого раньше (в виде книг, разумеется). Изобретались новые стили. В замковой башне неподалеку от Бордо Монтень писал то, что он назвал словом «эссе», рассказывая нам с вами о себе. Где-то в Испании неизвестный автор создал первый настоящий печатный роман («Жизнь Ласарильо с Тормеса», 1554).

В период расцвета Возрождение из источника знаний превратилось в фундамент дальнейшего прогресса.

Наука, в частности астрономия, развивалась медленно, потому что, перед тем как новые исследования смогли бы положить начало новым теориям, предстояло разобраться со старыми. Однако книгопечатание заложило основу прогресса. Германия дала миру величайшего астронома XV века – Иоганна Мюллера, родившегося в городе Кёнигсберг (Королевская гора), название которого он перевел на латынь как *Regiomontanus* (Региомонтан) и стал использовать в качестве собственной фамилии. Мюллер изучал труды Птолемея, чей «Альмагест» описывал движение планет как вращение совершенных окружностей вокруг Земли, освоил греческий язык, осознал неточность существовавших астрономических записей и переехал в Нюрнберг примерно в то же самое время, когда Кобергер начинал свою деятельность. Там он основал обсерваторию и книгопечатный цех, чтобы публиковать свои подробные наблюдения за Луной и планетами. В 1474 году Мюллер изобрел совершенно новый метод, который позволял вычислить географическую долготу, исходя из расстояния до Луны, однако эта система оказалась настолько сложной, что никто не мог ею правильно воспользоваться. Двадцатью годами позже, имея на вооружении один из альманахов Региомонтана, Колумб, наткнувшись на Америку, не мог понять, где он находится. Тем не менее работа Региомонтана положила начало традиции подробных астрономических наблюдений, которые спустя 70 лет помогли Копернику с его гелиоцентрической моделью Солнечной системы вытеснить Птолемея.

Книгопечатание заложило основу прогресса.

Областью, на которую появление книгопечатания оказало одно из самых заметных влияний, была возможность классифицировать практически любой аспект человеческой деятельности и знаний. Книгопечатные цеха всегда должны быть высокоорганизованными, где каждая вещь имеет свое место в одном из множества ящиков. То же самое касалось и содержимого книг. Теперь стало возможным воспроизводить текст постранично и нумеровать страницы, а также предоставлять читателям краткое содержание текста книги как на заглавных страницах (что позволяло издателям рекламировать свое творение), так и в виде алфавитных указателей. Первый печатный алфавитный указатель появился в двух изданиях «Об искусстве проповеди» (*De Arte Praedicandi*) святого Августина, напечатанных Фустом и Шёффером в Майнце и Ментелином в Страсбурге в начале 1460-х годов. К 1500 году вышло 83 книги с алфавитными указателями.

> Книгопечатание позволило классифицировать практически любой аспект человеческой деятельности и знаний.

Не следует недооценивать алфавитные указатели. Это ключ к современной жизни, позволяющий получить доступ к чему угодно – от филофакса до каталога национальной библиотеки. Алфавитный указатель – это не простая схема; он может представлять собой краткое содержание книги, ее квинтэссенцию, демонстрируя понимание, оценку и даже креативность (у составителя есть право решать, какие категории, подкатегории и перекрестные ссылки ему использовать). Все это стало возможным благодаря книгопечатанию. Раньше библиотекари, которыми обычно были монахи, применяли загадочные методы каталогизации. Например, у них было всего несколько книг и несколько читателей, а абонементной системы не было, поэтому библиотекари могли сортировать книги так, как им хотелось: по размеру, по тематике или по дате приобретения[5]. Эта средневековая система сохранилась до наших дней в одной из величайших коллекций книг – в Лондонской библиотеке, где более миллиона книг рассортированы по тематике, размеру и лишь затем по названию. Войдя туда, вы чувствуете себя подобно электрическому импульсу в головном мозге, путешествующему между нейронами. Если, например, вы, прогуливаясь вдоль темных полок и звонких металлических полов библиотеки в поисках инкунабул, ничего не найдете в отделе «Ин-кварто» категории «Наука и разное» (одной из самых креативных из всех

когда-либо изобретенных категорий), тогда можете попытать счастья в категории «Ин-октаво» или даже «Ин-фолио», а затем продолжить поиск в подкатегории «Библиография: Книгопечатание», «Биография: Гутенберг» или «История: Германия». Артур Кестлер, подозревавший, что «много в мире есть того, что вашей философии не снилось», утверждал, что однажды книга, которая, как оказалось, была ему нужна, упала с полки, когда он к ней приблизился. Но в конечном счете для того, чтобы найти тот или иной том, вам нужно обратиться к алфавитному указателю.

Давайте на минуту уделим внимание роли составителей алфавитных указателей в развитии демократии. Статуты, на которых основывалось английское законодательство, не были известны общественности до тех пор, пока Джон Растелл и его сын Уильям не издали в XVI веке все эти документы, начиная с 1327 года. Обратившись к «Табуле» Растелла, любой мог проверить, сколько раз Великая хартия вольностей подтверждалась в последующих статутах. Теперь монархи и члены парламента должны были осознавать, что их законодательные акты доступны любому образованному человеку и что они и их наследники несут ответственность за принятые ими законы. Впоследствии английское законодательство было сложно представить без легкого доступа (посредством нумерации страниц и алфавитных указателей) к этим основным документам.

Первый печатный алфавитный указатель появился в двух изданиях «Об искусстве проповеди».

Что касается образования, то показателем того, что теперь стало возможным, была Библия-Полиглотта (1568—1572), выпущенная в Антверпене французским книгопечатником и издателем Христофором Плантеном (в честь которого был назван шрифт). В этой 8-томной работе Плантен опубликовал оригинальный текст Старого и Нового Заветов на иврите, греческом, латинском, арамейском и сирийском языках. Затем последовали другие полиглотты: 10-томник, напечатанный в Париже в 1645 году, в который были добавлены арабский и самаритянский тексты, и 6-томник, изданный в Лондоне (1654—1657) и расширенный за счет эфиопского и персидского переводов. Конечно же, для каждого из них требовался свой шрифт, в результате чего возникали новые перспективы исследования Востока. И все эти масштабные проекты дополнялись приложениями и алфавитными указателями.

Монархи и члены парламента должны были

осознавать, что их законодательные акты доступны любому образованному человеку и что они и их наследники несут ответственность за принятые законы.

* * *

В «Соборе Парижской Богоматери» Виктора Гюго богослов смотрит на первую встретившуюся ему печатную книгу, а затем на собор – энциклопедию из камня, скульптур и витражей, содержащую записи о христианской вере и знания, передававшиеся из поколения в поколение. *Ceci tuera cela* (Это убьет то), – говорит он. Печатное слово положит конец историям, запечатленным в камне, и, как подразумевают эти слова, общепризнанной религии, передаваемой священниками и церковными художниками. Гюго, который писал, оглядываясь в прошлое, буквально в двух словах охарактеризовал процесс фрагментации, который хоть и начался задолго до Гутенберга, но стал необратимым благодаря печатному слову.

Вначале, когда книгопечатание помогало достать деньги на крестовый поход против турок, Церковь одобряла его как дар Божий. Когда противоборствовавшие стороны использовали книгопечатание во время гражданской войны в Майнце, его благо казалось неоднозначным. Но истинная сила книгопечатания стала очевидной лишь в начале больших перемен в европейской истории, получивших название Реформации. Как и в случае с возникновением книгопечатания, в наличии были все необходимые элементы: антиклерикализм, коррупция, нерелигиозные гуманистические учения, желание перемен, оживляющийся национализм, ненависть к римскому господству, – не хватало лишь фокуса и точки воспламенения. Пороховой бочкой стал Виттенберг, небольшой городок в Саксонии, а спичкой – Мартин Лютер.

Об этой истории часто говорят, но, как и в случае с жизнью Гутенберга, она до сих пор окутана тайной. Тем не менее данная история заслуживает подробного рассмотрения, поскольку эти события демонстрируют взрывную силу, высвобождаемую при столкновении героя, обстоятельств и техники. Сейчас мы увидим, что помогло начать вращаться быстрее двигателю революции, начатой Гутенбергом.

> Истинная сила книгопечатания стала очевидной лишь в начале больших перемен в европейской истории – в период Реформации.

Лютер был сыном крестьянина-рудокопа из Саксонии, который стал владельцем литейного цеха и хотел, чтобы Мартин продолжил его дело. Детство Мартина было суровым и страшным, преследуемым ведьмами и демонами, исполненным оскорблений и завышенных требований. Все это оставило на нем отпечаток. Мартин виртуозно владел искусством грубой брани и позже часто рассказывал, как родители и воспитатели избивали его до крови. Популярные психологи ухватились за это, чтобы объяснить сложный характер Мартина, но подобное обращение и верования были нормальными для авторитарных крестьянских семейств Германии XVI века. Как бы то ни было, когда Мартин вырос, он был постоянно взвинченным, вспыльчивым и более пугливым, чем большая часть населения этой преследуемой смертью вселенной, в которой Всевышний разрешил злым духам блуждать в темных лесах. Особенно сильно он боялся грозы.

Мартин получил юридическое образование в Эрфурте (возможно, идя по стопам Гутенберга). Именно неподалеку от Эрфурта с этим набожным, импульсивным и вспыльчивым 21-летним молодым человеком приключилось нечто, изменившее весь ход его жизни. Мартин прогуливался по безлюдной тропинке за деревней Штоттернхайм, как вдруг началась гроза, пробудившая его детские страхи. Объятый ужасом перед неминуемой смертью, он воскликнул: «Помоги мне, святая Анна, я стану монахом!» (святая Анна, мать Богородицы, считалась покровительницей рудокопов, потому что в своем чреве она хранила сокровище, как земля хранит сокровища, добываемые рудокопами). Так, вопреки отцовскому гневу, Мартин ушел в августинский монастырь, унеся с собой свои страхи. Там он боролся с собственными демонами. Мартин боялся смерти и непостижимой загадки жизни – Вселенной, созданной всемогущественным Богом, который, как ни странно, создал человечество погрязшим в грехе. Значит ли это, что мы прокляты? Мартин не мог это принять. Нам было дано право выбора, и мы могли бы предпочесть стремление к Богу, тогда, возможно, мы могли бы быть спасены. Но с Богом нельзя договориться, нельзя гарантировать спасение. Все, что мы можем делать, – это следовать за Иисусом и совершать добрые поступки. Но что именно нужно делать? Это никому не известно. Складывается парадоксальная ситуация: если мы исповедуемся – значит, мы совершали плохие поступки и мы прокляты; если же мы делали только хорошее и справедливо гордимся этим, то мы прокляты из-за греха гордыни. Этого было достаточно для того, чтобы привести человека в отчаяние. Но отчаяние – это грех, заслуживающий проклятия. Казалось, ему не избежать чистилища

– места между раем и адом, где человек отбывает наказания, очищающие его от грехов. И так Мартин томился в смятении и в духовной агонии в течение 10 лет.

> Когда Мартин вырос, он был постоянно взвинчен, вспыльчив и более пуглив, чем большая часть населения этой преследуемой смертью вселенной.

Но со временем он продвинулся на своем пути. Это был путь веры, что вел к мосту над пропастью греха и смерти. Но этот мост невозможно построить самому посредством силы воли, аскетизма или добрых деяний, потому что они лишь подготавливают путь. Никто другой не сделает этого за вас. Только Бог может дать спасение. Таким образом, Лютер пришел к своему основополагающему принципу: оправдание с помощью одной лишь веры.

> Все, что мы можем делать, – это следовать за Иисусом и совершать добрые поступки.

Если совершенство недостижимо, то несовершенство легко узнать. Мартин, к своему ужасу, открыл это во время посещения Рима в 1511 году, находясь в составе группы, которая должна была ходатайствовать о сохранении независимости их монастыря. Лютер сделал все возможное; он месяц пробыл в Риме, но так ничего и не добился. Зато он увидел Рим и устрашился увиденного. За пределами собора Святого Петра этот город представлял собой хаос разрушавшихся памятников древности, малярийных болот, сырости и дождей. Итальянцы мочились на улицах. Мартин их возненавидел (впоследствии, когда он хотел кого-то сильно оскорбить, то называл его итальянцем). Это место кишело проститутками благодаря клиентуре из среды духовенства. Папа Юлий II, по всеобщему мнению, был гомосексуалистом и сифилитиком. На улицах было полно нищих, среди которых встречались и священники. От их непочтительности во время службы Лютера тошнило. Позже он говорил: «Они смотрели папе не в лицо, а в задницу». Из наблюдений Мартина можно составить мнение о его характере: язвительный, пошлый, презирающий своих собратьев, стремящийся открыть прямой путь к Богу с помощью пессимизма и зарождающегося отчаяния. Неудивительно, что Церковь ничего для него не сделала.

Перед этой поездкой в монастырь поступила просьба от небольшого города Виттенберга прислать преподавателя для нового университета, открытого в их городе одним из германских

князей-избирателей, Фридрихом Мудрым. Фридрих жил в замке с собственной церковью, которая вскоре сыграет центральную роль в нашей истории. Итак, Лютер отправился в Виттенберг, чтобы читать библейские лекции, разрабатывая свое собственное необузданное и предельно субъективистское мистическое учение, не зависившее ни от истории, ни от образования, ни от святых, ни от чудес, ни от тех глупцов, которые считали, что пустая роскошь и ритуалы Церкви могут даровать благодать.

> Больше всего Лютера страшил рынок индульгенций – этих листов бумаги, освобождающих от грехов.

Больше всего его страшил рынок индульгенций – этих листов бумаги, освобождавших от грехов. Начиная с 1476 года можно было купить индульгенцию для умершего человека и тем самым спасти его от чистилища, а себя – от упоминания его в своих молитвах. В 1515 году папа Лев X из рода Медичи, человек амбициозный и хорошо разбиравшийся в финансах, хотел закончить постройку базилики над предполагаемой гробницей святого Петра в Ватикане. Чтобы достать денег на ее финансирование, он разрешил выпуск индульгенций. Германские лидеры негодовали по поводу оттока денег в Рим; некоторые, в частности император и молодой избиратель-архиепископ Майнца, о котором вскоре будет сказано больше, согласились с этим, некоторые были против. К числу последних принадлежал и князь-избиратель Фридрих Мудрый Саксонский, местный покровитель Лютера, который запретил продажу индульгенций, тем самым положив начало интересной цепочке событий.

Теперь на сцене появляется предприимчивый торговец индульгенциями Иоганн Тецель – доминиканский монах, который, как и многие его собратья, являл собой средневековый аналог продавца панацеи от всех болезней и одновременно ярый проповедник. Индульгенция, приобретенная у Тецеля, освободит вас от мук чистилища, даже если вы, как он якобы говорил, «изнасиловали Деву Марию». Хотите, чтобы вам простили ограбление церкви? Девять венецианских дукатов (или столько же гульденов). Хотите избавиться от наказания за убийство? Восемь дукатов. Вы можете даже купить индульгенции, которые освободят вас от еще не совершенных вами грехов. Вам больше не придется страдать – разве только от вида того, как ваши монеты опускаются в окованный железом сундук Тецеля. Он продавал индульгенции в течение последних 15 лет, не мог остановиться и теперь (когда ему было 48 лет). Тецель решил захватить рынок Саксонии, где не было конкурентов. Он открыл магазин неподалеку от саксонской границы, в Йютербоге, всего в 30

километрах от Виттенберга. «Смотрите, вы находитесь среди бушующего моря в мире невзгод и опасностей, не ведая, сможете ли безопасно достичь гавани спасения, – кричал он легковерным людям. – Вы должны знать, что все, кто исповедуется и в наказание положит милостыню в сундук, согласно совету исповедника, получат полное отпущение всех своих грехов».

> Иоганн Тецель – предприимчивый торговец индульгенциями, средневековый аналог продавца панацеи от всех болезней и одновременно ярый проповедник.

Лютер, которому в этот момент было 33 года, устрашился. Цинизм и материализм Тецеля был издевательством над его Богом и истинной природой христианства. Позже он писал следующее.

Я узнал, что Тецель проповедовал жестокие и ужасные слова: он получил благословение папы на отпущение грехов, даже если человек спал со Святой Богородицей… Кроме того, своими индульгенциями он спас больше душ, чем святой Петр своими проповедями. Более того, если кто-либо положит деньги в сундук за душу, пребывающую в чистилище, душа покинет чистилище и попадет в рай в тот самый момент, как монеты коснутся дна сундука.

Мартин Лютер написал письмо своему наивысшему духовному властителю (не считая папы) – Альбрехту Бранденбургскому, наследнику Дитера в должности архиепископа Майнца, который в то время оправлялся после гражданской войны, происшедшей 50 годами ранее.

Идя на этот шаг, он должен был знать, что Альбрехт не тот человек, который воспримет его жалобы всерьез. Альбрехт Бранденбургский был из рода Гогенцоллернов, к которому принадлежали будущие короли Пруссии и который враждовал с правителями Виттенберга – Веттинами. Альбрехт, полноватый веселый молодой человек, любил хорошую жизнь и уже немного знал о риске и капиталовложениях. У него была коллекция из 9 тысяч священных реликвий – достаточно для того, чтобы спасти его от нескольких миллионов лет пребывания в чистилище. Это позволило ему быть несколько распущенным в отношении вопросов морали. К тому же Альбрехт был очень амбициозным. Семейные связи дали ему возможность стать архиепископом Магдебурга, когда ему было всего 23 года, а годом позже – в 1514 году – он купил архиепископство Майнца. Он был слишком молод

– архиепископам должно быть минимум 30 лет, кроме того, закон не позволял иметь несколько бенефиций, не говоря уже о двойном архиепископстве, но за деньги можно обойти любой закон, правда, папа Лев X потребовал не привычные 10 тысяч гульденов, а целых 29 тысяч (это примерно 3 миллиона фунтов стерлингов, и не забывайте также о процентных отчислениях в государственный бюджет). Короче говоря, Альбрехт, дважды архиепископ, примас Германии, брат бранденбургского князя-избирателя, наследник одного из самых выдающихся германских семейств, был безумно богатым, влиятельным и владел поместьями по всему северу Германии. У него с папой было полюбовное соглашение, выгодное для обеих сторон. Он мог получить деньги с продаж индульгенций, разрешение на выпуск которых дал Лев, чтобы достроить свой последний проект в Ватикане. Лев предоставил Альбрехту локальную лицензию на продажу индульгенций, договорившись с ним о разделении дохода пополам (похожая договоренность существовала у него с Генрихом VIII, только в этом случае прибыль делилась в отношении 75/25 в пользу папы). Имея эти гарантии, Альбрехт занял денег у известного семейства банкиров Фуггеров, оплатил столько, сколько требовал папа, и стал ждать помощи от своих торговцев индульгенциями, одним из которых был тот самый гадкий Тецель. К тому времени как прибыло письмо Лютера, в котором тот проклинал Тецеля и индульгенции, угрожая расстроить все их финансовые планы, деньги уже поступили – примерно 36 тысяч гульденов, половина из которых была отправлена в Рим.

> Мартин Лютер написал письмо своему наивысшему духовному властителю (не считая папы) – Альбрехту Бранденбургскому, наследнику Дитера в должности архиепископа Майнца.

В свое письмо Лютер включил 95 пунктов на латыни, предназначенных «для обсуждения». Внешне все выглядело весьма пристойным и скромным. В конце концов, Лютер был никем, простым монахом, *fex hominum* (лат. – отбросы), посмевшим обратиться к такому высокопоставленному прелату. Представьте себе чувства, которые испытывал Лютер, принимая такую позицию. Высокопоставленный развратник, спящий с сифилитическими гомосексуалистами? Но ведь он имел достаточно власти для того, чтобы сжечь ничего не представлявшего собой священника, подозреваемого в ереси. Да, некоторые из его пунктов были скандальными.

• Папа не может отпускать грехи; он может лишь объявлять о прощении грехов Богом.

• Глупым и безнравственным со стороны священников было наложение епитимьи на умирающих, чтобы те попали в чистилище.

• Папа должен знать о жадности и извращенности торговцев индульгенциями, ибо тогда он будет знать, что базилика Святого Петра была построена на коже, телах и костях его паствы.

• Тот, кто действительно раскаивается, не должен бояться ожидающего его наказания, он должен принять его, как это сделал Христос.

• Если папа такой могущественный, то почему он не отпустил все грехи всем умершим людям и тем самым не освободил чистилище?

• Почему, вместо того чтобы грабить бедняков, он не построил базилику самостоятельно, ведь у него же были на это деньги?

Но это были всего лишь тезисы, в их изначальном смысле «предложений» – пунктов для обсуждения. Лютер всегда мог принять позицию верного слуги, скромно доносящего провокационные идеи – которые могли иметь ценность, а могли и не иметь, – чтобы избавить Церковь от неверных.

То, что произошло далее, стало предметом множества дискуссий. Согласно преданию, в канун Дня всех святых, 31 октября 1517 года, Лютер прикрепил свои 95 «тезисов» на дверь церкви Виттенбергского замка так, чтобы их могли увидеть все, кто придет утром, чтобы посмотреть на священные реликвии, выставлявшиеся в честь праздника. Это была впечатляющая картина: человек, стучащий молотком в дверь церкви, забивает гвоздь в гроб католической развращенности. Считается, что таким образом Мартин призывал к научной дискуссии. Затем ситуация внезапно вышла из-под его контроля. Кто-то скопировал тезисы, напечатал и распространил их по всей Германии, чему сам Лютер был удивлен больше всех. Это событие вошло в книги по истории, и сегодня о нем напоминает надпись на двери Виттенбергской церкви – но не на старой деревянной двери, которая была повреждена при пожаре в XIX веке, а на заменившей ее бронзовой двери, на которой написаны тезисы в шесть столбцов.

Тем не менее, как утверждал в 1961 году покойный историк католицизма Эрвин Изерло, оказывается, в то время никто о поступке Лютера не упоминал. И в собственных объемных эгоцентричных работах Лютера тоже ничего об этом нет. Источник этой истории, очевидно, – краткая биографическая

статья, написанная после смерти Лютера в 1547 году его другом Филиппом Меланхтоном, педагогом и будущим героем Реформации. Но это произошло через 30 лет после события. И когда Лютер написал свои тезисы, Меланхтона в Виттенберге не было; он прибыл туда лишь в августе 1518 года, почти год спустя. Современный биограф Лютера Ричард Мариус утверждает, что Лютер не стал бы рисковать и ставить князя-избирателя в неудобное положение, публикуя свои тезисы до того, как они были официально подтверждены для дискуссии, поэтому кажется странным, что он прикрепил их там, где их мог увидеть Фридрих, придя на утреннюю мессу.

> Согласно преданию, в канун Дня всех святых, 31 октября 1517 года, Лютер прикрепил свои 95 «тезисов» на дверь церкви Виттенбергского замка так, чтобы их могли увидеть все.

Таким образом, скорее всего, эта история – всего лишь легенда. Предположение Изерло вызвало негодование среди протестантов, не желавших быть свидетелями крушения своей главной иконы, поэтому данный случай все еще рассказывается ими как непогрешимая истина.

Есть один факт, который, как кажется, не привлек внимания экспертов. В то время Альбрехт был не в Майнце, а в 60 километрах от него, в своей официальной резиденции в Ашаффенбурге, и он не мог получить письмо Лютера раньше конца ноября. Публикация последовала только после этой даты. Поэтому в Виттенберге тезисы никто не копировал, иначе они были бы доступны общественности еще до того, как их получил Альбрехт. Местный книгопечатник Иоганн Рау Грюненберг, работавший здесь с 1508 года, приглашенный сюда новым университетом, открытым Фридрихом, был готов напечатать их, но, вероятно, даже не предчувствовал приближавшихся событий.

Альбрехт не совсем понимал, что происходит, поэтому обратился за советом к экспертам из Майнца. 17 декабря они сообщили, что ему следует действовать, причем быстро. Несколькими днями ранее он уже отправил тезисы папе, «в надежде на то, что Ваше Святейшество примет должные меры, чтобы этой запутанной ситуации можно было противостоять, если возникнет такая потребность и возможность».

> Тезисы, как это часто бывает с секретными документами, каким-то образом стали известны общественности.

В этот момент события вышли из-под контроля. Тезисы, как это часто бывает с секретными документами, каким-то образом стали известны общественности. Возможно, это произошло по вине одного из майнцских экспертов, однако кажется маловероятным, чтобы кто-либо из местных книгопечатников (например, Иоганн Шёффер, старший сын Петера) рискнул вызвать гнев Альбрехта, опубликовав их без его разрешения. Есть и другие возможные версии. Лютер, к примеру, мог разослать копии нескольким своим надежным друзьям, среди которых был его непосредственный руководитель Иероним Скультет (Хиеронимус Шульц), архиепископ Бранденбурга. Как бы то ни было, к середине декабря о них знало слишком много людей, чтобы они могли оставаться в секрете. Кто-то распространил тезисы, и события начали стремительно разворачиваться.

Позже Лютер утверждал, что тезисы разошлись по всей Германии за две недели. Это было не совсем так, однако перед Рождеством – практически в тот же день, когда Альбрехт получил совет от своих майнцских экспертов, – издания тезисов, переведенных на немецкий язык, появились в Лейпциге, Базеле, Нюрнберге и (вполне вероятно) самом Виттенберге. Как внезапно в наши дни слава приходит к поп-певцам и футбольным звездам, так и имя Лютера стало известно в каждом доме. Все говорили только о нем и его сокрушительных тезисах. Рынок индульгенций лопнул, как мыльный пузырь.

Звуками, сопровождавшими роковое послание Лютера, скорее всего, были не удары молотка, а скрип и стук работающих печатных прессов.

* * *

Лютер невольно стал революционером. Неоднократно он испытывал шок от того, чему дал начало. Но волна публикаций – не только его тезисов, но и последующих объемных трудов, – перенесла его в самый центр бури противоречий, превратив трещину христианства в настоящий раскол.

В следующем году он недвусмысленно критиковал индульгенции как вещи для ленивых христиан, которые хотели уйти от добрых деяний. Доминиканцы Тецеля начали охоту на еретиков, называя их псами Господа. Но это лишь способствовало распространению славы Лютера. Его книги стали более откровенными. Для чего нужны священники, говорил он, если они лишь подтверждали отпущение грехов, которое Бог даровал тем, кто по-настоящему раскаялся? В Риме прелаты поговаривали

о ереси, и в августе 1518 года Мартин был вызван для того, чтобы ответить на обвинения. Лютер был в ярости. Он всегда оставался верным сыном Церкви. Он требовал слушания в Германии, в присутствии его соратников. Рим приказал заковать его в цепи и заставить повиноваться. Фридрих Мудрый Саксонский, желавший защитить свои собственные права, выступил в поддержку Лютера: поездке в Рим не бывать.

> Лютер невольно стал революционером. Неоднократно он испытывал шок от того, чему дал начало.

В октябре Лютер поехал на имперский съезд в Аугсбурге, где итальянский кардинал, папский легат Томмазо де Гаэта, хотел собрать огромную сумму в 800 тысяч гульденов – таким образом Германия должна была поддержать крестовый поход против турок. Неудивительно, что сделать ему это не удалось. Когда Томмазо (более известный по имени Каэтан, которое происходит от латинизированной формы названия его родного города) наконец встретился с Лютером, то был в отвратительном настроении и стал кричать, что тот должен публично отречься от веры. Лютер отказался, сказал, что будет обращаться напрямую к папе, и уехал домой чрезвычайно возбужденным. Каэтан потребовал немедленно арестовать Лютера. В Виттенберг прибыло еще 70 приказов схватить Лютера и доставить его в Рим. Фридрих некоторое время колебался. Лютер приготовился к побегу. Затем Фридрих проявил решимость и сказал, чтобы Лютер оставался под его протекцией. Если для решения вызванных Лютером проблем должен быть созван собор, то проходить он должен был в Германии, что являлось бы прямым политическим вызовом папе, означавшим возвращение к тем темным временам, когда папы подчинялись соборам.

> Лютер всегда оставался верным сыном Церкви.

В июне 1519 года, когда Лютер вступил в открытую дискуссию с известным сторонником папы Иоганном Экком в Лейпциге, обстановка накалилась еще больше. Собралась толпа, состоявшая из двух противоборствовавших лагерей, таких же шумных, как футбольные фанаты. С самого начала – с семи часов утра 27 июня – участники дискуссии обсуждали вопрос о папской власти. Лютер во многом выигрывал, использовав в качестве козырей доводы, что христианская власть принадлежит Христу и его верной пастве, а не папе – это фактически «спор, обреченный на недостижение консенсуса» по определению Николая

Кузанского. День за днем перед публикой из сотен людей оба участника атаковали друг друга с помощью эрудиции, эмоций и аргументов, причем на латыни: Экк называл Лютера еретиком, подобным гуситам, а Лютер отвечал, что гуситы хотя бы следовали здравому смыслу, Экк заявлял о верховенстве папы, на что Лютер отвечал, что верховенством обладают Священные писания, прерываясь для того, чтобы обозвать Экка лжецом, и обращаясь к толпе, чтобы кратко изложить свои доводы на немецком. Это продолжалось две с половиной недели, и каждый из участников остался при своем мнении. Лютер ушел, считая папу дьяволом, который пришел в религиозной маске, чтобы разрушить человечество. Экк объявил о папском неодобрении.

Пока Рим готовил свою тяжелую артиллерию, Лютер нанес еще несколько ударов с помощью книгопечатания. Его проповеди, трактаты и полемика (на немецком языке, чтобы быть более понятными публике) разошлись из-под печатных прессов в количестве сотен тысяч копий по всей стране; многие из них содержали его портрет (сохранилось около 700 этих «летучих листов»). Листы Лютера стали опорной точкой пропагандистской войны, начавшейся в Майнце в 1460—1462 годах, и издательским феноменом, не имевшим себе равных (исключение может составить разве что «Красная книжечка» Мао Цзэдуна в разгар культурной революции в Китае). В течение 2–3 лет вышло как минимум 20 изданий двух проповедей Лютера. Согласно подсчетам одного исследователя, треть всех книг, напечатанных в Германии с 1518 по 1525 год, были написаны Лютером. Давайте задумаемся над этой цифрой. Конечно, книгопечатание в то время находилось на стадии становления, но в Германии тогда ежегодно печаталось около миллиона книг, треть из которых – 300 тысяч – были написаны Лютером. Этому нет современных аналогов, тем не менее данный феномен можно сравнить с тем, как если бы автор продавал почти 300 миллионов книг в Британии (где печатается около 800 миллионов книг в год) или 700 миллионов в США. И так – на протяжении семи лет.

> Проповеди, трактаты и полемика Лютера разошлись из-под печатных прессов в количестве сотен тысяч копий по всей стране.

Из всей этой лавины, наверное, самой сильной работой Лютера было обращение «К христианскому дворянству немецкой нации», своего рода манифест Реформации. Его заключение, написанное, конечно же, на немецком языке, – фактически призыв к войне. Каждый христианский лидер был обязан реформировать Церковь: «Виновные должны быть наказаны, – говорил он и

продолжал со справедливой яростью: – Послушай, папа, не святейший, но самый грешный, пусть Бог тотчас же разрушит твой престол!» Первый тираж появился на прилавках 18 августа. Он был распродан в считанные дни и через неделю переиздан. За три недели было продано 4 тысячи копий – и это в одном только Виттенберге, где книгопечатники сразу же стали богачами. В течение следующих двух лет вышло еще 13 изданий, а пиратские версии появились в Лейпциге, Страсбурге и Базеле. Германские принцы приняли эту информацию к сведению.

> Самой сильной работой Лютера было обращение «К христианскому дворянству немецкой нации», своего рода манифест Реформации.

К тому времени Лев X обнародовал свои условия: добровольное отречение Лютера в течение 60 дней, после чего его книги будут сожжены, а каждого читавшего их католика отлучат от церкви. Лютер, естественно, не отрекся от веры. В сентябре Экк путешествовал по Германии (обходя стороной Саксонию), распространяя копии папской буллы. Повсюду начались бунты. Люди угрожали распространителям и сжигали их брошюры. Лютер ответил своим яростным «Вавилонским пленением», в котором сравнивал Рим с Вавилоном, а христиан – с изгнанными и порабощенными евреями, порицая значение тех таинств, которые не упоминаются в Библии (среди которых был даже брак, который должен быть союзом, основанным на любви и предоставленных Богом естественных стремлениях, так что муж-импотент должен быть счастлив, если его жена найдет кого-нибудь другого, кто сможет оплодотворить ее). Наконец, он высказал самое большое оскорбление в сторону папы, назвав его богохульником: он требовал от него отречения от своего престола, «а если ты не сделаешь этого, мы отнимем у тебя твой престол, которым завладел Сатана, этот проклятый престол Антихриста». В Виттенберге под руководством Лютера на огромном костре было сожжено «Каноническое право» – документ, содержавший законы Церкви.

В январе 1521 года Лютер был отлучен от церкви, что привело его в ярость: «Почему мы не… бросимся со всем своим оружием на этих проклятых господ, на этих кардиналов, этих пап, на всю эту выгребную яму римской содомии?»

Решающего столкновения было не избежать, но оно вряд ли могло состояться в Риме, так как Лютер не поехал бы туда. Оно состоялось в Вормсе чуть позже в том же году. Насилие витало в воздухе, и Лютер нервничал, опасаясь судьбы Яна Гуса, который по прибытии в Констанц, где ему обещали императорское

покровительство, был сожжен. Но Лютер был немцем, а не каким-то богемским выскочкой. Он успокоил себя и поехал в сопровождении императорского эскорта в карете, впереди которой скакал глашатай, а вокруг толпились люди. В каждом городе его раздражал вид императорских плакатов, возвещавших о том, что его книги должны быть сожжены, но пока еще было неясно, чьи работы окажутся на костре. Лютер собрался с духом – плакаты служили в качестве рекламы, и люди, у которых никогда не было его книг, бросились их покупать.

В январе 1521 года Лютер был отлучен от церкви.

Вормс встретил его очень бурно. «Большинство людей кричало: „Лютер!“ – неуверенно записал один из папских нунциев. Остальные кричали: „Долой Рим!“» Во всех магазинах было полно его публикаций. Мартин Лютер был самым популярным автором и настоящей находкой для местных книгопечатников (одним из которых, кстати, был Петер Шёффер, сын партнера и соперника Гутенберга и брат Иоганна, который остался в Майнце).

17 апреля Лютер предстал в епископском дворце перед Карлом V из династии Габсбургов, выросшим в Бургундии, правившим в Испании и являвшимся императором Священной Римской империи. Рядом с окном лежали его книги, все 20 сочинений, которые, согласно папскому указу, должны быть преданы огню. Были зачитаны их названия. Затем Лютера спросили: «Отрекаешься ли ты от веры?» Зная, что настал момент, когда Церковь должна быть официально разрушена, он попросил время. Ему дали 24 часа. Когда он вернулся на следующий день, в зале было так много народу, что сидеть мог только император. Присутствовавшие хотели услышать простой ответ: да или нет, – но Мартин Лютер отказался идти на уступки и, к явному недовольству тех, кто его допрашивал, начал свою неотразимую речь.

Простого ответа не было: он не мог отречься от всех своих книг, потому что некоторые из них были вполне безобидными. Но даже для противоречивых книг у Лютера было оправдание. Его судьи должны опасаться избегания конфликта, поскольку иногда избегание битвы сохраняет зло. Он процитировал слова Иисуса: «Не мир пришел я принести, но меч». Его обвинитель Иоганн фон дер Эккен снова потребовал простого ответа: да или нет. Теперь Лютер наконец был готов. Впоследствии его ответ часто цитировали: «Мой разум подчиняется слову Божьему. Я не могу и не буду ни от чего отрекаться, потому что идти против разума неправильно и небезопасно». В более поздней печатной версии

добавлено: «Я стою здесь. Я не могу поступить иначе». Не в первый раз печатная версия добавила к правде драматизма, причем настолько убедительно, что эти слова теперь – часть мемориала Лютера в Вормсе.

> Мартин Лютер был самым популярным автором и настоящей находкой для местных книгопечатников.

Император дал свой ответ на следующий день. Он предоставит Лютеру свой эскорт, но не более, ведь тот был еретиком. Это был осторожный ответ, без утверждения папской власти. Лютеру разрешили остаться для дальнейшей дискуссии, в частности с мерзким человеком по имени Иоганн Добнек, бывшим крестьянином, а ныне священником и ученым, ярым противником Лютера и его идей. Он высказал грубое обвинение, что Лютер был против индульгенций только потому, что ему самому не разрешили их продавать. На Лютера это не произвело никакого впечатления, однако рвения у Добнека не поубавилось и он даже записал свою обличительную речь на немецком. Не найдя желавшего ему помочь книгопечатника в Вормсе, Добнек отправился искать его в другие места, в конце концов найдя его в Кёльне (о последствиях этого события мы узнаем чуть позже).

Официальная осторожность была мудрым шагом. Плакаты, подписанные кем-то или чем-то по имени Бундшух (очевидно, это была некая крестьянская группа), объявляли о том, что в защиту Лютера готовы выступить 400 рыцарей. Жизнь его обвинителей и, возможно, самого императора находилась под угрозой. Никто не знает, существовали ли эти рыцари, но никто не хотел искушать судьбу.

> Мартин Лютер: «Мой разум подчиняется слову Божьему. Я не могу и не буду ни от чего отрекаться, потому что идти против разума неправильно и небезопасно».

Лютер уехал 26 апреля в сопровождении императорского эскорта – но кто мог знать, насколько это безопасно? Никто: ни он, ни его покровитель Фридрих, который не хотел рисковать и приказал устроить ненастоящее похищение. В лесу кортеж Лютера окружили всадники, захватили его и умчались с ним в замок Вартбург – специально подготовленное Фридрихом место.

Тем временем в Вормсе имперские власти объявили Лютера вне закона, запретили его книги и наложили запрет на «клевету». Таков был приговор, который навис над Лютером и ограничил свободу его перемещения за пределами Виттенберга. Но это

ничего не изменило. Большинство людей по-прежнему поддерживало Лютера. Один из его оппонентов, сатирик Томас Мурнер, в 1522 году опубликовал в Страсбурге сочинение «О великой лютеранской глупости». «Мурнер» означало «ворчун», но также это было имя кота из народных сказок, поэтому карикатуристы по всей Германии изображали его с кошачьей головой. Как бы то ни было, в Вормсском эдикте забыли упомянуть о том, что запрещалось клеветать только на сторонников папы, поэтому местные пролютеранские власти наложили арест на книгу Мурнера.

> На перевод Нового Завета у Лютера ушло всего 11 недель, он появился в 1522 году.

Лютер продолжал прятаться в Вартбурге как «юнкер Георг», отрастив бороду и растолстев. Здесь он начал работу над своим следующим проектом – немецким переводом Библии. Его перевод Нового Завета, на который у него ушло всего 11 недель, появился в 1522 году. Это была на удивление сильная работа, основанная на еврейском и греческом текстах, намного превосходящая перевод Ментеля, базирующийся на латинском тексте и изданный в Страсбурге 60 годами раньше. Перевод Старого Завета увидел свет в 1534 году. Нельзя сказать, что Библия Лютера – труд одного человека (поскольку он использовал помощь других в отношении всех задействованных языков, в том числе немецкого), но этот проект был пропитан его мастерством и стал краеугольным камнем в формировании современного верхненемецкого диалекта. Лютер сознательно хотел избежать использования своего родного нижнесаксонского диалекта, чтобы, по его словам, «быть понятым людьми как из Верхней, так и из Нижней Германии». Он избегал использования слов, присущих местным диалектам, выбирая фразы, известные всем, упрощая и стандартизируя их написание. И это сработало: его Библия стала образцом великолепия и удобопонятности, каковым она остается и по сей день. В отношении лингвистического влияния эта работа стала немецким аналогом работ Шекспира и Библии короля Якова.

Через год, когда христианский мир был охвачен войной и бунтами, Лютер вернулся в Виттенберг. Раскол, которому он положил начало, уже было не остановить. Священники начали вести службы на немецком языке. Монахи женились (что сделал и Лютер четырьмя годами позже). Библия стала венцом работы Лютера; она обращалась непосредственно к людям, на привычном для них языке, как это делал он сам, принеся затишье в кипевший фанатизмом город. Он прожил еще 25 лет – достаточно для того,

чтобы увидеть, как другие принцы использовали его идеи для укрепления своих амбиций в противостоянии против папы и императора. Его реформистское течение разделилось на множество направлений, возглавляемых Цвингли в Швейцарии, Кальвином во Франции, Ноксом в Шотландии.

> Библия Лютера – проект, пропитанный мастерством, краеугольный камень в формировании современного верхненемецкого диалекта.

После смерти Мартина Лютера закончилась 10-летняя война между католиками и лютеранами. Это произошло в 1555 году, когда стороны заключили Аугсбургский мир и впервые было признано, что Германия действительно разделена между католиками и лютеранами. Религиозный плюрализм превратился в господствующую тенденцию, или, скорее, в две господствующие тенденции, реформистская ветвь которых вскоре разделилась на течения гугенотов, анабаптистов, арминиан и евангельских христиан, распространяясь по всем странам Северной и Центральной Европы, а затем и на противоположный берег Атлантического океана, в Церкви, имевшие мало общего, кроме их гордой независимости.

* * *

Доминирующая тема в этой истории – появление новых национальных настроений. Лютер обращался к немецкой нации на ее родном языке; он взывал к людям, по горло сытым господством иностранцев; его грубый язык положил начало культурному национализму, оказывавшему драматическое и стабильное влияние, хотя немцам понадобилось четыре столетия, чтобы прийти к логическому завершению – созданию национального государства. Но рожденные в Германии книгопечатание, язык и национализм коснулись всей Европы, в частности Англии, где они имели примерно такие же последствия.

Главным героем этого действия был Уильям Тиндейл. Он учился в Оксфорде, идя по стопам Уиклифа, который столетием раньше исследовал те же территории, что и Лютер. Тиндейл выступал против коррупции, клерикалов и папы. Кроме того, он перевел Библию (вероятно, Тиндейл сделал это не сам, но определенно оказывал содействие в данном процессе). В 1520-х годах Тиндейл работал преподавателем в Глостершире, когда ему пришла идея создания нового перевода. Тогда ему было около 30

лет. В 1522 году он узнал о переводе Лютера и был им вдохновлен. В Лондоне он испросил разрешения на издание своего собственного перевода Библии у лондонского епископа Кут-берта Танстолла. Но Танстолл, традиционалист, враждебно настроенный по отношению к Лютеру, отклонил эту идею. Тиндейл уехал к источнику своего вдохновения – в Виттенберг, где он упоминался среди зачисленных в университет в 1524 году. Это было неистовое время, когда ликующий Лютер вернулся в родной город, взяв под свое управление толпы ярых фанатиков и начав применять свои учения на практике. В следующем году Тиндейл прибыл в Кёльн, наиболее значимый центр религиозного книгоиздательства, со своим новым переводом, и постучался в дверь Петера Квентеля, чей отец фактически монополизировал книгоиздательство в городе после того, как утих первый бум со времен Гутенберга.

> Доминирующая тема в этой истории – появление новых национальных настроений.

Квентель принял его и начал работу. Но Кёльн – это не Виттенберг. Здесь старая религия все еще была жива, как и наш давний знакомый, незадачливый оппонент Лютера, Иоганн Добнек, который, убежав из Вормса в поисках книгопечатника, нашел его в том самом Петере Квентеле, который теперь работал с Тиндейлом. Добнек, известный под своим латинским именем Кохлеус, видимо, был поражен, когда, только выйдя из стычки с сатанинским Лютером, узнал, что протеже Лютера пытается совратить его собственного книгопечатника. Он пожаловался властям, которые повиновались Вормсскому эдикту, запрещавшему дальнейшее распространение всего лютеранского, и приготовился к аресту Тиндейла. Но тот вовремя сбежал в Вормс, забрав первые 10 напечатанных непереплетенных блоков листов формата ин-кварто.

Там он переплел эти первые страницы печатного английского издания – пролог и Евангелие от Матфея (и, возможно, от Марка). Затем страницы были переправлены в Англию, что привело в ярость епископа Танстолла. В Вормсе работал не кто иной, как Петер Шёффер, который принялся выполнять задачу по печатанию Нового Завета, переведенного Тиндейлом. Шёффер, будучи экспертом по распространению опасной литературы, предложил использовать формат поменьше, чем внушительные, но громоздкие листы формата ин-кварто Квентеля.

> Лютер обращался к немецкой нации на ее родном языке, он взывал к людям, по горло сытым господством

иностранцев.

Книги формата ин-октава было бы проще переправить в Англию. В 1526 году он напечатал 3 тысячи копий Нового Завета. Шёффер-отец был одновременно коммерсантом и художником, а молодой Петер был еще более деловым, чем его отец. Поэтому Библия Тиндейла не являлась шедевром книгопечатания, но это было неважно. Она прекрасно выполнила свою задачу. Шёффер связался с торговцами, такими как богач Хамфри Монмаут, которые организовали переправку в Англию. Менее значимые люди выполняли роль мулов, разгружая контрабанду и подыскивая покупателей. Это была опасная работа, ибо разоблачение означало верную смерть для людей и их клиентов. Так, Роберт Нектон из Норвича и Уильям Гаррард из Оксфорда, чьи имена стали известны благодаря протоколам их допросов, были сожжены. Сам Монмаут был арестован, но оказался слишком большой шишкой, чтобы предстать перед судом.

Члены преданной команды добровольно рисковали жизнью. Очевидно, что никто из них не стремился много заработать, потому что за Новый Завет Тиндейла запрашивалась максимально низкая цена. Тогда как рукописная копия Библии стоила 30 фунтов (рабочий зарабатывал 2 фунта в год), Новый Завет Тиндейла продавался всего по 4 старых пенса (20 новых пенсов), а иногда и намного меньше. Роберт Нектон договорился с голландским импортером об оптовой продаже 300 копий по цене 9 старых пенсов (30 новых пенсов), что составляло недельную заработную плату и вполне доступную сумму для торговца или небольшой группы единомышленников. К маю 1526 года Новые Заветы продавались из-под многих прилавков; а к осени были распроданы.

Танстолл, будучи вне себя от ярости, приказал купить и сжечь как можно больше копий. Сотни книг были сожжены на большом костре неподалеку от Креста Святого Павла – по крытой свинцом трибуны в старом соборе Святого Павла, с которой обычно зачитывались папские буллы. Ничто не могло лучше помочь распространению идей Реформации. Библия Тиндейла стала продаваться быстрее и позволила ему на вырученные деньги быстро напечатать шесть новых изданий – всего 18 тысяч копий в течение следующих трех лет.

> Библия Тиндейла не являлась шедевром книгопечатания, но это было неважно.

Он, конечно, был еретиком и преступником, жестоко преследуемым лордом-канцлером Генриха VIII, сэром Томасом

Мором. Несмотря на парадоксы, к которым привела его вера, строгая мораль сделала Мора непреклонным в порицании Тиндейла. Он говорил, что нужно уничтожить книги – сжечь их и самого Тиндейла, – чтобы сохранить мир в королевстве. Ересь – это плохо, но терпимо, а вот диверсия – недопустимо. В конце концов убеждения Мора привели его к гибели. Когда его король, желавший получить наследника мужского пола, порвал со своей женой-испанкой Екатериной и бросил вызов папе, Томас отстаивал папское верховенство, за что был казнен в 1535 году. В том же году Тиндейл, все еще работавший над Старым Заветом, во время своего пребывания в Нидерландах был предан, заключен под стражу на 18 месяцев, а затем задушен и сожжен. Какое безумие: английский католик и английский протестант казнены практически одновременно за свои противоположные взгляды!

> Вклад Тиндейла в мучительный и кровавый переход Англии от католицизма к протестантизму стал очевидным.

К тому времени вклад Тиндейла в мучительный и кровавый переход Англии от католицизма к протестантизму стал очевидным. Он положил начало великому английскому движению, которое в течение ближайшего столетия породило творения Шекспира и Библию короля Якова. Тиндейл был английским Лютером в том смысле, что он использовал простой язык. По словам Тиндейла, простые люди не могли понять христианское послание, «за исключением того случая, когда Писание изложено на их родном языке и лежит перед ними». По преданию, он сказал сомневавшемуся церковнику: «Благодаря мне через много лет мальчик, вспахивающий поле, будет знать о Священном Писании больше, чем ты!» Его наставления все еще с нами, или, по крайней мере, должны быть с нами. В Евангелии от Матфея, глава 6, в версии короля Якова величественно говорится: «Когда молитесь, не используйте ненужных повторений». Тиндейл не усложняет вещи: «Молясь, не говорите лишнего». В Первом послании к Коринфянам, глава 13, в популярном отрывке, в котором версия короля Якова содержит так много приводящих в замешательство упоминаний о «милосердии», Тиндейл употребляет простое слово «любовь», к которому возвращается Новая английская Библия. Он использовал интонацию и ритм разговорной речи, и, подобно Лютеру, помог англичанам определить свои культурные принципы.

* * *

Мало у кого возникали сомнения в том, что эти важные перемены произошли во многом благодаря книгопечатанию.

Гутенберг, ранее любимый католиками, теперь стал героем протестантов. Книгопечатание, по словам Лютера, «являлось величайшим актом милости Божьей, благодаря которому дело Евангелия смогло продвинуться вперед», освободив Германию от римских оков; и его последователи были полностью с этим согласны. В 1542 году историк Иоганн Слейдан писал: «Как будто в качестве доказательства того, что Бог избрал нашу землю для выполнения особой миссии, здесь было изобретено новое чудесное и изящное искусство – искусство книгопечатания. Оно открыло глаза Германии, а сейчас несет просвещение другим странам». Популярная метафора, повторявшаяся во многих изданиях времен Реформации, сравнивала книгопечатный пресс с его предшественником – винным прессом, из-под которого лился свежий благородный напиток. Как писал Джон Фокс в своей «Книге мучеников» (1563), «Господь начал работать ради своей Церкви не с мечом и желанием покорить своего возвышенного противника, но с помощью книгопечатания, письма и чтения… Либо папа должен упразднить знание и книгопечатание, либо книгопечатание должно уничтожить его».

Гутенберг, ранее любимый католиками, теперь стал героем протестантов.

Папство, конечно же, не хотело быть уничтоженным и отстаивало свои позиции, используя то же самое «божественное искусство», как называл его Николай Кузанский. В некотором смысле Николай Кузанский и Гутенберг достигли своей цели, поскольку теперь стало возможным воспроизводить унифицированные тексты, тем самым сделав их доступными для всего католического мира. Но теперь этот мир находился под угрозой, поэтому единообразие превратилось в нечто менее добродетельное – в строгий консерватизм и отрицание перемен. Определенные идеи, которые раньше были возможным предметом дискуссий, такие как космология Аристотеля, теперь стали непреложными. Из-под строгих прессов Рима выходили книги с указаниями о том, как определить грех и как правильно проповедовать.

Однако Церкви этого было недостаточно. «Если одни работы должны быть опубликованы, то другие – определенно нет» – эта точка зрения Церкви вызывала порицание со стороны некатоликов: они осуждали попытки контролировать печать, запрещая те книги, которые Церковь не одобряла.

Церковь всегда заявляла о своем праве одобрять или не

одобрять книги, и бывали случаи запретов, которые инквизиции было несложно реализовать, так как тогда одни монахи изготавливали книги для других монахов. Но приход книгопечатания создал проблемы, а Реформация еще больше их усложнила.

> Церковь всегда заявляла о своем праве одобрять или не одобрять книги.

В 1542 году папа Павел III создал инквизицию, цель которой – противостояние Реформации. Эта цель достигалась с помощью террора, которому могли позавидовать даже испанские инквизиторы. Одна из функций инквизиции – осуждение еретических книг – задача, которую во Франции выполняла Сорбонна, опубликовавшая свой собственный список запрещенных книг. Тридентский собор (1545—1563), созванный, чтобы дать ответ протестантской ереси, установил централизованный список еретических книг, которые существовали благодаря этому проклятому изобретению, книгопечатанию, а также список допустимых книг, который, благодаря этому «божественному изобретению», мог распространяться по всему миру верных христиан. Первый список, опубликованный в 1559 году, увеличивался с каждым годом, так же как и его плохая слава.

Хотя на самом деле не такая уж и плохая, потому что «Индекс запрещенных книг» объявлял обо всех интересных новинках и служил хорошей рекламой для протестантских издателей. Запрет, в действительности, практически никогда не работал: во Франции официальный книготорговец Жан Андре издал как «Индекс запрещенных книг», так и книгу запрещенного еретического поэта Клемана Маро. Запрет служил своего рода рекомендацией. Среди тех, кто в первое время находился в списке запрещенных авторов, были Пьер Абеляр, Лефевр д'Этапль (первый переводчик Библии на французский язык), Боккаччо, Кальвин, Данте, Эразм Роттердамский, Рабле и, конечно же, Лютер. К тому времени, как в 1966 году «Индекс» был отменен, в нем накопилось 4 тысячи книг.

> «Индекс запрещенных книг» объявлял обо всех интересных новинках и служил хорошей рекламой для протестантских издателей.

Этот список легко критиковать. Такова судьба цензоров всего мира – подвергаться насмешкам и оскорблениям. Но так как «Индекс» оказался знатным провалом (среди запрещенных

авторов были Вольтер, Руссо, Гиббон, Бальзак, Флобер, Декарт и Дарвин), скорее всего, не стоит порицать его со слишком большой строгостью, которую можно приберечь для нескольких удачных случаев работы цензуры, имевших место в прошлом столетии. Следует отметить, что, как указывает Норман Дэвис в своей книге «История Европы», Ватикан не видел ничего разрушительного ни в «Иконокласте» Мильтона (который был запрещен в Англии в 1660 году), ни даже в «Любовнике леди Чаттерлей» (который был запрещен в Британии с 1928 по 1960 год). Его противоречивость кажется теперь признанием единственного факта: было уже слишком поздно делать что-либо с тем, что уже вышло из-под контроля.

* * *

Эта книга фокусируется в основном на стартовой точке книгопечатания и его непосредственных последствиях. Более поздним результатам нет и не будет конца, пока бумага не отживет свой век, а быть может, им не будет конца и тогда, поскольку изобретение Гутенберга положило начало переменам, которые уходят глубже, чем какое-либо открытие по отдельности или в комбинациях с другими.

Печатая Библию, Гутенберг стремился создать вещь, которая хранилась бы так же долго, как любая рукописная копия. Его предположение, которое в то время было общераспространенным, состояло в том, что пергамент предпочтительнее бумаги, поскольку пергамент вечен, а бумага бренна. Здесь сокрыты две иронии. На самом деле его бумажные Библии хранились достаточно хорошо. Он определенно удивился бы, если бы узнал, что некоторым из них исполнилось 500 лет. Тем не менее, если не считать таких крупных работ, бумага действительно разрушается, но – и в этом опять-таки заключается ирония – часто это не имеет значения, поскольку теперь, когда книги можно печатать и перепечатывать, значение имеет не материал, а содержащаяся в них информация.

Печатая Библию, Гутенберг стремился создать вещь, которая хранилась бы так же долго, как любая рукописная копия.

Изобретение Гутенберга сделало возможным создание интеллектуального генома – базы знаний, которая может передаваться из поколения в поколение, обнаруживаясь в отдельных книгах, подобно тому как человеческий геном

проявляется в нас с вами, оставаясь при этом неизменным; создание реки знаний, из которой каждое поколение может что-то взять и в которую может что-то добавить, даже после того как исчезнет последний пресс, когда больше не будет бумаги и все накопленные знания станут храниться в киберпространстве. Потому что там вечно будет храниться Библия Гутенберга во всем своем электронном великолепии, чтобы напоминать детям наших детей о том, что именно с этого начиналась революция, свершенная Иоганном Гутенбергом.

> Изобретение Гутенберга сделало возможным создание интеллектуального генома – базы знаний, которая может передаваться из поколения в поколение.

Приложение I
42-строчная Библия: возможный бухгалтерский баланс

Долги.

Займы: изначальный заем Гутенберга в 150 гульденов плюс 1600 гульденов, предоставленных Фустом, плюс проценты, плюс сложные проценты.

Итого: около 2200 гульденов.

Издержки.

Расходы Гутенберга на одну лишь Библию были подсчитаны немецким историком книгопечатания Леонардом Гофманом.

Шесть прессов	240
Наборные кассы и другая оснастка	60
Рента за три года	30
Отопление	20
Три ручные литейные формы	60
Шрифтолитейные металлы	100
Краска	30
Бумага	400
Пергамент	300
Заработная плата	800
Библия (как образец для продаж)	80
Итого	**2120**

Это примерно равно сумме всех займов Гутенберга. Но ведь он трудился не только над Библией. У него был еще один цех, в котором шла работа над несколькими проектами: «Донатом», общий тираж которого составил около 5 тысяч копий, а также «Книгами Сивилл», индульгенциями и другими ныне утраченными изданиями, общий тираж которых никому не известен. Таким образом, необходимо включить в подсчеты еще один (меньший) цех, дополнительный персонал, больше металла, больше краски, пергамента и бумаги – намного больше бумаги, потому что тираж этих изданий был гораздо выше. Как же все это посчитать? В качестве ориентира будем использовать известные

нам данные о том, что, когда при монастыре Святого Ульриха в Аугсбурге в 1472 году был открыт книгопечатный цех – а к тому времени новая отрасль уже упрочилась и цены упали, – 10 прессов вместе с литерами стоили 702 гульдена. Поэтому грубо можно допустить, что Гутенберг потратил сумму изначальных займов, то есть еще 2200 гульденов.

Общие издержки: как минимум, около 4400 гульденов.

Доход.

Дополнительные расходы должны быть профинансированы из продаж меньших проектов, оценка которых будет крайне грубой. Копия «Доната», возможно, стоила полгульдена, памфлеты и календари меньше, а индульгенции – 0,1 гульдена. Но каждый проект печатался и продавался в количестве нескольких тысяч экземпляров. Мы можем допустить, что за шесть лет, с 1449 по 1455 год, доход составил чуть больше 4 тысяч гульденов. Как бы то ни было, нам известно, что доход от этого источника не покрывал всех расходов.

Что касается Библии, здесь посчитать проще. Чтобы получить примерные цифры, нужно принять во внимание следующее:

• рукописная Библия аналогичного качества стоила от 60 до 100 гульденов;

• Гутенберг должен был продавать свои Библии дешевле, чем рукописные, особенно учитывая то, что его книги не имели рубрикации и переплета;

• книга, напечатанная на бумаге, стоила примерно в три раза дешевле, чем напечатанная на пергаменте.

Учитывая эти и другие рассуждения, согласно нашей оценке, 42-строчная Библия должна была принести следующий доход.

30–45 пергаментных копий по 50 гульденов	1500–2250
135–150 бумажных копий по 20 гульденов	2700–3000
Итого	4200–5250

Итоги.

Таким образом, бухгалтерский баланс Гутенберга в 1449—1455 годах мог выглядеть примерно так.

Расходы (в том числе долги)	4500
Полученный доход	4000
Запланированный доход	5000
Прибыль в 1455 году	ноль или минус
Запланированная прибыль, минимум	4500

Приложение II
Немецкие книгопечатники за границей: первая волна

Города	Год, когда была напечатана первая книга	Печатник
Италия		
Субьяко	1465	Свейнхейм, Паннарц
Рим	1466	Ган
Венеция	1469	Иоганн фон Шпейер
Фолиньо	1470	Нумейстер
Треви	1470	Рейнхард
Флоренция	1471	(Иоганн) Петри
Милан	1471	Вальдарфер
Болонья	1472–1473	Вурстер
Неаполь	1471	Иессингер
Перуджа	1471	(Петрус) Петри, Николай
Падуя	1472	Мартинус
Мантуя	1472	Адам
Савильяно	1473–1474	Бейамус, Глим
Брешия	1474	Дален
Генуя	1474	Скопо
Савона	1474	Бонус (Гут?)
Санторсо	1474	Ахат, фон Рин
Виченца	1474	Ахат
Модена	1475	Вурстер
Фаэнца	1476	Фер, Кандлер
Тренто	1476	Шинделяйп

Продолжение.

Города	Год, когда была напечатана первая книга	Печатник
Тревизо	1476	де Хассиа
Асколи-Пичено	1477	де Линис
Палермо	1476–1478	Фиель
Мессина	1478	Айдинг
Аквила	1482	Ротвайль
Сончино	1483–1484	бен Исраэль Натан (Сончино)
Сиена	1484	Дален
Песция	1485–1486	Родт
Казальмаджоре	1486	бен Исраэль Натан
Верона	1486	Фриденпергер
Гаэта	1487	Фритаг
Капуя	1489	Преллер
Лукка	1490	Дален
Ноццано	1491	Генрих (из Кёльна)
Урбино	1493	Генрих (из Кёльна)
Барко	1496	бен Моше (Сончино)
Франция		
Париж	1470	Геринг, Фрибургер, Кранц
Альби	1475	(неизвестный)
Тулуза	1476	Тернер
Лион	1477	Филиппи, Рейнхарт
Вьен	1478	Шиллинг
Мутье	1486	Вальтер
(неизвестен)	1486	Адам Аламанус
Безансон	1487	Метлингер
Доль	1489	Метлингер
Дижон	1491	Метлингер
Клуни	1492	Венслер
Макон	1493	Венслер
Перпиньян	1500	Розенбах

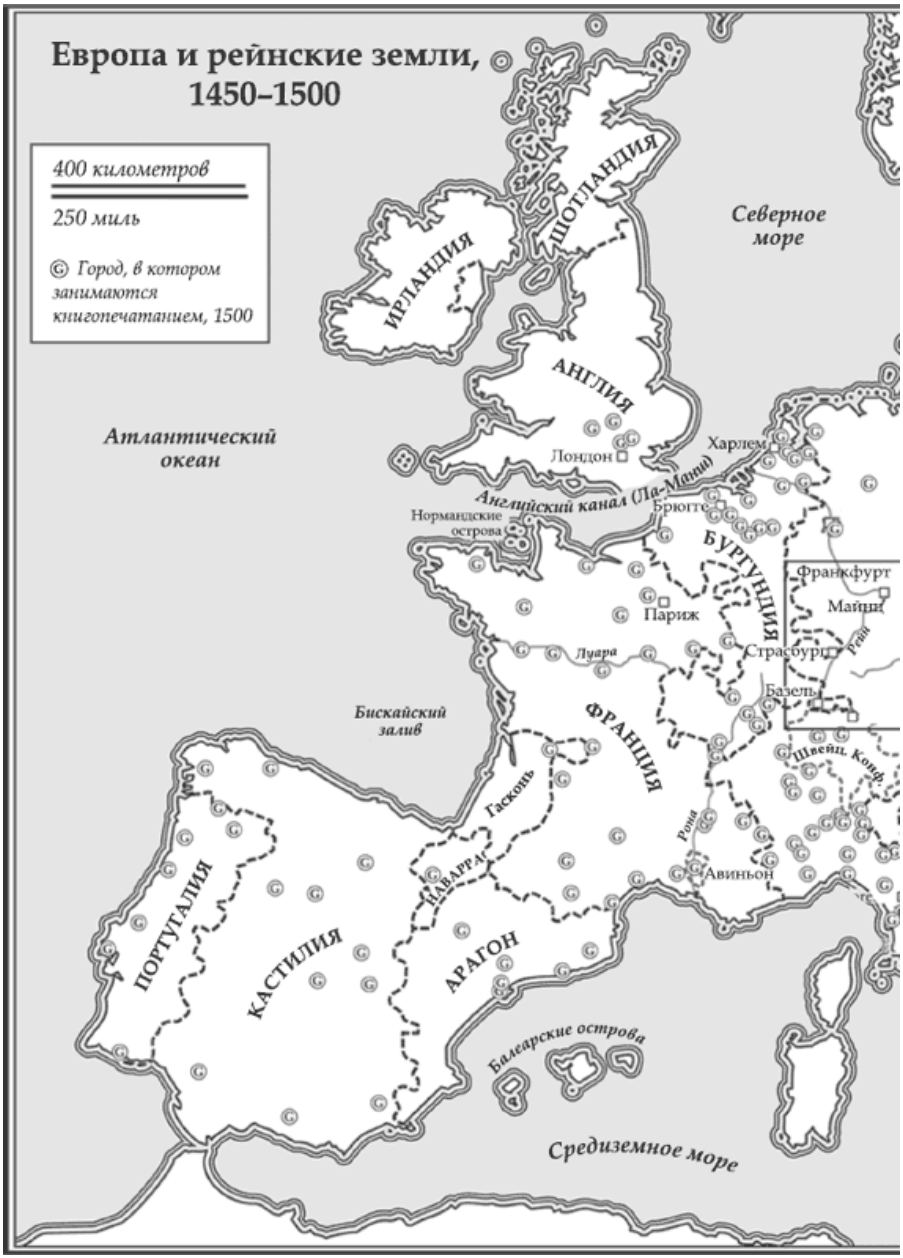
Города	Год, когда была напечатана первая книга	Печатник
Франкоговорящая Швейцария		
Женева	1478	Штайншабер
Ружмон	1481	Вирцбург
Испания		
Сеговия (?)	1472 (?)	Парикс
Валенсия	1473	Пальмарт
Барселона	1473	Ботель, фон Гольц, Планк
Сарагоса	1476	Ботель, Гурус
Тортоса	1477	Шпинделер, Брун
Лерида	1479	Ботель
Таррагона	1484	Шпинделер
Бургос	1485	Бьель
Мурсия	1487	де ла Рока
Севилья	1490	Павел (из Кёльна), Пегницер, Глокнер, Хербст
Саламанка	1495–1497	Гутц
Оренсе (?)	1495 (?)	Герлинк
Монтеррей	1496	Герлинк
Гранада	1496	Пеницер
Толедо	1499	Хагенбах
Монсеррат	1499	Люшнер
Португалия		
Брага	1494	Герлинк
Лиссабон	1495	Николай (из Саксонии), Валентин
Африка		
Сан-Томе	1494	Валентин (из Моравии)
Нидерланды		
Аалст	1474	Иоганн де Вестфалия
Лёвен	1474	Иоганн де Вестфалия
Девентер	1477	Пафраэт

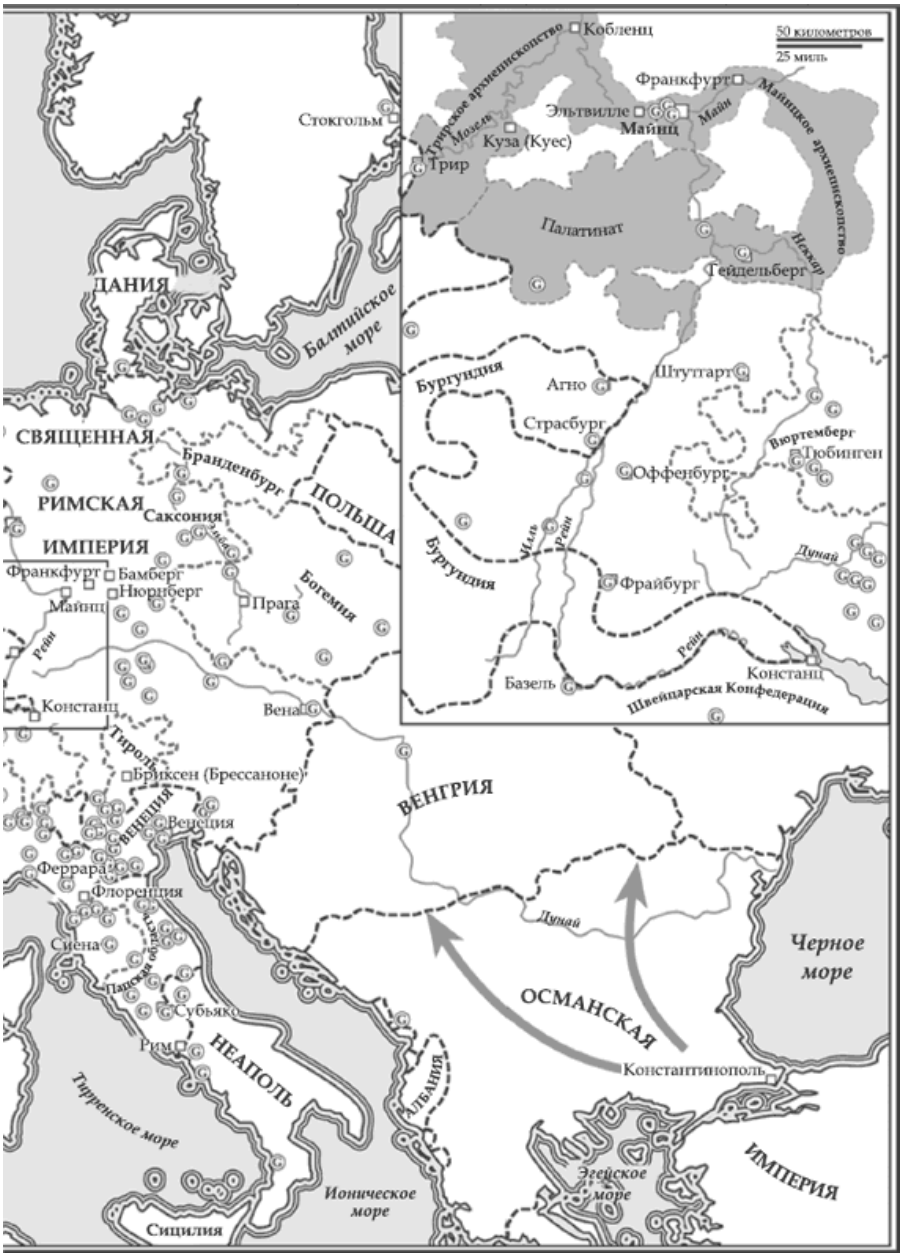
Продолжение.

Города	Год, когда была напечатана первая книга	Печатник
Утрехт	1477–1478	Фельденер
Куленбург	1483	Фельденер
Делфт	1497	Эккарт
Антверпен	1500	Эккарт
Англия		
Лондон	1476	Винкин де Ворд (Ворт)
Оксфорд	1478	Роод (?)
Дания		
Оденсе	1482	Снелль
Швеция		
Стокгольм	1483	Снелль
Богемия и Моравия		
Винтерберг	1484	Алакрав
Брно	1486	Стахель, Прейнляйн
Ольмюц	1499	Прейнляйн
Венгрия		
Будапешт	1473	Гесс
Польша		
Краков	1473–1474	Штраубе

Окончание.

Примечание. Приведены даты деятельности только немцев-первопроходцев. Во многих случаях местные жители опережали их, иногда нанимая немецких помощников. Некоторые немецкие первопечатники (например, Ахат и Вурстер) открыли более одного цеха.


Европа и рейнские земли, 1450–1500
400 километров
250 миль
Город, в котором занимаются книгопечатанием, 1500
Северное море
Шотландия
Ирландия
Англия
Атлантический океан
Лондон
Харлем
Английский канал (Ла-Манш)
Брюгге
Нормандские острова
Бургундия
Франкфурт
Майнц
Париж
Страсбург
Рейн
Луара
Базель
Бискайский залив
Франция
Швейц. Конф.
Гасконь
Рона
Авиньон
Португалия
Кастилия
Наварра
Арагон
Балеарские острова
Средиземное море


50 километров
25 миль
Кобленц
Трирское архиепископство
Франкфурт
Майнцское архиепископство
Эльтвилле
Майнц
Майн
Мозель
Куза (Куес)
Трир
Стокгольм
Палатинат
Неккар
Гейдельберг
ДАНИЯ
Балтийское море
Бургундия
Агно
Штуттгарт
Страсбург
Вюртемберг
Тюбинген
СВЯЩЕННАЯ
Бранденбург
Оффенбург
ПОЛЬША
РИМСКАЯ
Саксония
Илль
Рейн
Бургундия
Дунай
ИМПЕРИЯ
Франкфурт
Бамберг
Нюрнберг
Богемия
Майнц
Прага
Фрайбург
Рейн
Констанц
Базель
Швейцарская Конфедерация
Констанц
Вена
Тироль
Брикcен (Брессаноне)
ВЕНГРИЯ
ВЕНЕЦИЯ
Венеция
Феррара
Флоренция
Дунай
Черное море
Сиена
Папская область
Субьяко
ОСМАНСКАЯ
Рим
НЕАПОЛЬ
Константинополь
Тирренское море
АЛЬБАНИЯ
ИМПЕРИЯ
Эгейское море
Ионическое море
Сицилия

Библиография

Несмотря на то что литературы о ранней истории книгопечатания достаточно много, полной современной биографии Гутенберга нет. Лучшая работа – перевод Капра Дугласом Мартином. Вероятно, лучшая биография в настоящее время – труд Бехтеля.

Февр и Мартин лучше всех изложили историю распространения книгопечатания после Гутенберга. Элизабет Эйзенштейн прекрасно описала его влияние на развитие культуры. Наиболее успешная краткая работа о Гутенберге – книга, изданная городскими властями Майнца в 2000 году в честь празднования нового тысячелетия, которое совпало с 600-й годовщиной со дня рождения Гутенберга. Джанет Инг и Мартин Дэвис написали авторитетные краткие работы о Гутенберге и Библии. Все эти труды, кроме английской версии Февра и Мартина, содержат прекрасные биографии.

Ниже приведены источники, использованные в работе над данной книгой.

1. Aguera y Arcas Blaise. *Temporary Matrices and Elemental Punches in Gutenberg's DK Type // Incunabula and their Readers* (ed. Kristian Jensen). The British Library, London, 2003.

2. American Cusanus Society Newsletter, Long Island University. Brookville, NY.

3. Bechtel Guy. *Gutenberg et l'invention de l'imprimerie.* Paris, 1992.

4. Bett Henry. *Nicholas of Cusa.* London, 1932.

5. Blake Norman. *Caxton: England's First Publisher.* London, 1976.

6. Blum Rudolf. *Der Prozess Fust gegen Gutenberg.* Wiesbaden, 1954 (useful for the Middle High German text).

7. Bockenheimer K. G. *Gutenberg-Feier in Mainz 1900: Festschrift*. Mainz, 1900.

8. Carter Harry. *A View of Early Typography Up to About 1600*. Oxford, 1969.

9. Chappell Warren and Robert Bringhurst. *A Short History of the Printed Word*. Vancouver, 1970, 1999.

10. Christianson Gerald and Thomas Izbicki (eds.). *Nicholas of Cusa in Search of God and Wisdom: Essays in honour of Morimichi Watanabe* by the American Cusanus Society, Leiden and New York, 1991.

11. Colonna Francesco. *Hypnerotomachia Poliphili*. Translated by Joscelyn Godwin. London, 1999.

12. Cooper Denis. *The Art and Craft of Coinmaking*. London, 1988.

13. Daniell David. *William Tyndale: A Biography*. New Haven and

London, 1994.

14. Davies Martin. *Aldus Manutius: Printer and Publisher of Re naissance Venice*. London, 1995.

15. Davies Martin. *The Gutenberg Bible*. London, 1996.

16. Du Boulay, F. R. H. *Germany in the Later Middle Ages*. London, 1983.

17. Duggan Mary Kay. *Politics and Text: Bringing the Liturgy to Print*. Gutenberg-Jahrbuch, Summer 2001 (pre-publication draft).

18. Eisenstein Elizabeth. *The Printing Revolution in Early Modern Europe*. Cambridge, 1983 (with many reprints), abridged from her two-volume work, *The Printing Press as an Agent of Change*.

19. Febvre, Lucian and Henri-Jean Martin. *The Coming of the Book*. London, 1997 (from the French, *L'Apparition du Livre*. Paris, 1958).

20. Fu.. ssel Stephan. *Johannes Gutenberg*. Hamburg, 1999.

21. Geldner Ferdinand. *Die Deutschen Inkunabel-Drucker*. Stuttgart, 1970.

22. Gutenberg-Jahrbuch. Gutenberg Society, Mainz. Vital for up-to-date advances in Gutenberg research.

23. Hellinga Lotte. *Caxton in Focus*. London, 1982.

24. Hopkins Jasper. *A Concise Introduction to the Philosophy of Ni cholas of Cusa*. Minneapolis, 1978.

25. Ing Janet. *Johann Gutenberg and His Bible*. New York, 1988.

26. Kapr Albert. *Johann Gutenberg: The Man and His Invention*, Aldershot (Hants), 1996. Translated by Douglas Martin. This English translation is one of those books that actually gains in translation. Kapr's original is *Johannes Gutenberg: Persu.. nlichkeit und Leistung*, Leipzig, 1986 and Munich, 1987. This incorporates his many contributions to the Gutenberg-Jahrbuch.

27. Lefaivre Liane. *Leon Battista Alberti's Hypnerotomachia Poliphili: Recognizing the Architectural Body in the Early Italian Renaissance*. Cambridge, Mass., 1997.

28. Mainz (City of) *Gutenberg: Man of the Millennium*. Mainz, 2000. Well– illustrated and expert abridgement in English and German of its massive Exhibition Catalogue (only in German).

29. McCluhan Marshall. *The Gutenberg Galaxy*. Toronto, 1966, and often reprinted. (A non-narrative hodge-podge by turns baffling and stimulating.).

30. McMurtrie Douglas. *The Gutenberg Documents*. Oxford, 1941.

31. Marius Richard. *Martin Luther: The Christian Between God and Death*. Cambridge, Mass., 1999.

32. Moxon Joseph Mechanick. *Exercises in the Whole Art of Printing*, ed: Herbert Davies and Harry Carter. Oxford, 1958.

33. Piccolomini Aeneas Silvius (Pius II). *The History of Two Lovers*,

Barnabe Riche Society. Ottawa, 1999. This has updated spelling. For the original spelling, see *The Goodli History of the Lady Lucres of Scene and of her Lover Eurialus*. Oxford, 1996.

34. Reitzel Adam. *Die Renaissance Gutenbergs*. Mainz, 1968.

35. Robinson Francis. *Islam and the Impact of Print in South Asia* in Nigel Crook (ed.), *The Transmission of Knowledge in South Asia*. Oxford, 1996.

36. Ruppel Aloys. *Johannes Gutenberg: Sein Leben und sein Werk*, 1939 (and many other important contributions).

37. Schartl Reinhard. *Johannes Fust und Johannes Gutenberg in zwei Verfahren vor dem Frankfurter Schu.. ffengericht*. Gutenberg-Jahrbuch, Mainz, 2001.

38. Scholderer Johann. *Gutenberg: The Inventor of Printing.* London, 1963.

39. Seidenberger Dr J.B. *Die Zunftk8Ampfe in Mainz und der Anteil der Familie Gensfleisch*. Mainz, 1900.

40. Sigmund Paul. *Nicholas of Cusa and Medieval Political Thought*. Cambridge, Mass., 1963.

41. Smeijers Fred. *Counterpunch*. London, 1996.

42. Sohn Pow-Key. *Printing in China and Early Korean Printing* in Hans Widmann (ed.), *Der Gegenw8Artige Stand der Gutenberg-Forschung*. Stuttgart, 1972.

43. Sprenger Kai-Michael. *"voluminus tamen…"* (on Gutenberg's possible publication of indulgences for Nicholas of Cusa). Gutenberg-Jahrbuch, 2000.

44. Tyndale William. *The New Testament*. London, 2000.

45. Venzke Andreas. *Johannes Gutenberg: Der Erfinder des Buchdrucks und seine Zeit*. Munich and Zurich, 1993.

46. Watts Pauline Moffitt. *Nicolaus Cusanus: A Fifteenth-Century Vision of Man*. Leiden, 1982.

47. Wilson Adrian. *The Making of the Nuremberg Chronicle*. Amster dam, 1976.

Благодарности

Я должен высказать огромнейшую признательность Джеймсу Мосли, бывшему сотруднику библиотеки Сент-Брайд и внештатному преподавателю типографского дела в Университете Рединга. Его великодушие, компетентность, терпение и ум превратили работу в настоящее удовольствие.

Благодарю также Стефана Фусселя из Института библиологии при Университете имени Иоганна Гутенберга в Майнце за помощь в поиске материалов, касающихся архиепископа Альбрехта и публикации 95 тезисов; персонал библиотеки Сент-Брайд; Кристиана Дженсена и Джона Голдфинча из Британской библиотеки за помощь с инкунабулами; Еву Ханебутт-Бенц, директора Музея Гутенберга в Майнце; Барри Кука из Британского музея; семью Кеглеров из Дома Бехтермюнце в Эльтвилле; Хейзел Белл за помощь с историей списков; Силию Кент и Яна Маршалла из издательства *Headline,* – самых лучших редакторов, а также Фелисити Брайан, замечательного посредника; Джоселина Годвина с кафедры музыки Университета Колгейта, Нью-Йорк, за помощь с «Гипнэротомахией Полифила»; Дона Бичера с кафедры английского языка Карлтонского университета, Оттава, за помощь, касающуюся «Любовников» Пикколомини; Ника Вебба; Миюки Нагаи из Шеффилдского университета; Фрэнсиса Робинсона с кафедры истории Королевского колледжа Холлоуэй при Лондонском университете за помощь в вопросах ислама; Мэри Кей Дугган из Калифорнийского университета в Беркли за предоставленную ею информацию о политике религиозного книгоиздания в середине XV века; Тахира Авана из издания «Мусульманский справочник»; Моримичи Ватанабе из Американского общества Николая Кузанского.

notes

Примечания

1

Дуглас Адамс (1952—2001) – знаменитый английский писатель, драматург, сценарист. Получил всеобщую известность благодаря фантастическому произведению «Автостопом по Галактике». – *Прим. пер.*

2

Соотношение выглядит следующим образом: если заменить «короткую» и «длинную» стороны на *a* и *b*, тогда *a: b* будет таким же, как *b: a + b*. Соотношение составляет 0,618… обычно округляется до 0,625, или 5/8. Поэтому, если короткая сторона равна 5, а длинная – 8, второй элемент (*b: a + b*) становится отношением 8:13. Соотношение, согласно широко распространенному мнению, имело магические свойства: отсюда значимость пентаграммы, которая содержит 200 золотых сечений.

3

Первая попытка установить авторское право была предпринята несколькими годами позже, в 1519 году, когда еврейский доктор Павел Ричи в переводе медицинского трактата арабского хирурга Абу-аль-Касима (Альбукасиса) угрожал отлучением от церкви каждому, кто попытается незаконно переиздать работу в течение шести лет после ее публикации. Лишь спустя почти 200 лет авторское право впервые получило поддержку закона в Англии (1709).

4

Трейнспоттер – человек, хобби которого – отслеживание поездов и запись номеров локомотивов. – *Прим. пер.*

5

В китайском языке принцип организации словарей и каталогов очень сложен, он основан на 227 элементах, используемых при написании иероглифов, которые разделяются по количеству штрихов на символ (до 14 и более в классическом китайском языке). Каждому символу может быть присвоен числовой код в соответствии с системой поиска по четырем углам, которая теоретически дает набор из 9999 символов. Но, когда была изобретена латинизированная версия китайского языка – пиньинь, – проводить исследования стало гораздо легче.